9(W71) / P88C x 6

7/I — 1882.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

9(47)
Р88 к6

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. ІЮНЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Приказъ нашимъ арміямъ и два манифеста Императора Александра I вначалѣ Отечественной войны. . . . . 445—447
II. Императоръ Александръ Павловичъ въ дѣйствующей арміи въ началѣ Отечественной войны, и возвращеніе его, черезъ Москву, въ Петербургъ. 448—466
III. 1812-й годъ. Послѣдніе дни командованія Барклаемъ 1-й и 2-й западными арміями. (Періодъ со времени окончанія боевъ подъ Смоленскомъ 8-го августа до прибытія къ арміямъ Кутузова 17-го августа). Б. М. Колюбакина. 467—476
IV. Манифесты, написанные Шишковымъ въ Отечественную войну, и патріотическое ихъ значеніе. Н. А. Палицына. . 477—491
V. Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. А. А. Мазона. 492—527
VI. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г. Е. А. Рагозиной. . . . 528—535
VII. Воспоминанія о Е. Д. Полѣновой. Е. Юнге . . 536—545
VIII. Прошлое Сибири. (Потребность въ изученіи его). Энъ-Пэ. . . . . 546—554
IX. Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни. (1870—1875 г.). В. С. Чеважевскаго. . . . . 555—585
X. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Е. Ш. . . . 586—592
XI. Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . . 597—614
XII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:
а) Пруссаки стараго времени и командовавшій прусскимъ корпусомъ въ 1812 г. маршалъ Макдональдъ. . . . . 593—596
XIII. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).
XIV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4 по 11 августа 1911 г. (на оберткѣ).
Въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“ — Записки генерала Ермолова, въ Отечественную войну 1812 года. . . . 1—15

Къ этой книгѣ приложены: 1) Портреты: Императора Александра I, И. А. Гончарова, А. Ф. Мишо, гр. А. А. Аракчеева, А. Д. Балашова, А. С. Шишкова. 2) Рисунокъ—Императоръ Александръ I, въ Вильно въ 1812 г. 3) Докладъ Императору Александру I, написанный гр. А. Аракчеевымъ, А. Балашовымъ и А. Шишковымъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1912.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1912 года.

Библіографическій листокъ.

В. П. Авенаріусъ. Среди враговъ. Дневникъ юноши, очевидца войны 1812 г. Съ 12 картинами изъ эпохи Отечественной войны и картою. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к. Изд. книжнаго магазина П. В. Луковникова. **Его-же. Дочь посадничья. Повѣсть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы.** Съ 53 рисунками. Изд. книжнаго магазина Луковникова.

Всѣ произведенія В. П. Авенаріуса всегда пользуются вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Его новая повѣсть „Среди враговъ“ вышла вполнѣ своевременно къ юбилею 1812 г. Въ формѣ дневника одного изъ современниковъ авторъ образно и увлекательно передаетъ характерныя событія великой эпопеи 1812 г. Книжка, украшенная удачно выбранными и хорошо исполненными иллюстраціями, читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

„Дочь посадничья“ воскрешаетъ передъ читателемъ жизнь и бытъ великаго русскаго вольнаго города, его высокую по тому времени культуру и его сношенія съ иностранцами и, кромѣ того, понравится юнымъ читателямъ своей интересной фабулой. Вообще, цѣнность историческихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса въ томъ, что своимъ живымъ, талантливымъ изображеніемъ различныхъ эпохъ, пережитыхъ нашей родиной, онъ несомнѣнно возбуждаетъ въ юныхъ читателяхъ интересъ къ русской исторіи и къ ея изученію.

Очень хороши также и его ранѣе вышедшіе біографическіе разсказы: „Первый русскій изобрѣтатель Кулибинъ“ и „Молодость Пирогова“, имѣющіе серьезное воспитательное значеніе. *Н.*

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4 по 11 августа 1911 г.

Александровскій, Г. Б. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. II. Кіевъ. 1911. Изд. 3-е. Тип. 1-й Кіев. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятит., 5). 8° (18×27). VIII+219 стр. Складъ: кн. маг. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 31 л. 5.000 экз.

Содержаніе. Графъ Л. Н. Толстой и его художественное творчество перваго періода.—Общая характеристика народническаго направленія въ русской литературѣ въ 40—70-е годы XIX вѣка.—Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.—Графъ А. К. Толстой и его стихотворенія.

Аплаксинъ, А. П. Русское церковное искусство и его современныя задачи (Докладъ, прочитанный 8-го января 1911 года на IV Съѣздѣ Русскихъ Зодчихъ въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича). Спб. 1911. Тип. Алек.-Невск. Общ. Трезвости (Обводный, 116). 16° (10×14). 72 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Библіографическій указатель книгъ, сочиненій и статей, относящихся къ статистикѣ, исторіи и этнографіи Сѣвернаго Кавказа. Ставрополь губ. 1911. Тип. Сѣверный Кавказъ. 8° (18×28). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 400 экз.

Бречкевичъ, М. В. Введеніе въ соціальную исторію Княжества Славіи, или Западнаго Поморья. Изслѣдованіе по исторіи прибалтійскихъ поморянъ за первые полтора вѣка со времени принятія ими христіанства (1128—1278 г.). Юрьевъ. 1911. Тип. К. Маттисена. 8° (16×25). VI+267 стр. Вѣсъ 1 ф. 600 экз.

Вольтеръ. Исторія Карла XII, короля Шведскаго. Переводъ съ французскаго А. Д. Библіотека французскихъ писателей въ русскомъ переводѣ. Житоміръ. 1911. Изд. Южно-Рус. Книгоизд. Ф. А. Іогансона. Тип. Е. А. Синькевича. 16° (11×15). 131 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Воскресенскій, А. Городъ Елецъ въ его настоящемъ и прошломъ. (Опытъ историческаго очерка). Елецъ. 1911. Изд. и тип. газ. Голосъ Порядка. 8° (13×22). 186 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 14 л. 5.000 экз.

Житіе и чудеса Святителя Іоасафа, Епископа Бѣлгородскаго. Спб. 1911. Тип. Бр. Лукшевицъ (5 Рожд., 44). 8° (16×22). 70 стр. Съ 4 рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 40.000 экз.

Ивановъ, К. А. Учебникъ новѣйшей исторіи (для реальныхъ училищъ). Спб. 1911. Изд. 2-е, перераб. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (16×23). 250+III+1 нен. стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 24 л. 5.000 экз.

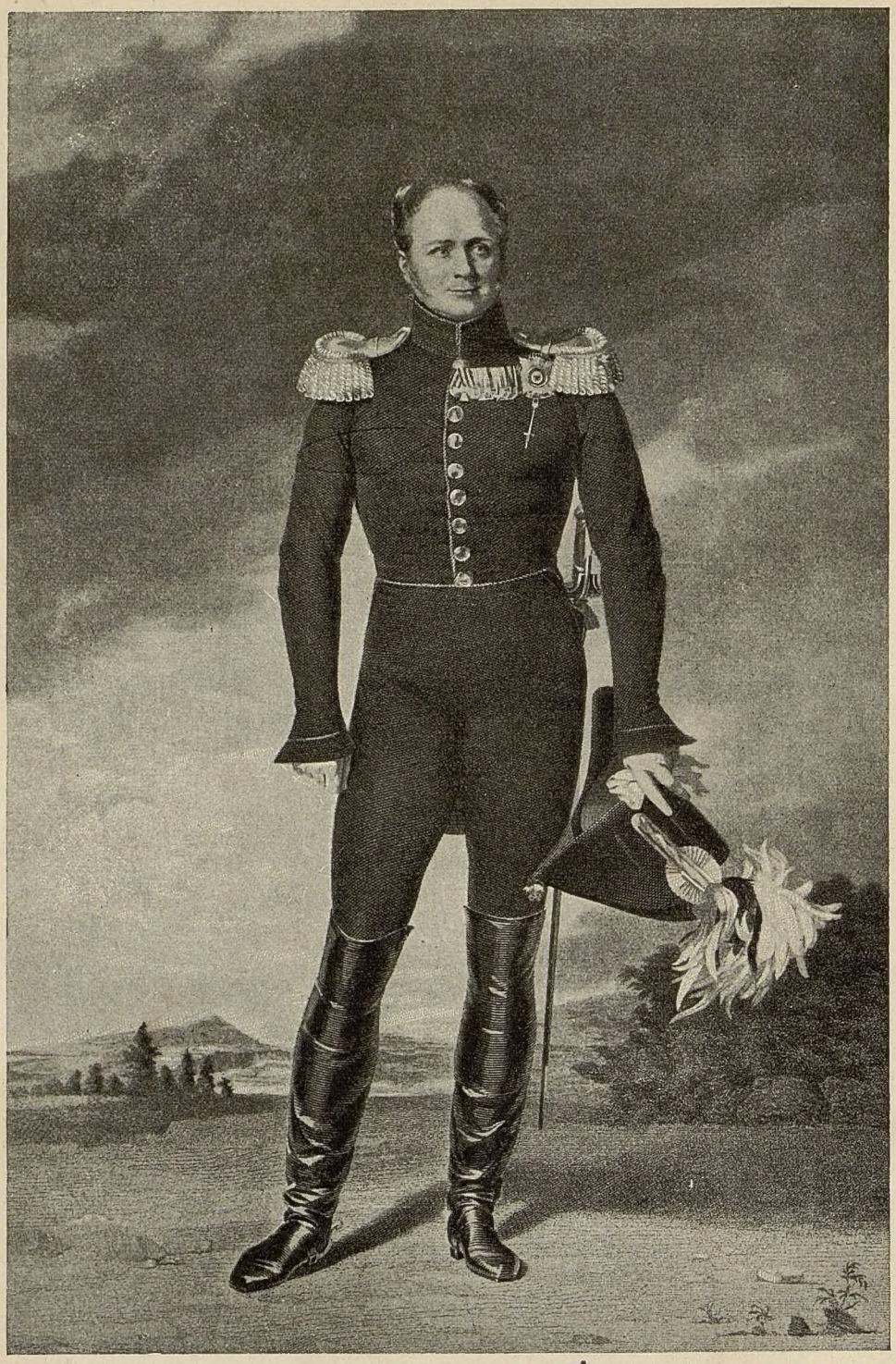
Каталогъ „Шведскаго Архива“ въ Ригѣ. Рига. 1911. Тип. В. Ф. Геккеръ. 8° (15×22). 78 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

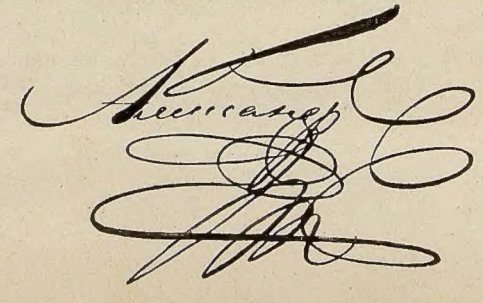
Кауфманскій сборникъ, изданный въ память 25 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти покорителя и устроителя туркестанскаго края генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана 1-го. М. 1911. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (18×27). LXXXIV+17—247 стр. Съ рис.+16 лист. рис. Вѣсъ 3 ф. 4 л. 600 экз.

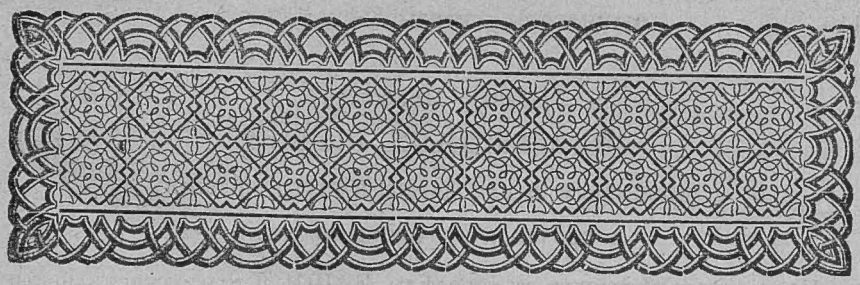
Кирхгофъ. Морская сила въ Балтійскомъ морѣ. Ч. II. Ея вліяніе на исторію прибалтійскихъ странъ въ девятнадцатомъ столѣтіи. Перевели съ нѣм. бар. Гревеницъ и кап.-лейт. Бойль. Спб. 1910. Тип. Морск. Министерства (Глав. Адмиралтейство). 8° (17×24). XX+347 стр.+6 картъ и 9 плановъ. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 2.000 экз.

Козловъ, И. Къ вопросу о „Цезаро-папизмѣ“. (Святоотеческія, каноническія, историческія справки). Народно-Миссіонерская Библіотечка. Спб. Изд. В. М. Скворцова (Невскій, 153). Тип. „Колоколъ“ (Невскій 127). 8° (15×21). 20 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки







Приказъ Нашимъ арміямъ [1]).

Изъ давняго времени примѣчали Мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ Нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго Нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска Наши при Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего иного, какъ призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ Вами. „На зачинающаго Богъ“.

Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано тако:

Александръ.

Въ Вильнѣ.
Іюня 13 1812 г.

---

[1]) Редакція предполагаетъ помѣщать наиболѣе характерные манифесты, воззванія Императора Александра I, написанные 100 лѣтъ тому назадъ А. С. Шишковымъ.

Божіею Милостію

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе Великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. МЫ призвавъ на помощь Бога поставляемъ въ преграду ему войски НАШИ, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется не истребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ не усыпнаго противъ нее бодрствованія. Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство полагаемъ МЫ за необходимонужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ первопрестольному Граду НАШЕМУ Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мирскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское Сословіе! Ты во всѣ времена было Спасителемъ Отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда Теплыми молитвами своими призывали Благодать на главу Россіи; народъ Рускій! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ Губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ

себя Начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ Главный надъ всѣми Предводитель.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано тако:

Александръ.

Въ лагерѣ близъ Полоцка.
1812 года Іюля 6 дня.

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦѢ НАШЕЙ МОСКВѢ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное НАШЕ отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожъ по отеческому сердоболію и попеченію НАШЕМУ о всѣхъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, не можемъ МЫ оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности НАШЕЙ преимущество врагу. Того ради имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, на ипервѣе обращаемся МЫ къ древней Столицѣ предковъ НАШИХЪ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ недръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда ненастояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ Спасенія вѣры, престола, царства, того требуютъ. И такъ да разпространится въ сердцахъ знаменитаго Дворянства НАШЕГО, и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ, духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи. МЫ не умедлимъ САМИ стать посреди народа СВОЕГО въ сей Столицѣ и въ другихъ Государства НАШЕГО мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми НАШИМИ ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

Александръ.

Въ лагерѣ, близъ Полоцка.
6 Іюля 1812 года.

Императоръ Александръ Павловичъ въ Дѣйствующей Арміи въ началѣ Отечественной войны, и возвращеніе его, черезъ Москву, въ Петербургъ.

Исторія Государевой Свиты т. II [1]).

Приводимъ выдержки [2]) изъ интереснаго II тома Исторіи Государевой Свиты, т. к. это изданіе недоступно широкимъ кругамъ читающей публики.

Послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго въ Казанскомъ соборѣ, Императоръ Александръ Павловичъ въ два часа дня 9 апрѣля 1812 г. отбылъ изъ С.-Петербурга въ Вильно, куда повелѣлъ также прибыть: Принцу Георгію Ольденбургскому, герцогу Александру Виртембергскому, государственному канцлеру графу Румянцеву, графу Нессельроде, графу Кочубею, оберъ-гофмаршалу графу Н. А. Толстому, государственному секретарю адмиралу А. С. Шишкову, барону Беннигсену, графу Аракчееву, Фулю, генералъ-адъютантамъ Балашову, князю П. М. Волконскому и графу Комаровскому, генералу Армфельду и другимъ [3]).

Черезъ пять дней, въ Вербное Воскресенье, 14 апрѣля, въ шести верстахъ отъ Вильно, Государь былъ встрѣченъ Военнымъ

---

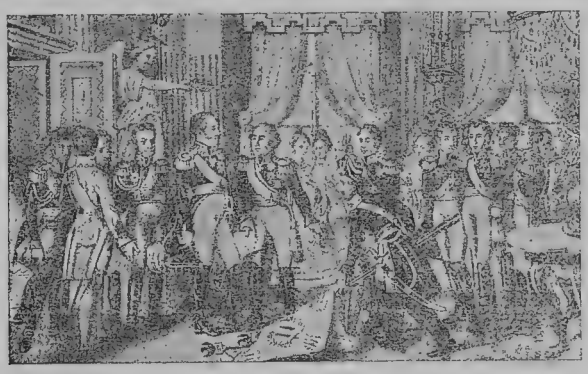
[1]) Столѣтіе Военнаго Министерства 1802—1902. Императорская Главная Квартира. Исторія Государевой Свиты т. II. Царствованіе Императора Александра I. Главный редакторъ генералъ-лейтенантъ Д. А. Скалонъ. Составилъ полковникъ В. В. Квадри, помощникъ составителя по сбору историч. матеріаловъ М. К. Соколовскій.

[2]) Стр. 207—211, 224—225, 211—214, 113—119, 214, 219—220, 214—218.

[3]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб., 1897 г., т. III, стр. 75—76.

Министромъ и въ то же время Главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли, а въ два часа, при звонѣ колоколовъ и пушечныхъ салютахъ, вступилъ въ городъ, привѣтствуемый представителями всѣхъ сословій и толпами собравшагося народа. На другой день, утромъ, Государь принималъ чиновниковъ, которыхъ представлялъ ему губернаторъ Лавинскій, и знатнѣйшихъ дворянъ, представленныхъ губернскимъ маршаломъ; потомъ Государь ѣздилъ верхомъ и пригласилъ къ обѣду высокопоставленныхъ лицъ [1]).

Первое время своего пребыванія въ Вильно Государь посвятилъ преимущественно объѣзду и осмотру войскъ Первой арміи, для чего посѣтилъ Шавли, Гродно и Вилькоміръ [2]). Всѣ войска нашелъ



Императоръ Александръ I въ Вильно въ 1812 г.

Лит. съ рисунка Шеле.

Императоръ въ отличномъ порядкѣ, особенно же въ блестящемъ состояніи находились: дивизія генерала Коновницына и артиллерія, о чемъ Государь Самъ писалъ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову. Въ первый день св. Пасхи состоялся большой парадъ всѣмъ, расположеннымъ близъ Вильно войскамъ, а въ серединѣ Святой недѣли въ честь Государя виленскимъ дворянствомъ былъ данъ большой блестящій балъ. По словамъ князя С. Г. Волконскаго [3]), „въ тотъ годъ праздникъ Пасхи былъ празднованъ по обычаю русскому и церковной службой и съѣздомъ во дворецъ, и это приводитъ мнѣ на память маленькій анекдотъ. Къ извѣстному часу передъ полночью, въ день Пасхи, всѣ чины царской свиты, многіе чины военные и гражданскіе, имѣющіе право на дворцовый этого дня входъ, и многіе мѣстные поляки и польки, допущенные на эту церковную службу, собрались во дво-

[1] Сѣв. Почта, 1812 г., № 34. 27 апр.

[2]) Кукольникъ. Истор. замѣтки 102—104.

[3]) Записки, 153—154.

рецъ. Я и товарищъ мой Лопухинъ [1]) опоздали къ назначенному часу, а какъ мы обязаны были находиться въ той комнатѣ, гдѣ свита государева его ждала, то, боясь встрѣтить государя, для избѣжанія онаго, хотѣли пробраться черезъ церковь домашнюю, удобный для насъ входъ, чтобъ добраться до нашего мѣста. Но едва подошли къ церкви по заднему ходу, какъ у дверей, видимъ, придворный лакей воспрещаетъ намъ взойти въ церковь. На спросъ нашъ—почему, онъ отвѣчалъ: „нельзя, тамъ Государь“.—„Да что же онъ тамъ дѣлаетъ, вѣдь служба не началась?—На это онъ отвѣчаетъ намъ: „дѣлаетъ репетицію церковнаго служенія“.—Мы, дай Богъ ноги!..“

Въ Вильнѣ Государь принималъ посланца Наполеона, его ген.-адъют. Нарбонна. Во время аудіенціи Государь „съ благороднымъ краснорѣчіемъ изложилъ умѣренность своего образа дѣйствій, свои неудовольствія, невозможность, въ которой онъ находился, согласовать дѣлаемыя ему предложенія съ достоинствомъ своего сана, съ интересами своего государства и съ желаніемъ избѣжать кровопролитія“ [2]). Между прочимъ, тайная причина посылки Нарбонна заключалась въ желаніи, чтобы онъ, какъ военный, „высмотрѣлъ состояніе русскихъ войскъ, главнаго штаба и вообще императора и окружающихъ его лицъ и общее всѣхъ настроеніе“ [3]).

Несмотря на обоюдныя враждебныя приготовленія и очевидную серьезность положенія, только весьма немногіе, ближайшіе сотрудники Государя, вполнѣ знали истинную близость предстоящаго разрыва, хотя самъ Государь во время одного обѣда сказалъ: „мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники и, кажется, исполняли свой долгъ, какъ слѣдовало; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія; поэтому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность и что мы не помрачимъ пріобрѣтенную нами военную славу“ [4]).

Стараясь внести разнообразіе въ скучную жизнь томительнаго ожиданія и въ то же время отвѣтить взаимностью виленскому дворянству, въ началѣ іюня генералъ и флигель-адъютанты испросили согласіе Государя посѣтить балъ, который предполагали они дать въ Закретѣ, загородномъ домѣ генерала Беннигсена,—Версалѣ, какъ выражается Шуазель-Гуфье [5]).

---

[1]) Очевидно, здѣсь подразумѣвается фл.-ад. П. П. Лопухинъ.

[2]) Воспомин. Шуазель-Гуфье, стр. 33.

[3]) Р. Арх. 1892, № 3, стр. 352. Эпизоды изъ исторіи двѣнадцатаго года, Попова.

[4]) Записки геп.-ад. Комаровскаго. Рус. Арх. 1867 г., стр. 765.

[5]) Воспомин., 34 стр. Шуазель-Гуфье напираетъ на то, что балъ устраивали чины Свиты: „весь императорскій штатъ, флигель-адъютанты, генералы

Такъ какъ въ Закретѣ не оказалось достаточно обширной залы, то рѣшено было возвести въ саду спеціальную для этого случая деревянную галлерею, и работа эта была поручена мѣстному архитектору. Вслѣдствіе полученнаго Императоромъ доноса о непрочности этой галлереи и о томъ, что она должна обрушиться во время бала, начальнику военной полиціи де-Сангленy приказано было въ этомъ удостовѣриться. Постройка дѣйствительно обрушилась какъ разъ въ то время, когда пріѣхалъ де-Сангленъ, а возводившій ее архитекторъ исчезъ. Несмотря на это, Государь сказавъ: „мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ“, приказалъ очистить уцѣлѣвшій полъ и въ заранѣе назначенный день 12 іюня балъ все-таки состоялся [1]). Здѣсь-то, на блестящемъ празднествѣ, застало Государя извѣстіе о переходѣ великой французской арміи черезъ Нѣманъ. Приказавъ сообщившему это извѣстіе, генералъ-адъютанту Балашову, хранить его въ секретѣ, Императоръ продолжалъ оказывать любезности приглашеннымъ и до такой степени сохранилъ полное наружное спокойствіе, что никто изъ присутствовавшихъ до конца бала, продолжавшагося еще около часа, не могъ угадать всей важности извѣстія. Почти весь остатокъ ночи Государь посвятилъ работѣ: сначала съ Главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли— давая ему указанія о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, а затѣмъ съ государственнымъ секретаремъ, адмираломъ А. С. Шишковымъ, желая подготовить народное движеніе въ центральныхъ губерніяхъ Россіи.

Черты пребыванія Государя въ западномъ краѣ передаетъ графиня Шуазель-Гуфье въ своихъ воспоминаніяхъ. Однажды Государь, выходя изъ церкви, увидѣлъ, какъ какая-то престарѣлая женщина готовилась влѣзть въ свой скромный, плохой рыдванъ. Государь пригласилъ ее къ себѣ въ экипажъ и дорогою вступилъ съ ней въ разговоръ. Оказалось, что женщина имѣла процессъ, который никакъ не могъ придти къ окончанію. На вопросъ Государя, почему она не подаетъ просьбы виленскому генералъ-губернатору, старушка, не знавшая, что она говоритъ съ Государемъ, отвѣчала: „конечно онъ человѣкъ честный, да у него секретарь ни одного дѣла не сдѣлаетъ даромъ, а я не въ состояніи дать ему взятку“. Наивный отвѣтъ старушки вызвалъ высокомилостивое предложеніе Государя самому принять участіе въ ея дѣлѣ. Понятно, удивленію

и проч., но никакъ не одна одна г-жа Беннигсенъ, какъ говоритъ г-жа д'Абрантесъ въ своихъ запискахъ, пожелали устроить празднество въ честь Его Величества“. Государь пожаловалъ отъ себя на этотъ расходъ 300 имперіаловъ.

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб., 1897 г., т. III, стр. 83.

женщины по пріѣздѣ въ Вилькомиръ, когда открылось, кто былъ ея спутникомъ, не было предѣла.

Былъ также и такой случай. Католическій священникъ одной сельской церкви вышелъ на встрѣчу Государя съ крестомъ въ рукѣ. Лишь только Государь его увидѣлъ, какъ тотчасъ же вышелъ изъ экипажа, взялъ изъ его рукъ крестъ, приложился къ нему, а когда священникъ хотѣлъ поцѣловать руку Государя, Онъ отдернулъ свою и поцѣловалъ его руку.

Намѣреваясь испытать послѣднее средство остановить, можно сказать, уже начавшуюся войну, на что, впрочемъ, Государь весьма мало разсчитывалъ, и желая уничтожить значеніе послѣдней ноты, предъявленной французскимъ посломъ, графомъ Лористономъ, въ которой Наполеонъ объявлялъ, что усиленное требованіе русскимъ посломъ въ Парижѣ, княземъ Куракинымъ, паспортовъ, принимаетъ онъ за разрывъ дипломатическихъ сношеній,—13 іюня, поздно вечеромъ, отправилъ Императоръ Александръ Своего генералъ-адъютанта Балашова къ Наполеону съ письмомъ.

Про командировку генералъ-адъютанта Балашова къ Наполеону въ 1812 г. читаемъ въ собственноручной его запискѣ [1]) „1812 года, іюня 13-го дня, въ пребываніе Государя Императора въ Вильнѣ, Его Величество, въ 10 часовъ вечера призвавъ меня, сказать мнѣ изволилъ, улыбаясь: „Ты вѣрно ожидаешь, зачѣмъ тебя я призвалъ; я намѣренъ тебя послать къ Императору Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ прислана нота французскаго посольства, въ которой изъяснено, что какъ нашъ посолъ въ Парижѣ, кн. Куракинъ, неотступно требовалъ, два раза въ одинъ день, паспортовъ, ѣхать изъ Франціи, то сіе принимается за разрывъ и повелѣвается равномѣрно и гр. Лористону просить паспортовъ и ѣхать изъ Россіи". Государь прибавилъ: „Итакъ, я хотя весьма слабую, но вижу причину, въ первый еще разъ, которую беретъ предлогомъ Наполеонъ для войны, но и та ничтожна, потому что Куракинъ сдѣлалъ это самъ собою, а отъ меня не имѣлъ повелѣнія. Онъ видѣлъ что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, не только Наполеонъ, но и Бассано, и счелъ, что ему не у кого будетъ послѣ вытребовать себѣ паспортъ, и для того настоятельно требовалъ его прежде ихъ еще выѣзда. А какъ, между тѣмъ, присылка была ко мнѣ отъ Наполеона его ген.-ад. гр. Нарбонна, который и министромъ былъ военнымъ прежде, то въ соотвѣтственность того, и рѣшился я послать тебя. Хоть впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей посылки прекращенія

[1]) Н. Дубровинъ. Отечеств. война въ письмахъ современниковъ, стр. 14—31.

войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы....“ Государь сказалъ мнѣ, что намѣренъ, сверхъ того, написать Наполеону письмо и чтобы я приготовился къ отъѣзду въ сію же ночь, а Его Величество пришлетъ за мною и, удостоивъ меня прочтеніемъ письма своего, вручилъ мнѣ его и дополнилъ, чтобъ я не упустилъ сказать Наполеону словесно, что если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ начаться могутъ, съ условіемъ однимъ, но непреложнымъ, т. е. чтобы арміи его вышли за границу; въ противномъ же случаѣ Государь даетъ ему слово, докуда хотя одинъ вооруженный французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принять ни одного слова о мирѣ“.

Это письмо Александра I должно было показать Европѣ, что зачинающимъ является Наполеонъ. Такимъ образомъ, сдѣлавъ послѣднюю попытку къ миру, Государь, на зарѣ 14 іюня, выѣхалъ изъ Вильно въ Свенцяны, куда сосредоточивались разбросанныя колонны первой Западной арміи и гдѣ, быть можетъ, предполагали принять сраженіе. „Лишь только уѣхалъ Императоръ“, пишетъ Шуазель-Гуфье, „какъ всѣ лошади въ городѣ были забраны для русскихъ чиновниковъ, которые уѣзжали изъ Вильны съ семействами и имуществомъ. Улицы были наполнены экипажами, загромождены разными пожитками. Всю ночь продолжалось это движеніе и на другой день нельзя было услышать звука колеса, какъ въ Венеціи [1]). Въ заботахъ о сосредоточеніи войскъ провелъ Императоръ Александръ въ Свенцянахъ шесть дней, отдавая непосредственно необходимыя распоряженія не только начальникамъ отдѣльныхъ колоннъ, но иногда даже и начальникамъ болѣе мелкихъ отрядовъ, всегда, однако, сообщая объ этомъ находившемуся тогда въ Вильно Барклаю-де-Толли, съ которымъ все время поддерживалъ Государь самыя тѣсныя и непрерывныя письменныя сношенія. На пути отступленія не было сдѣлано никакихъ приготовленій для принятія Государя Императора и сопровождавшей Его Свиты. Это видно, напримѣръ, изъ того, что въ Свенцянахъ государственному секретарю, А. С. Шишкову, пришлось помѣститься въ тѣсной и грязной кормчѣ, все убранство которой состояло изъ скверной кровати, трехногаго стула и маленькаго стола, на которомъ, по его словамъ, едва помѣщались листъ бумаги и чернильница [2]). Вообще нѣкоторыя подробности жизни Государевой Квартиры въ началѣ 1812 г. образно рисуетъ Шишковъ, коему въ то время Государь

[1]) Р. Арх. 1892, № 3, стр. 378.

[2]) Краткія записки адмирала А. Шишкова. Спб., 1831 г., стр. 11 и 12.

поручалъ составленіе Высочайшихъ манифестовъ и приказовъ. Послѣ перехода Наполеона чрезъ Нѣманъ, пишетъ Шишковъ, „пребываніе наше въ Вильнѣ сдѣлалось не безопасно и Главная Квартира, отъѣхавъ верстъ около двадцати пяти, остановилась въ мѣстечкѣ, называемомъ Свенцяны“; здѣсь Государь поручилъ адмиралу Шишкову переводъ бумаги Фуля. „Я по грязной улицѣ и въ проливной дождь бросился скорѣе въ мою корчму, сѣлъ на деревянномъ треножномъ стулѣ за столикъ, на которомъ едва могла помѣститься чернильница съ листомъ бумаги, и при копѣечной сальной свѣчѣ принялся за работу; крайнее поспѣшеніе мое сопряжено было еще съ посторонними предосадными обстоятельствами; къ окну моему поминутно приходили солдаты, стуча въ него, чтобъ ихъ пустили въ кормчу, такъ что я всякій разъ принужденъ былъ кричать имъ: „поди прочь, здѣсь стоитъ генералъ“. Этого мало, сверху, на бумагу, падали тараканы, которыхъ я безпрестанно долженъ былъ отщелкивать“.

При началѣ войны не довѣряли получаемымъ свѣдѣніямъ о размѣрахъ собранныхъ непріятелемъ силъ, видя въ этихъ свѣдѣніяхъ лишь естественный, давно свойственный Наполеону, обычай умышленнаго преувеличенія своихъ военныхъ средствъ съ цѣлью застращиванья противника. Когда же разсѣялось это заблужденіе и выяснилась вся огромность численнаго превосходства французской арміи на всѣхъ пунктахъ, тогда 20 іюня тронулась 1-я армія изъ Свенцянъ къ Дрисскому укрѣпленному лагерю, куда отбылъ вмѣстѣ съ нею и Государь.

Почти тотчасъ по прибытіи Императора въ Дрисскій укрѣпленный лагерь, по ходатайству генералъ-адъютанта князя Волконскаго, представился Государю инженерный полковникъ, впослѣдствіи получившій званіе флигель-адъютанта, Мишо, желавшій всеподданнѣйше доложить Монарху о многихъ, замѣченныхъ имъ, недостаткахъ и даже полной негодности для обороны занятаго арміей лагеря.

Удостовѣрясь личнымъ осмотромъ позицій и укрѣпленій въ совершенной основательности, сдѣланнаго полковникомъ Мишо, доклада, Государь приказалъ собраться къ Нему: принцу Ольденбургскому, графу Аракчееву, Барклаю-де-Толли, генералъ-адъютанту князю Волконскому и флигель-адъютанту Вольцогену [1]). Передъ этими лицами долженъ былъ полковникъ Мишо еще разъ повторить всѣ свои, уже доложенныя имъ Государю, соображенія и замѣчанія. Никто изъ присутствующихъ не

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 г., Спб., 1839 г., ч. I, стр. 226.

оспаривалъ основательности замѣчаній, изложенныхъ полковникомъ Мишо, и рѣшено было оставить Дрисскій лагерь, но такъ какъ французы наступали не очень энергично, то оказывалось возможнымъ простоять здѣсь нѣсколько дней. Расположеніе Императора и сопутствующихъ Ему государственныхъ сановниковъ и лицъ Свиты въ Дрисскомъ укрѣпленномъ лагерѣ представляло весьма мало удобствъ и отличалось крайней разбросанностью. Самъ Государь занималъ небольшой домикъ, близъ котораго не было никакихъ жилыхъ построекъ. Большая часть Свиты вынуждена была размѣститься по окрестнымъ мѣстечкамъ, а, напримѣръ, Балашову и Шишкову былъ отведенъ домъ на другой сторонѣ рѣки [1]). Когда же въ Главной Квартирѣ получено было извѣстіе о движеніи Мюрата на Глубокое, армія принуждена была 2 іюля сняться со своей позиціи съ цѣлью предупредить не-

Александръ Францевичъ Мишо.

пріятеля въ Витебскѣ или Полоцкѣ. Государь еще нѣсколько дней продолжалъ слѣдовать при арміи.

Возникшее съ пріѣздомъ Государя въ кругу высшихъ сановниковъ сомнѣніе въ томъ, кто является дѣйствительнымъ Главнокомандующимъ войсками первой арміи—Императоръ или Барклай де-Толли, съ теченіемъ времени, не только не было устранено, но, повидимому, постепенно все возрастало, вредно отражаясь на ходѣ военныхъ операцій. Въ концѣ іюня ненормальность этого положенія достигла столь ощутительныхъ размѣровъ, что обезпокоенному ею Шишкову пришла мысль сдѣлать попытку склонить Государя оставить армію и возвратиться черезъ Москву въ Петербургъ. Съ этою цѣлью имъ было составлено письмо къ Государю, вручить которое А. С. Шишковъ нѣкоторое время не рѣшался. Въ письмѣ этомъ онъ указывалъ высшія соображенія, требовавшія немедленнаго присутствія Государя не въ арміи, а внутри Имперіи, и тѣмъ маскировалъ главную причину. Обдумывая способъ, какимъ можно

[1]) Краткія записки адмирала Шишкова, Спб., 1831 г., стр. 12.

было бы доставить такое письмо Государю, адмиралъ Шишковъ вспомнилъ, что однажды Государь, разговаривая съ генералъ-адъютантомъ Балашовымъ, сказалъ ему: „Вы бы трое (подразумѣвая подъ этимъ генералъ-адъютанта Балашова, графа Аракчеева и адмирала Шишкова) сходились иногда и что-нибудь между собой разсуждали". Поэтому адмиралъ Шишковъ рѣшилъ доставить письмо за такой тройной подписью. Балашовъ немедленно согласился присоединиться къ мысли Шишкова и подписать письмо, но графъ Аракчеевъ, на доводы Шишкова и Балашова, что это можетъ быть спасеніемъ отечества, отвѣчалъ вопросомъ: „Что мнѣ до отечества, а скажите мнѣ, не будетъ ли въ опасности Государь, оставаясь долѣе при арміи?" и только послѣ словъ Балашова: „Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ Государемъ?"—подписалъ письмо и вечеромъ самъ положилъ на письменный столикъ Государя. На слѣдующее утро Императоръ во время доклада коротко сказалъ графу: „Я читалъ ваше посланіе", а на другой день вечеромъ приказано было приготовить къ ночи коляски для отъѣзда Государя черезъ Смоленскъ и Москву.

Приводимъ содержаніе этого интереснаго письма [1]).

Его Императорскому Величеству угодно было изъявить волю свою, чтобъ мы трое (нижеподписавшіеся) имѣли между собою сношеніе и разсуждали обо всемъ, что можетъ быть къ пользѣ Государя и государства.

Во исполненіе сего Высочайшаго намъ порученія, входя обстоятельно во всѣ подробности настоящаго времени и состоянія дѣлъ, мы по долгу присяги и по чувствамъ горячаго усердія и любви къ Государю и отечеству разсуждаемъ слѣдующее:

Государь и Отечество есть глава и тѣло. Едино безъ другаго не можетъ быть ни здраво, ни цѣло, ни благополучно. А посему, сколько во всякое время, а наипаче военное, нуженъ Отечеству Царь, столько же Царю нужно Отечество. Утверждаясь на сей важной истинѣ, почитаемъ мы размышленіе о семъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ самонужнѣйшимъ, и дерзаемъ, аки вѣрные подданные, представить мнѣніе наше на Высочайшее усмотрѣніе.

Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: войска наши раздѣлены; непріятель, имѣя во власти своей всѣ Польскія губерніи, приближается быстрыми стопами къ самому сердцу Россіи. Хотя и

[1]) Напечатано это письмо впервые въ краткихъ запискахъ адмирала А. Шишкова, веденныхъ имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ Первомъ, въ бывшую съ французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. Изд. 1831 г., 17—25.

полагаемъ мы надежду, что онъ отраженъ будетъ и возвратится вспять; но, желая сего, и даже надѣясь, было бы крайнею неосторожностію несомнѣнно въ томъ увѣриться, и не брать никакихъ мѣръ на случай нещастія, тѣмъ паче, что оное можетъ случиться весьма скоро, и естьли случится, то уже всякія тогда только начинаемыя мѣры будутъ поздны.

Не надлежитъ скрывать отъ себя дѣйствительныхъ происшествій, но напротивъ должно ихъ представлять себѣ худшими, нежели оныя въ самомъ дѣлѣ есть. Первое обманываетъ и, открывшись вдругъ, вводитъ въ пагубное недоумѣніе; второе, внушая осторожность, спасаетъ отъ безплоднаго раскаянія. Итакъ, при всей увѣренности и надеждѣ на храбрость войскъ нашихъ, на воспрепятствованіе непріятелю простирать далѣе стремленіе свое, нужно и должно подумать о томъ, что можетъ и противное тому воспослѣдовать. Щастіе у судьбы въ рукахъ. Нынѣшнія обстоятельства таковы, что непріятель стремится быстро внутрь царства и мнитъ потрясеніемъ онаго какъ бы отдѣлить войска наши отъ связи со внутренностію имперіи. Самое опаснѣйшее для насъ намѣреніе! Сія быстрота его естественно должна приводить въ смятеніе не только тѣ стороны, къ которымъ онъ приближается, но даже и самыя столицы. Когда сіе смятеніе нынѣ существуетъ уже, то конечно при малѣйшихъ его успѣхахъ несравненно умножится, не столько отъ его дѣйствій, сколько отъ того, что самая внутренность государства, лишенная присутствія Государя своего, и не видя никакихъ оборонительныхъ въ ней пріуготовленій, сочтетъ себя какъ бы оставленною и впадетъ въ унынie и разстройство, тогда когда бы, видя съ собою Монарха своего, она имѣла сугубую надежду: первое на войски, второе на внутреннія силы, которыя безъ всякаго сомнѣнія мгновенно составятся окрестъ главы Отечества, Царя.

При обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, необходимость требуетъ скораго и рѣшительнаго разсмотрѣнія, какъ и что дѣлать надлежитъ: ибо малѣйшее пропущеніе времени можетъ приключить невозвратное зло.

Всего важнѣе зрѣлое изслѣдованіе, гдѣ наиболѣе нужно присутствіе Государя, при войскахъ ли, или внутри Россіи? Итакъ, приступимъ къ разсмотрѣнію сего:

1-е. Государь Императоръ, находясь при войскахъ, не предводительствуетъ ими, но предоставляетъ начальство надъ оными Военному Министру, который хотя и называется Главнокомандующимъ, но въ присутствіи Его Величества не беретъ на себя въ полной силѣ быть таковымъ съ полною отвѣтственностью.

2-е. Присутствіе Императора при войскахъ хотя и служитъ къ

нѣкоторому ободренію оныхъ; но они защищаютъ вѣру, свободу, честь, Государя, Отечество, семейства и домы свои: довольно для нихъ причинъ къ ободренію; притомъ же имя Его всегда съ ними.

3-е. Примѣры государей, предводительствовавшихъ войсками своими, не могутъ служить образцами для царствующаго нынѣ Государя Императора; ибо не тѣ были побудительныя причины. Петръ Великій, Фридрихъ Второй, и нынѣшній нашъ непріятель Наполеонъ, должны были дѣлать то: первый потому, что заводилъ регулярныя войска; второй потому, что королевство его было, такъ сказать, обращено въ воинскія силы; третій потому, что не рожденіемъ, но случаемъ и щастіемъ взошелъ на престолъ. Всѣ сіи причины не существуютъ для Александра Перваго.

4-е. Храбрость безспорно есть достоинство, приносящее славу. Но часто она же самая служитъ къ помраченію славы того, кто ей излишно повинуется. Храбрость въ простомъ воинѣ всегда похвальна; ибо онъ во всякомъ случаѣ приноситъ чрезъ то пользу цѣлому воинству. Храбрость въ полководцѣ, подвергающемъ себя безъ важныхъ причинъ опасности, предосудительна; ибо онъ для снисканія личной себѣ похвалы забываетъ, что попеченію его ввѣрены войски. Храбрость въ Царѣ тѣмъ предосудительнѣе быть можетъ, чѣмъ цѣлое царство больше войскъ; ибо ежели онъ будетъ убитъ, или взятъ въ плѣнъ, то государство, сдѣлавшись въ смутное время безъ главы, дорого заплатитъ за привязанность его къ личной славѣ. Представимъ себѣ двухъ Царей, изъ которыхъ одинъ внутри государства своего, окруженный вельможами, распоряжаетъ обороною предѣловъ своихъ. Другой послѣдуетъ всюду за своими войсками. Какую бы первый изъ нихъ ни велъ нещастную войну, сколько бы ни потерялъ провинцій,—оставшіяся земли его всегда составляютъ еще царство, и онъ въ нихъ Царь посреди народа своего. Побѣдитель, вступая съ нимъ въ переговоры, почитаетъ еще въ немъ Царя. Но ежели войски второго будутъ разбиты, тогда что останется ему дѣлать?—уйти внутрь земли своей; но онъ найдетъ уже ее въ страхѣ, въ смятеніи, безъ довѣренности къ нему. Оставаться при разбитыхъ войскахъ и требовать помощи у народа; но съ какимъ духомъ и скоро ли устрашенный, унылый народъ, не видя его посреди себя, будетъ собирать сію помощь, и кто приведетъ ее въ должное устройство? Между тѣмъ торжествующій побѣдитель, продолжая отдѣлять войски отъ царства и нападая на остатки оныхъ, можетъ самого Царя захватить въ плѣнъ: тогда безславіемъ своимъ умножитъ онъ гордость побѣдителя, и сирое царство его должно будетъ упасть предъ врагомъ своимъ и ожидать отъ воли его горькой своей участи.

Его Императорскому Величеству угодно было изъявить волю свою, чтобъ мы трое (нижеподписавшіеся) имѣли между собою сношеніе и разсуждали обо всемъ, что можетъ быть къ пользѣ Государя и государства

Во исполненіе сего высочайшаго намъ порученія, входя обстоятельно во всѣ подробности настоящаго времени и состоянія дѣлъ, мы по долгу присяги и по чувствамъ горячаго усердія и любви къ Государю и отечеству разсуждаемъ слѣдующее

Государь и отечество есть глава и тѣло. Едино безъ другаго не можетъ быть ни здраво, ни цѣло, ни благополучно. А посему сколько во всякое время, а наипаче военное, нуженъ отечеству царь, столько же царю нужно отечество: утверждаясь на сей важной истинѣ почитаемъ мы размышленіе о семъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ самонужнѣйшимъ, и дерзаемъ, аки вѣрные подданные, представить мнѣніе наше на высочайшее усмотрѣніе.

Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: Войски наши раздѣлены, непріятель, имѣя во власти своей всѣ Польскія губерніи, приближается быстрыми стопами къ самому сердцу Россіи. Хотя и полагаемъ мы надежду, что онъ отраженъ будетъ и возвратится вспять; но желая сего, и даже надѣясь, было бы крайнею неосторожностію несомнѣнно въ томъ увѣриться, и не брать никакихъ мѣръ на случай нещастія, тѣмъ паче, что оное можетъ случиться весьма скоро, и естьли случится, то уже всякія тогда только начинаемыя мѣры будутъ поздны.

Не надлежитъ скрывать отъ себя дѣйствительныхъ произшествій, но напротивъ должно ихъ представлять себѣ хуждшими, нежели оныя въ самомъ дѣлѣ есть. Первое обманываетъ, и открывшись вдругъ, вводитъ въ пагубное недоумѣніе; второе, внушая осторожность, спасаетъ отъ безплоднаго раскаянія и такъ при всей увѣренности и надеждѣ на храбрость войскъ нашихъ, на воспрепятствованіе непріятелю простирать далѣе стремленіе свое, нужно и должно подумать о томъ, что можетъ и противное тому воспослѣдовать. Щастіе у судьбы въ рукахъ. Нынѣшнія обстоятельства таковы, что непріятель стремится быстро внутрь царства и мнитъ потрясеніемъ онаго какъ бы отдѣлить войски наши отъ связи со внутренностію имперіи. Самое опаснѣйшее для насъ намѣреніе! Сія быстрота его естественно должна приводить въ смятеніе не только тѣ стороны, къ которымъ онъ приближается, но даже и самыя столицы. Когда сіе смятеніе нынѣ существуетъ уже, то конечно при малѣйшихъ его успѣ

хахъ несравненно умножится, не столько отъ его дѣйствій, сколько отъ того, что самая внутренность государства, лишенная присутствія государя своего, и не видя никакихъ оборонительныхъ въ ней пріуготовленій, сочтетъ себя паче обставленною и впадетъ въ уныніе и разстройство, тогда, когда бы, видя съ собою монарха своего, она имѣла сугубую надежду: первое на войскахъ, второе на внутреннія силы, которыя безъ всякаго сомнѣнія мгновенно составятся около главы отечества, царя.

При обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, необходимость требуетъ скораго и рѣшительнаго разсмотрѣнія, какъ и что дѣлать надлежитъ; ибо малѣйшее промедленіе времени можетъ причинить невозвратное зло.

Всего важнѣе зрѣлое изслѣдованіе, гдѣ наиболѣе нужно присутствіе государя, при войскахъ ли, или внутри россіи? Итакъ приступимъ къ разсмотрѣнію сего.

1е. государь императоръ находясь при войскахъ не предводительствуетъ ими, но предоставляетъ начальство надъ онѣми военному министру, которой хотя и называется главнокомандующимъ, но въ присутствіи его величества не беретъ на себя въ полной силѣ быть таковымъ съ полною отвѣтственностію.

2е. Присутствіе императора при войскахъ хотя и служитъ къ нѣкоторому ободренію онѣхъ; но они защищаютъ вѣру, свободу, честь, государя, отечество, семейства и домы своя: довольно для нихъ причинъ къ ободренію; притомъ же имя его всегда съ ними.

3е. Примѣры государей, предводительствовавшихъ войсками своими, не могутъ служить образцами для царствующаго нынѣ государя императора; ибо не тѣ были побудительныя причины. Петръ великій, фридрихъ второй, и нынѣшній нашъ непріятель наполеонъ, должны были дѣлать то: первой потому, что заводилъ регулярныя войска; второй потому, что все королевство его было, такъ сказать, образцено въ военныя силы; третій потому, что нерожденіемъ и случаемъ и щастіемъ взошелъ на престолъ. Всѣ сіи причины несуществуютъ для александра перваго.

4е. Храбрость безспорно есть достоинство приносящее славу. Но часто она же самая служитъ къ пораженію славы того, что ею лучше повинуется. Храбрость въ простомъ воинѣ всегда похвальна; ибо онъ во всякомъ случаѣ приноситъ чрезъ то пользу цѣлому воинству. Храбрость въ полководцѣ, подвергающемъ себя безъ важныхъ причинъ опасности, предосудительна; ибо онъ для снисканія лучной себѣ похвалы забываетъ, что попеченію его вверены войска. Храбрость въ царѣ тѣмъ предосудительнѣе быть можетъ, чѣмъ цѣлое царство больше войскъ; ибо ежели онъ будетъ убитъ, или взятъ въ плѣнъ, то государство, сдѣлавшись въ смутное время безъ главы, дорого заплатитъ за привязанность его къ лучной славѣ. Представимъ себѣ двухъ

царей, изъ которыхъ одинъ внутри государства своего, окруженный вельможами, распоряжаетъ обороною предѣловъ своихъ. другой послѣдуетъ всюду за своими войсками. Какую бы первый изъ нихъ ни велъ нещастную войну, сколько бы ни потерялъ провинцій, оставшіяся земли его всегда составляютъ еще царство, и онъ въ нихъ царь посреди народа своего. Побѣдитель, вступая съ нимъ въ переговоры, почитаетъ еще въ немъ царя. Но ежели войски втораго будутъ разбиты, тогда что останется ему дѣлать? уйти внутрь земли своей: но онъ найдетъ уже ее въ страхѣ, въ смятеніи, безъ довѣренности къ нему. Оставаться при разбитыхъ войскахъ и требовать помощи у народа: но съ какимъ духомъ и скоро ли устрашенный, унылый народъ, не видя его посреди себя будетъ собирать сію помощь, и кто приведетъ ее въ должное устройство? Между тѣмъ торжествующій побѣдитель, продолжая отдѣлять войски отъ царства и нападая на остатки оныхъ, можетъ самого царя захватить въ плѣнъ: тогда безславіемъ своимъ умножитъ онъ гордость побѣдителя, и сирое царство его должно будетъ упасть предъ врагомъ своимъ и ожидать отъ воли его горькой своей участи.

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ: 1е, что нѣтъ государю славы, ни государству пользы, чтобы глава его присоединилась къ одной только части войскъ, оставляя всѣ прочія силы и части государственнаго управленія другимъ. Особливо же въ обстоятельствахъ затруднительныхъ и опасныхъ необходимо нужно ему избирать пункты пребыванія своего такимъ образомъ, чтобы какъ всѣмъ частямъ военнымъ, такъ и всѣмъ государственнымъ внутреннимъ мѣстамъ и обществамъ могъ онъ подавать нужныя пособія, и повелѣніями и личнымъ присутствіемъ своимъ оживлять тѣ, которыя въ вящшую дѣятельность приводить должно. 2е, что и личная отъ того слава и честь не всегда пріобрѣтается: Исторія непохваляетъ никогда поступки и царствованіе Карла XII, короля Шведскаго. Феофанъ о Петрѣ первомъ, вдавшемся опасности на ряду съ прочими, сказалъ: <u>вострепетала россія единаго смертію вся умрети боящеся</u>. Ежели прямой долгъ царей есть жить для благоденствія ввѣренныхъ имъ народовъ, то едва ли похвально допускать въ одномъ своемъ лицѣ убить цѣлое царство.

Соображая все сіе и находя притомъ, что нынѣшнее наше положеніе требуетъ непремѣнно всевозможнаго вниманія и скорой рѣшимости, поспѣшаемъ мы поднесть его императорскому величеству мнѣніе наше, какое долгъ вѣрноподданнаго и прямая любовь къ нему и къ отечеству въ насъ влагаетъ.

Естьли государю императору угодно будетъ нынѣ же, не ожидая рѣшительной битвы, препоручить войски въ полное

расположеніе главнокомандующаго и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ для воззванія къ дворянству и народу о вооруженіи новыхъ войскъ, которыя бы внутри государства тогда назначеннымъ предводителемъ составили вторую оплотную силу, то нѣтъ никакова сомнѣнія, что онъ встрѣченъ будетъ съ радостнымъ восторгомъ, и одушевленный присутствіемъ его народъ воздвигнется весь съ небывалымъ духомъ мужества. Тогда положеніе здѣшнихъ войскъ, хотя бы они и не могли преодолѣть врага, не подвергнетъ царство опасности, и непріятель, встрѣтивъ отъ нихъ сопротивленіе, хотя бы и одержавъ успѣхи, но истощенный и разстроенный всегда страшился бы новыхъ силъ въ тылу. Единственная надежда его, привесть скоро къ окончанію войну, была бы совершенно отнята.

Мы отбытіе отсель государя императора предъ сраженія потому почитаемъ нужнымъ, что во первыхъ время не терпитъ, и каждый день медленія здѣсь дѣлаетъ великій перевѣсъ въ дѣлахъ, во вторыхъ, если непріятель нечаянно настигнетъ, и чего боже сохрани, одержитъ знатную повѣрхность, тогда по неволѣ должно будетъ сдѣлать то, на что нынѣ по доброй волѣ и въ общей всѣхъ радости, и спасенію рѣшиться можно. Нынѣ отзовется отсель государя должное попеченіе о государствѣ, превосходящее попеченіе о частяхъ войскъ, ввѣренныхъ военачальнику. Но тогда отзывъ его поразитъ принужденнымъ, страхъ разсѣется уже по всей россіи, прибытіе его будетъ менше вождельнно, возванія къ народу менше убѣдительно, и способы къ пріуготовленію новыхъ силъ несравненно труднѣе. Непріятель выиграетъ время, шаги его будутъ смѣлѣе, дерзновеннѣе, и можетъ быть успѣетъ онъ уничтожить всѣ позды предпріемлемыя противъ него мѣры.

Всемилостивѣйшій государь! сіе мнѣніе наше основано на вѣрности и любви къ священной ТВОЕЙ особѣ. Обрати, надежда россіи! обрати вниманіе свое на него. Молимъ ТЕБЯ со слезами. Мы увѣрены, что сей нашъ гласъ и моленіе предъ ТВОИМЪ престоломъ есть гласъ всего отечества, всѣхъ вѣрныхъ ТВОИХЪ подданныхъ, и готовы въ томъ подписаться кровью,

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданнѣйше.

на двинѣ близъ дрисы. іюня 30 дня 1812 года.

на подлинномъ подписано: графъ А. Аракчеевъ. Александръ Балашевъ. Александръ Шишковъ.

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ: 1-е, что нѣтъ государю славы, ни государству пользы, чтобы глава его присоединилась къ одной только части войскъ, оставляя всѣ прочія силы и части государственнаго управленія другимъ. Особливо же въ обстоятельствахъ затруднительныхъ и опасныхъ необходимо нужно ему избирать пункты пребыванія своего такимъ образомъ, чтобы какъ всѣмъ частямъ военнымъ, такъ и всѣмъ государственнымъ внутреннимъ мѣстамъ и обществамъ могъ онъ подавать нужныя пособія, и повелѣніями и личнымъ присутствіемъ своимъ оживлять тѣ, которыя въ вящшую дѣятельность приводить должно; 2-е, что и личная отъ того слава и честь не всегда пріобрѣтается: исторія не похваляетъ никогда поступки и царствованіе Карла XII, короля шведскаго; Феофанъ о Петрѣ первомъ, вдавшемся опасности на ряду съ прочими, сказалъ: вострепетала Россія Единаго смертію вся умрети боящеся. Ежели прямой долгъ Царей есть жить для благоденствія ввѣренныхъ имъ народовъ, то едва ли похвально допускать въ одномъ своемъ лицѣ убить цѣлое царство.

Соображая все сіе и находя притомъ, что нынѣшнее наше положеніе требуетъ непремѣнно всевозможнаго вниманія и скорой рѣшимости, поспѣшаемъ мы поднесть Его Императорскому Величеству мнѣніе наше, какое долгъ вѣрноподданнаго и прямая любовь къ Нему и къ Отечеству въ насъ влагаетъ.

25374.

Естьли Государю Императору угодно будетъ нынѣ же, не ожидая рѣшительной битвы, препоручить войски въ полное распоряженіе Главнокомандующаго и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ для воззванія къ дворянству и народу о вооруженіи новыхъ войскъ, которыя бы внутри государства подъ назначеннымъ предводителемъ составили вторыя отпорныя силы, то нѣтъ никакова сомнѣнія, что Онъ встрѣченъ будетъ съ радостнымъ восторгомъ, и одушевленный присутствіемъ Его народъ воздвигнется весь съ неслыханнымъ духомъ мужества. Тогда положеніе здѣшнихъ войскъ, хотя бы они и не могли преодолѣть врага, не подвергнетъ Царство опасности, и непріятель, встрѣчая отъ нихъ сопротивленіе, хотя бы и одерживалъ успѣхи, но истощенный и разстроенный всегда страшился бы новыхъ силъ въ переди. Единственная надежда его, привесть скоро къ окончанію войну, была бы совершенно отнята.

Мы отбытіе отселѣ Государя Императора прежде сраженія потому почитаемъ нужнымъ, что во-первыхъ время не терпитъ, и каждый день медленія здѣсь дѣлаетъ великій перевѣсъ въ дѣлахъ; во-вторыхъ, естьли непріятель нечаянно настигнетъ и, чего Боже сохрани, одержитъ знатную поверхность, тогда по неволѣ должно будетъ сдѣлать то, на что нынѣ по доброй волѣ и къ общей всѣхъ

радости и спасенію рѣшиться можно. Нынѣ отзоветъ отселѣ Государя должное попеченіе о государствѣ, превосходящее попеченіе о части войскъ, ввѣренныхъ военноначальнику. Но тогда отъѣздъ Его покажется принужденнымъ, страхъ разсѣется уже по всей Россіи, прибытіе Его будетъ менше вожделѣнно, воззваніе къ народу менше дѣйствительно, и способы къ пріуготовленію новыхъ силъ несравненно труднѣе. Непріятель выиграетъ время, шаги его будутъ смѣлѣе, дерзновеннѣе, и можетъ быть успѣетъ онъ уничтожить всѣ поздно предпріемлемыя противъ него мѣры.

Всемилостивѣйшій Государь! сіе мнѣніе наше основано на вѣрности и любви къ священной Твоей особѣ. Обрати, надежда Россіи! обрати вниманіе Свое на него, молимъ Тебя со слезами. Мы увѣрены, что сей нашъ гласъ и моленіе передъ Твоимъ престоломъ есть гласъ всего отечества, всѣхъ вѣрныхъ Твоихъ подданныхъ, и готовы въ томъ подписаться кровью.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные графъ А. Аракчеевъ, Александръ Балашовъ, Александръ Шишковъ.

На Двинѣ близъ Дрисы, іюня 30 дня 1812 г.

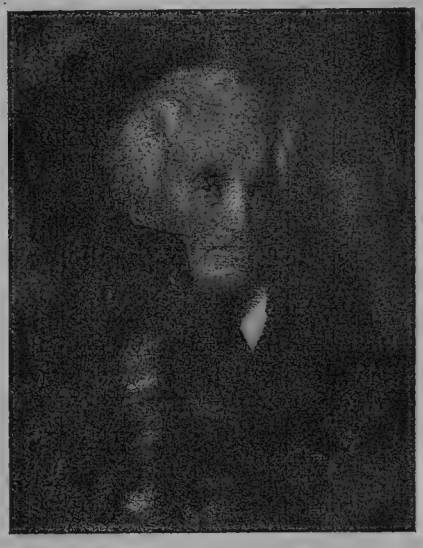
А. Аракчеевъ.

Собираясь покинуть Дрисскій укрѣпленный лагерь, Государь командировалъ флигель-адъютанта Чернышева и полковниковъ Мишо и Эйхена для выбора удобныхъ для обороны мѣстъ подъ Москвою, а, если

потребуется, то и еще болѣе въ глубь страны—на Волгѣ, а флигель-адъютанту графу Потоцкому было повелѣно истребить переправу противъ Дисны[1]).

Достигнувъ Полоцка, Государь, вслѣдствіе ранѣе сего приведеннаго письма А. С. Шишкова, покинулъ въ ночь съ 6 на 7 іюля армію и поѣхалъ черезъ Смоленскъ въ Москву для поднятія народнаго движенія въ центральныхъ губерніяхъ Россіи.

Александръ Балашовъ.



Александръ Шишковъ.

Оставленіе Государемъ арміи не могло вызвать, конечно, вполнѣ отраднаго чувства въ дѣйствующей арміи, и Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 133, по изд. 1865 г.): „отъѣздъ Государя произвелъ на войска непріятное впечатлѣніе; появляясь каждый день веселымъ и сохранявшимъ спокойную наружность, не только не было мысли объ опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми и каждый оживлялся его присутствіемъ; но оно не менѣе

[1]) Этому порученію А. П. Ермоловъ посвящаетъ нѣсколько строкъ. „Онъ, пишетъ Ермоловъ про Потоцкаго, пылая усердіемъ исполнить пору-

нужно было и въ Россіи: надобно было унылый духъ возбудить къ бодрости, или постепенно пріуготовить къ перенесенію большихъ бѣдствій; Москва, въ сердцѣ коей двѣсти лѣтъ тишины и благоденствія, цѣлый вѣкъ величія и славы, закрыли прежнихъ несчастій глубокія раны, ожидала утѣшенія. Москва! когда срѣтала ты Царя своего безъ восхищенія? Гдѣ болѣе являема была ему сыновъ его приверженность? Отъѣздъ былъ необходимъ! Сѣтующему войску обѣщано скорое его возвращеніе, и все возвратилось къ прежнему порядку, или, по крайней мѣрѣ, не увеличился безпорядокъ". Съ Высочайшимъ отъѣздомъ, квартира потеряла весь блескъ своего персонала. И опять таки, Ермоловъ отмѣчаетъ это обстоятельство: „по отъѣздѣ Государя, случилось мнѣ обѣдать вмѣстѣ съ оставшеюся его Свитою, и я замѣтилъ разность въ тонѣ, какую-то перемѣну въ обращеніи! Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ каждаго при собственныхъ средствахъ. Люди, осужденные быть придворными, умѣйте снискать уваженіе собственными достоинствами, или, заимствуя блескъ другого, умѣйте отражать его. Не мое дѣло толковать мысль сказаннаго однимъ изъ древнихъ писателей: exeat aula qui vult esse pius; неужели думать надобно, что мало было сходства между придворными людьми всѣхъ временъ? съ нами вмѣстѣ обѣдалъ и генералъ Фуль, готическую свою важность, вывѣску общаго ко всѣмъ неуваженія, перемѣнившій на придворную вѣжливость; онъ кланялся прежде не ожидая приносимыхъ ему въ дань поклоновъ; исчезло рабственное къ нему почтеніе; были уже примѣтившіе въ немъ признаки сумасшествія, а Вилліе увѣрялъ, что испытанныя средства не возстановили ума въ полной мѣрѣ; воля Государя присвоила и не бывалый" [1]). Съ своей стороны, Кочубей писалъ Аракчееву 11 іюля 1812 г.: [2]) „сближеніе его (т. е. Государя) къ центру государства утѣшитъ столько всѣхъ, сколько, напротивъ, разныя неудобства, съ первымъ его пребываніемъ (при войскахъ) сопряженныя, могли

ченіе, сообщилъ пламень и провіантскому магазину, довольно значительному, тогда какъ французы были не ближе 70 верстъ разстоянія, и съ такою возвратился поспѣшностію, что не замѣтилъ, какъ жители растащили запасы, которые довольствовали послѣ и авангардъ 6-го корпуса и самый корпусъ" (Записки, 131). Въ указѣ же, данномъ 30 іюня Потоцкому, излагается требованіе изслѣдовать: „почему провіантъ, въ оном городѣ находящійся, сожженъ былъ прежде времени, тогда когда по приказанію, вами данному, истребленіе онаго только должно было воспослѣдовать по приближеніи непріятеля къ г. Диснѣ". (Сборн. ист. мат., извл. изъ Соб. Е. И. В. Канц., I, стр. 88).

[1]) Ермоловъ, Записки, стр. 135.

[2]) Дубровинъ. Отечественная война въ письмахъ современниковъ, 48.

быть прискорбны всѣмъ тѣмъ, кои и Ему, и отечеству своему, всѣхъ благъ желаютъ".

А. П. Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ объ оставленіи Свиты при арміи въ такихъ выраженіяхъ [1]): „изъ Полоцка Государь Императоръ отправился въ Москву, сопровождаемый графомъ Аракчеевымъ, министромъ полиціи господиномъ Балашевымъ и государственнымъ секретаремъ Шишковымъ; при немъ были генералъ-адъютантъ князь Трубецкой и флигель-адъютантъ Чернышевъ. Всѣ прочіе, особѣ Государя принадлежащіе чиновники, остались при арміи. Остался и генералъ Фуль съ горькимъ въ сердцѣ чувствомъ, что онъ не столько уже необходимъ Государю, съ отчаяніемъ въ душѣ, что лагерь при Дриссѣ найденъ безполезнымъ и усмотрѣны его недостатки. Ни рабъ-почитатель его, флигель-адъютантъ полковникъ пруссакъ Вольцогенъ, ни генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій, имъ въ ремеслѣ военномъ просвѣщаемый, не проповѣдывали его славы. Умолкли мудрыя его предположенія продолжать отступленіе даже за Волгу; уже не внемлютъ благодѣтельнымъ попеченіямъ его о Россіи. Судьба казнитъ неблагодарность вашу, Россіяне: вы не узрите береговъ Волги".

Передъ отъѣздомъ въ Смоленскъ, графъ Аракчеевъ писалъ Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ С. К. Вязмитинову [2]), чтобы „фельдъегерямъ и курьерамъ изъ С.-Петербурга въ армію ѣздить по бѣлорусской дорогѣ на Порховъ и Великіе Луки, а изъ онаго мѣста въ Невель, гдѣ уже должны они будутъ узнавать, какою дорогою могутъ ѣхать въ армію до Главной квартиры, отъ тамошняго городничаго"; въ этомъ же письмѣ Аракчеевъ сообщалъ, что „Государь Императоръ усматриваетъ здѣсь пріѣзжающихъ изъ С.-Петербурга многихъ другихъ курьеровъ отъ разныхъ лицъ, кромѣ фельдъегерей, то Онъ находитъ, что сіе можно бы нѣкоторымъ образомъ ограничить, чѣмъ бы самымъ менѣе было способовъ развозить пустые толки, да и самой бы почтѣ менѣе было отяготительно".

Слѣдуетъ здѣсь еще упомянуть, что Императоръ Александръ, покидая армію и садясь въ карету, сказалъ провожавшему Его Барклаю: „поручаю вамъ Мою армію; не забывайте, что у меня нѣтъ другой, и пусть эта мысль васъ не оставляетъ" [3]). Предъ этимъ Главнокомандующій имѣлъ аудіенцію у Государя въ теченіе цѣлаго часа. Въ письмѣ же кн. Багратіона къ гр. Ростопчину отъ 14 августа, между прочимъ, имѣются слѣдующія строчки [4]): „Барклай

[1]) Записки Алексѣя Петровича Ермолова. 1865 г. I, с. 132—133.

[2]) Сборн. истор. мат., извл. изъ Соб. Е. И. В. Канц., I, стр. 90; 4 іюля, № 18.

[3]) M. Weil. Mémoires du général-major russe, baron de Löwenstern.

[4]) Дубровинъ. Отечеств. война въ письмахъ современниковъ.

говоритъ, что Государь ему запретилъ давать рѣшительныя сраженія". Слѣдовательно, Государь, оставляя армію, преподалъ Барклаю общій планъ дѣйствій. Въ Смоленскъ Государь прибылъ въ 11 ч. утра 9 іюля и, встрѣченный восторженнымъ привѣтствіемъ народа, остановился въ такъ называемомъ Инспекторскомъ домѣ. Немедленно по прибытіи, Государь принималъ смоленское дворянство, первое выступившее съ предложеніемъ тѣхъ огромныхъ пожертвованій, которыя вскорѣ принесъ русскій народъ для защиты своего отечества. Выразивъ дворянству свою благодарность, Государь отправился въ Успенскій соборъ, а затѣмъ на площади произвелъ смотръ запаснымъ войскамъ, закончившійся прохожденіемъ церемоніальнымъ маршемъ. Сформированнымъ изъ этихъ войскъ отрядомъ Государь повелѣлъ командовать генералъ-адъютанту барону Винценгероде [1]), возложивъ на него двоякую цѣль: обезпечивать сообщенія обѣихъ западныхъ армій и въ то же время прикрывать Смоленскъ.

Покинувъ армію, Государь не прекратилъ общаго руководства военными дѣйствіями. Ермоловъ 27 іюня въ разговорѣ съ Императоромъ выразился: „Государь, нужно единоначаліе [2])". Генералъ-адъютантъ Шуваловъ 31 іюля писалъ: „если Ваше Императорское Величество не дадите общаго Главнокомандующаго надъ обѣими арміями, ручаюсь моею честью и совѣстью, дѣло можетъ быть безвозвратно потеряно" [3]). 8 іюля Государь, поздравляя Барклая съ блестящими побѣдами графа Витгенштейна и генерала Тормасова и съ соединеніемъ армій, писалъ между прочимъ: „Я надѣюсь, что вы, съ помощью Всевышняго, будете имѣть возможность начать наступательныя дѣйствія" [4]).

Вечеромъ послѣ прогулки, во время которой Императоръ восхищался красотой города и его окрестностей, занимаясь дѣлами, Государь получилъ увѣдомленіе о заключеніи мира съ Турціей и, найдя въ залѣ только городского голову, приказалъ ему немедленно обнародовать это радостное въ такую минуту событіе [5]).

9 іюля графъ Аракчеевъ писалъ графу Ростопчину о полученіи извѣстія о мирѣ съ Турціею и о Высочайшемъ отъѣздѣ въ Москву: „сего числа Государь Императоръ изволилъ получить ратификацію

---

[1]) Богдановичъ. Исторія Отечественной войны въ 1812 г. Спб. 1859 г., т. I, стр. 180.

[2]) В.-уч. арх., д. 5827.

[3]) Дубровинъ. Отечеств. война въ письмахъ современниковъ.

[4]) Харкевичъ. Барклай-де-Толли въ Отечеств. войну. Прилож., стр. 13.

[5]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 г Спб., 1839 г., ч. I, стр. 263—264.

турецкаго султана, слѣдовательно, теперь уже миръ съ турками совершенно оконченъ; завтра по утру Государь Императоръ изволитъ выѣзжать отсюда въ Москву и проситъ Ваше Сіятельство, дабы вы 11 числа сего мѣсяца, т. е. въ четвергъ пополудни, выѣхали сами одинъ на встрѣчу Государю на послѣднюю станцію; молебствіе о мирѣ Государь сдѣлаетъ при Себѣ, по пріѣздѣ въ Москву“ [1]).

Не менѣе восторженно, чѣмъ въ Смоленскѣ, встрѣчали Императора и на всемъ дальнѣйшемъ пути — въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ, Гжатскѣ и Можайскѣ, а когда въ Москвѣ разнеслась вѣсть объ ожидаемомъ скоромъ прибытіи Монарха, огромныя толпы жителей, соперничая между собой въ желаніи отпречь лошадей и на себѣ везти коляску Государя, далеко вышли впередъ для встрѣчи Его Величества. Между тѣмъ Императоръ, избѣгая этого, объявилъ, что остановится ночевать на послѣдней передъ Москвою станціи Перхушково, гдѣ ожидалъ уже Государя московскій главнокомандующій графъ Ростопчинъ, и рѣшилъ выѣхать поздно вечеромъ и прибыть въ Москву ночью. Намѣренія и надежды жителей столицы поэтому не осуществились и только жители села Покровскаго или Филей, увѣдомленные о выѣздѣ Государя изъ Перхушкова нарочно отправленными ими съ этою цѣлью конными гонцами, во главѣ съ приходскимъ духовенствомъ, несшимъ Распятіе, восторженно встрѣтили Императора на Поклонной горѣ хлѣбомъ и солью. Приблизившись къ духовенству, Государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и приложился къ Распятію. Въ полночь съ 11 на 12 іюля прибылъ Императоръ въ Кремлевскій Дворецъ. Въ Свитѣ Государя въ это время находились: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Ростопчинъ, графъ Аракчеевъ, А. С. Шишковъ, генералъ-адъютанты: Балашовъ, князь Волконскій и графъ Комаровскій, баронъ Штейнъ, флигель-адъютантъ Чернышевъ и генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, прибывшій въ Москву ранѣе съ воззваніемъ, отправленнымъ изъ Ляхова [2]).

На слѣдующее утро огромныя толпы народа собрались на Кремлевскую площадь въ ожиданіи выхода Государя и восторженно встрѣтили Его криками и колокольнымъ звономъ, когда около десяти часовъ вышелъ Императоръ Александръ на Красное Крыльцо, направляясь въ Успенскій соборъ, у входа въ который со знаменемъ побѣды въ рукѣ привѣтствовалъ Государя московскій викарій Августинъ короткою рѣчью. Насколько было велико стеченіе народа— можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ очевидца событія: „нахо-

[1]) Сборн. истор. мат., извл. изъ Соб. Е. И. В. Канц., I, 92.

[2]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб. 1887 г., т. III, стр. 80.

дившіеся при Государѣ, генералъ-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобы довести Императора отъ Краснаго Крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Между тѣмъ громогласное „ура“ заглушало почти звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время“ [1]).

Въ Успенскомъ соборѣ, послѣ Божественной литургіи, Государь присутствовалъ на торжественномъ благодарственномъ молебствіи съ колѣнопреклоненіемъ, сопровождавшемся радостными пушечными салютами, по причинѣ удачнаго окончанія войны и заключенія фельдмаршаломъ Кутузовымъ мира съ Турціей. Миръ этотъ, вслѣдствіе огромнаго превосходства силъ Наполеона, пріобрѣталъ теперь чрезвычайно важное значеніе.

15 іюля, послѣ молебна, совершеннаго въ придворной церкви Слободскаго дворца, Императоръ Александръ вышелъ къ ожидавшимъ, собравшимся, каждое отдѣльно, въ особыхъ залахъ дворца—дворянству и купечеству. Они были собраны по предварительно разосланнымъ пригласительнымъ повѣсткамъ для выслушанія Высочайшаго манифеста, призывающаго всѣхъ русскихъ людей на борьбу съ врагомъ. Узнавъ о немедленной безграничной готовности, съ которой тѣ и другіе сдѣлали постановленія для защиты ввергнутаго въ опасность отечества, Государь благодарилъ оба сословія и сказалъ дворянству: „Иного Я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать,—вы оправдали Мое о васъ мнѣніе“ [2]).

Все время, проведенное Государемъ въ Москвѣ, было посвящено неустаннымъ занятіямъ.

Послѣ семидневнаго пребыванія, въ ночь съ 18 на 19 іюля, Государь покинулъ Москву, полтора дня пробылъ въ Твери, посѣтивъ Великую Княгиню Екатерину Павловну, и возвратился въ Петербургъ къ 22 іюля,—дню Тезоименитства Вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны [3]).

---

[1]) Записки графа Комаровскаго. Рус. Арх., 1867 г., стр. 775.

[2]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 г. Спб. 1839 г., т. I, стр. 268.

[3]) Богдановичъ. Исторія Отечественной войны 1812 г. Спб., 1859 г., т. I, стр. 189.

1812-ый годъ.

Послѣдніе дни командованія Барклаемъ 1-й и 2-й западными арміями.

(Періодъ со времени окончанія боевъ подъ Смоленскомъ 8-го августа до прибытія къ арміямъ Кутузова 17-го августа).

8-го августа послѣдовало назначеніе *Кутузова* „общимъ главнокомандующимъ надъ всѣми дѣйствующими арміями". Въ тотъ же день наша 1-ая и 2-ая западныя арміи, послѣ цѣлаго ряда кризисовъ, пережитыхъ ими сначала для удержанія *Смоленска*, а затѣмъ для выхода и удержанія за собой большой Московской дороги, соединились, наконецъ, вновь на этой дорогѣ, у пересѣченія ея р. *Днѣпромъ*, у *Соловьевой переправы*.

День назначенія *Кутузова* совпалъ такимъ образомъ съ вторымъ соединеніемъ нашихъ армій и съ постановкой ими новой цѣли.

Съ этого дня силой неотвратимыхъ обстоятельствъ русская армія была вынуждена, раньше или позже, такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ въ ближайшемъ будущемъ, прибѣгнуть къ рѣшительному и генеральному сраженію, такъ какъ французская армія объектомъ дальнѣйшихъ дѣйствій ставила отнынѣ *Москву*. Открытымъ оставался только вопросъ: когда и гдѣ именно дадимъ мы отпоръ *Наполеону*; и то и другое силой вещей должно было быть отложено до наиболѣе благопріятныхъ условій силы, мѣста и времени.

Выйдя изъ всѣхъ трудностей и кризисовъ подъ *Смоленскомъ* и по оставленіи его, перейдя на лѣвый берегъ *Днѣпра*, выйдя изъ сферы движеній и дѣйствій противника и не испытывая болѣе его непосредственнаго давленія, Барклай проникается убѣжденіемъ и рѣшимостью дать здѣсь генеральное сраженіе Наполеону. Этой рѣшимостью *Барклай* полонъ въ дни 8-го, 9-го и еще въ утро

10-го августа, когда онъ пишетъ графу *Ростопчину*: „Послѣ отступленія армій отъ *Смоленска* нынѣшнее положеніе дѣлъ, чтобы судьба наша была рѣшена генеральнымъ сраженіемъ. Мы въ необходимости возлагать нашу надежду на генеральное сраженіе.

Всѣ причины, воспретившія давать оное, нынѣ уничтожаются. Мы принуждены взять сію рѣшительную мѣру. Отечество можетъ избавиться отъ опасности общимъ сраженіемъ, къ которому мы съ кн. Багратіономъ избрали позицію у д. *Умолье*“ [1]).

Однако къ полудню эта рѣшимость какъ бы оставляетъ *Барклая* и онъ позднѣе доноситъ Государю: чтобы предупредить случайности какого-либо слишкомъ поспѣшнаго предпріятія, я буду вмѣстѣ съ *кн. Багратіономъ* стараться избѣгать генеральнаго сраженія. Однакоже мы въ такомъ положеніи, что сомнѣваемся въ этомъ успѣхѣ“. Слѣдовательно, въ сраженіи *Барклай* видитъ лишь крайнее и нежелательное средство, даже опасное, и считаетъ успѣхомъ—избѣжать его.

Несомнѣнно, что пока французы были далеко, *Барклай* полонъ рѣшимости дать бой, а съ ихъ приближеніемъ рѣшимость его падаетъ и именно такъ объясняетъ рядъ послѣдующихъ событій до прибытія армій къ *Цареву-Займищу*, бывшій при штабѣ 1-ой арміи, столь извѣстный впослѣдствіи военный мыслитель, офицеръ прусскаго генеральнаго штаба *Клаузевицъ*, считавшій и эту позицію довольно сильной [2]).

Послѣ оставленія *Смоленска* идея прекратить отступленіе и заградить дальнѣйшее движеніе *Наполеона* стала общей во всей арміи, и естественно тому должна была служить первая встрѣтившаяся позиція, каковой и была позиція на р. *Ужъ*.

Но дѣло было не въ позиціи, а, во-первыхъ, въ несвоевременности сраженія, во-вторыхъ, въ отсутствіи единства, въ постоянномъ разногласіи между двумя главнокомандующими и въ отсутствіи у Барклая опредѣленной цѣли дѣйствій, отвѣчавшей обстановкѣ и въ его колебаніяхъ, хотя въ рѣшительную минуту расчетъ повидимому бралъ у него верхъ надъ всѣми остальными побужденіями.

Общій осмотръ на р. *Ужъ* привелъ къ тому, что рѣшено ее оставить и отойти на предложенную кн. Багратіономъ позицію у *Дорогобужа*, а задержаніе непріятеля возложено на казачьи полки

---

[1]) Читать слѣдуетъ д. *Усьвятье*, такъ какъ у д. *Умолье* было возможно дать бой 8-го, но 9-го и 10-го арміи отошли на р. *Ужу*, гдѣ у д. *Усьвятье* и готовили позицію.

Клаузевицъ по всей справедливости долженъ быть поставленъ первоисточникомъ, какъ очевидецъ и участникъ, а по его уму, знаніямъ и объективности—еще и какъ первоисточникъ большой цѣнности.

Платова, подкрѣпленные слабымъ въ 7 баталіоновъ съ 4-мя орудіями арріергардомъ *барона Розена*, что конечно было недѣйствительно. Вечеромъ Вел. Кн. Константинъ Павловичъ оставилъ армію и повезъ Государю письмо *Ермолова*, въ которомъ послѣдній, порицая операціи *Барклая* къ *Порѣчью* и *Руднѣ* и характеризуя дѣйствія армій съ 3-ье по 7-ое августа, повергаетъ на усмотрѣніе Императора вредное вліяніе на войска непрерывнаго отступленія, тяжесть и безцѣльность маршей, вызывающихъ ропотъ въ войскахъ и неудовольствіе на главнокомандующаго, и докладываетъ о неизбѣжной необходимости въ ближайшемъ будущемъ генеральнаго сраженія. Далѣе, дальновидный *Ермоловъ*, предвидя въ будущемъ возможность занятія французами *Москвы*, высказываетъ личное мнѣніе свое о значеніи занятія французами первопрестольной столицы нашей и докладываетъ: „не все Москва въ себѣ заключаетъ и съ паденіемъ столицы не разрушаются всѣ государства способы“ и заканчиваетъ словами: „дарованіямъ главнокомандующаго здѣшней арміи мало есть удивляющихся, еще менѣе имѣющихъ къ нему довѣренность, войска же и совсѣмъ ее не имѣютъ“.

Между тѣмъ французская армія, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, форсируетъ *Днѣпръ*, переходитъ его и только на полпути къ р. *Ужѣ*, у с. *Михайлово*, нашъ слабый арріергардъ лишь нѣсколько задерживаетъ противника до ночи, но въ 3 часа дня слѣдующаго дня 11-го августа французы появляются передъ нашимъ расположеніемъ на р. *Ужѣ*. Согласно рѣшенію *Барклая* еще 10-го, онъ отходитъ въ ночь на 12-ое къ *Дорогобужу* и *Бражину*, оставивъ на р. *Ужѣ* тотъ же слабый арріергардъ, обезпеченный теперь слѣва арріергардомъ кавалерія отъ II-ой арміи. Арріергардамъ вообще указывалось не ввязываться въ бой и держаться въ переходѣ отъ арміи.

Преслѣдуя теперь общую задачу отступленія уже къ *Вязьмѣ*, Барклай принимаетъ мѣры „на случай“ возможнаго боя у *Дорогобужа*, остается недоволенъ позиціею и расположеніемъ войскъ и рѣшаетъ въ три перехода достигнуть *Вязьмы*. Справедливо уклоняясь отъ рѣшительнаго боя, *Барклай*, тѣмъ не менѣе, исходя изъ предвзятаго мнѣнія, что *Наполеонъ* намѣренъ упредить его въ *Вязьмѣ*, ставитъ цѣлью *скорѣйшее достиженіе Вязьмы, а не возможную задержку дальнѣйшаго здѣсь наступленія противника для столь необходимаго для насъ выигрыша времени.*

Не рѣшивъ еще вполнѣ опредѣленно и окончательно не отходить далѣе *Вязьмы*, *Барклай* облюбовалъ идею подготовки въ

Вязьмѣ укрѣпленнаго на 25.000 чел. опорнаго пункта (что слѣдовало исполнить въ Смоленскѣ), опираясь на который сохранить съ остальными силами свободу дѣйствій.

„Непріятель съ многочисленнѣйшей кавалеріею старается обходить наши фланги", пишетъ *Барклай Ростопчину*, „и предупредить насъ прибытіемъ въ *Вязьму*, почему спѣшу туда съ арміею слѣдовать и выступая сего (12-го) ночью и выбравъ тамъ позицію, буду ждать арміи непріятельной". Прикрываясь 3-мя арріергардами, арміи, слѣдуя тремя колоннами, въ два перехода достигли линіи сс. *Афанасьева, Семеново, Лужки. Князь Багратіонъ*, негодуя на спѣшность и безостановочность отступленія, выражаетъ *Ростопчину* свои чувства: „Все его отступленіе для меня и для арміи непостижимо, снимайся съ позиціи и бѣги и въ жаръ и по ночамъ назадъ, моримъ людей и на пагубу несемъ (непріятеля) за собой. Боюсь, чтобы Москва также не потерпѣла, какъ Смоленскъ".

Слабый арріергардъ, не задерживаясь, отходитъ за главными силами и только 13-го даетъ бой на р. *Осьмѣ* (близъ *Дорогобужа*), гдѣ удерживается до ночи, быстро отойдя 14-го на значительное разстояніе до второго пересѣченія р. *Осьмой* Московской дороги, хотя свойства мѣстности способствовали задержать здѣсь противника на продолжительное время и исчезло всякое опасеніе упрежденія насъ Наполеономъ у *Вязьмы*. Еще 14-го утромъ *Барклай* остается въ намѣреніи задержать Наполеона у *Вязьмы* и доноситъ Государю, что „настала минута, гдѣ наше наступленіе должно начаться". Между тѣмъ необходимость дать отдыхъ войскамъ, не имѣвшимъ отдыха все это время, и дать время выбраться жителямъ требовала пріостановки отступленія хотя на время, и *Барклай* рѣшилъ дать дневку 15-го, но не усиливаетъ арріергарды и не указываетъ имъ гдѣ-либо задерживаться. Быстрое отступленіе арріергарда на главныя силы вынуждаетъ арміи поспѣшно сняться и продолжать отступленіе, что вызываетъ новое общее недовольство и спѣшку. Бросивъ идею пріостановки у *Вязьмы* и не усиливая арріергарды, *Барклай* продолжаетъ спѣшное отступленіе 15-го къ *Вязьмѣ*, 16-го къ с. *Федоровскому* и 17-го къ *Цареву-Займищу*. Общее недовольство арміи достигаетъ высокой степени и его раздѣляетъ и населеніе. 15-го слабый арріергардъ нашъ задерживаетъ противника на р. *Осьмѣ*, геройски дерется здѣсь у сс. *Бѣломорскаго* и *Лужки* цѣлый день до вечера, а 16-го отходитъ за Вязьму и далѣе, исполнивъ отступленіе довольно спѣшно и живо преслѣдуемый войсками авангардовъ противника, который побуждался Наполеономъ къ безостановочному слѣдованію.

Барклай, видимо, принялъ на этотъ разъ твердое рѣшеніе дать здѣсь у Царево-Займище генеральное сраженіе и началъ укрѣплять позицію. „Начались работы инженеровъ и армія заняла боевое расположеніе“, говоритъ *Ермоловъ*. Много разъ наша армія, пріуготовляемая къ сраженію, переставала уже вѣрить возможности онаго, хотя желала его нетерпѣливо, но пріостановленное движеніе арміи, ускоряемыя работы показывали, что намѣреніе Барклая рѣшительно, и всѣ вернулись къ надеждѣ видѣть конецъ отступленія.

Получено извѣстіе о назначеніи *Кутузова* Главнокомандующимъ всѣми арміями и о скоромъ прибытіи его изъ *Петербурга*. „Сомнительно, чтобы Главнокомандующій (Ермоловъ говоритъ о Барклаѣ) не имѣлъ извѣстій о назначеніи *Кутузова*. Ускореніе работъ на позиціи обнаруживаетъ намѣреніе его дать сраженіе до его пріѣзда. Какъ военный министръ, онъ зналъ, что армія подкрѣпленій (т. е. у Царево-Займище) имѣть не будетъ, что Кутузовъ равными, какъ и онъ, распоряжая способами, не большую можетъ допускать надежду на успѣхъ, рѣшился предупредить его въ томъ, что конечно было поставлено на видъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ“.

Въ своемъ трудѣ, составленномъ для личнаго пользованія Императора Александра и для оправданія своихъ дѣйствій, озаглавленномъ „Изображеніе военныхъ дѣйствій въ 1812-мъ году“, *Барклай* такъ представляетъ свою дѣятельность 17-го: „17-го прибыли сюда (въ Царево) обѣ арміи; расположенныя въ небольшомъ пространствѣ, имѣли передъ собой открытое пространство, на коемъ непріятель не могъ скрывать своихъ движеній; въ 12-ти верстахъ отъ сей позиціи была другая удобная у *Гжатска*; *Милорадовичъ* прибывалъ 18-го съ своими резервами. Всѣ сіи причины были достаточны къ уготовленію тамъ (т. е. у Царева-Займище) рѣшительнаго сраженія; *я твердо рѣшился на томъ мѣстѣ исполнить оное*“ [1]). Излагая свою дѣятельность 17-го до прибытія *Кутузова*, далѣе онъ говоритъ: „ибо въ случаѣ неудачи, могъ я удержаться подъ *Гжатскомъ*“. Далѣе Барклай говоритъ о построеніи на позиціи у *Царева-Займище* нѣсколькихъ редутовъ на фронтѣ и флангахъ, усиленіи арріергарда 3-ей дивизіею и объединеніи командованія арріергардами въ рукахъ *Коновницына*, что, замѣтимъ, слѣдовало исполнить *Барклаю* еще 8-го августа и тогда арміи и населеніе получили бы все необходимое для нихъ время и не было бы всей этой спѣшки, форсировки и неустройствъ разнаго рода.

Щербининъ [2]) свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Щербининъ—офицеръ квартирмейстерской части.

опасности принятія сраженія у *Царева-Займища*. „Приходимъ въ лагерь“, говоритъ онъ, „рѣчка съ чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линій нашихъ. Слишкомъ опасно принять сраженіе въ такой позиціи. Не менѣе того, *Барклай* на то рѣшиться хочетъ. *Толь* до такой степени убѣжденъ въ опасности этого лагеря (т. е. боевого расположенія), что бросается передъ *Барклаемъ* на колѣни, чтобы отклонить его отъ намѣренія сражаться здѣсь. *Барклай* не внимаетъ его убѣжденіямъ, но вдругъ извѣщается о прибытіи *Кутузова*“.

Нѣсколько часовъ спустя по вступленіи войскъ въ лагерь у *Царева-Займища*, *Барклай* получаетъ Высочайшій рескриптъ о назначеніи *Кутузова*, въ которомъ Императоръ обращается къ Барклаю: „Я увѣренъ, что любовь Ваша къ Отечеству и усердіе къ службѣ откроетъ Вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ“.

Въ тотъ же день *Барклай* доноситъ Государю о полученіи рескрипта и всеподданнѣйше присоединяетъ: „Всякій вѣрноподданный и истинный слуга Государя и Отечества долженъ ощущать истинную радость при извѣстіи о назначеніи новаго Главнокомандующаго, который уполномоченъ всѣ дѣйствія вести къ одной цѣли. Примите, Всемилостивѣйшій Государь, выраженіе радости, которою я исполненъ. Возсылаю мольбы, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ Вашего Величества. Что касается до меня, то я ничего иного не желаю, какъ пожертвованіемъ жизни доказать готовность мою служить Отечеству во всякомъ званіи и достоинствѣ. Не намѣренъ я теперь, когда наступаютъ рѣшительныя минуты, распространяться о дѣйствіи арміи, которая была мнѣ ввѣрена, успѣхъ докажетъ, могъ ли я сдѣлать что-либо лучше для спасенія Государства. Если бы я былъ руководимъ слѣпымъ, безумнымъ честолюбіемъ, то, можетъ быть, Ваше Императорское Величество изволили бы получать донесенія о сраженіяхъ и, не взирая на то, непріятель находился бы подъ стѣнами Москвы, не встрѣтя достаточныхъ силъ, которыя могли бы ему сопротивляться“.

При такихъ условіяхъ и въ *Царевѣ-Займище* кончилось главное командованіе *Барклаемъ* двумя Западными арміями. Прошло сто лѣтъ, и дѣйствія *Барклая* за время его командованія принадлежатъ исторіи.

Историкъ *Поповъ* по поводу окончанія этого командованія съ пріѣздомъ *Кутузова* къ арміямъ высказываетъ слѣдующій суровый надъ Барклаемъ приговоръ: „Такъ кончилось командованіе *Барклая*, грозившее погибелью обѣимъ арміямъ, чего Императоръ, при всемъ

своемъ расположеніи къ *Михаилу Богдановичу*, далѣе не могъ допустить".

Далеко не раздѣляя всецѣло этого приговора, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ немъ заключается своя извѣстная доля справедливости. Оцѣнивая здѣсь періодъ только послѣднихъ всего девяти дней командованія *Барклаемъ* двумя арміями, замѣтимъ прежде всего, что на всемъ протяженіи этого времени Барклай не имѣлъ строго и ясно опредѣленнаго общаго и единаго плана дѣйствій, все это время имѣя цѣлую серію плановъ дѣйствій, находясь постоянно въ поискахъ и оцѣнкѣ позади себя позицій, которымъ онъ придавалъ несоотвѣтственное положенію дѣлъ значеніе, при чемъ рѣшимость *Барклая* дать сраженіе на той или другой позиціи каждый разъ падала съ приближеніемъ противника и приближеніемъ времени боя, почему въ тылу подыскивалась новая позиція, прежняя поспѣшно бросалась, и арміи, слабо обезпеченныя малочисленнымъ и несоотвѣтственно руководимымъ арріергардомъ, торопливо отходили на новую позицію, у которой разыгрывалась та же исторія, и такъ дѣло шло до *Царево-Займище* и вѣроятно протянулось бы до *Гжатска*.

Нигдѣ на выбранныхъ *Барклаемъ* позиціяхъ, ни у д. *Умолье*, ни на р. *Ужѣ* у д. *Усьвятье*, ни у *Вязьмы*, ни у с. Федоровскаго, ни у *Царева-Займище* и *Гжатска*, нигдѣ принятіе генеральнаго сраженія не отвѣчало общему положенію дѣлъ, не говоря уже о томъ, что никакими достоинствами позиціи нельзя было поправить общее положеніе дѣлъ и склонить шансы успѣха на нашу сторону.

Единственный,—отвѣчавшій всѣмъ условіямъ обстановки, планъ дѣйствій—*возможный выигрышъ времени, избѣгая общаго сраженія*, никогда за этотъ періодъ Барклаемъ не принимался, не говоря уже во всей цѣльности и полнотѣ, а постоянныя колебанія и перемѣны плана дѣйствій привели къ тому, что мы *съ малымъ сопротивленіемъ противнику*, скачками, *спѣшно и въ хлопотахъ отступая въ теченіе 9-ти всего сутокъ отдали огромное пространство отъ Соловьевой* переправы до *Царево-Займище*, сражаясь у себя и имѣя возможность задерживать противника на значительное время на каждомъ рубежѣ, лишая его одновременно всякой возможности пользоваться мѣстными средствами, въ чемъ онъ настоятельно нуждался; всякая пріостановка на болѣе или менѣе продолжительное время и вслѣдствіе этого сосредоточеніе войскъ, столпленіе ихъ у мѣста остановки стѣсняло армію Наполеона въ пользованіи мѣстными средствами, что, въ свою очередь, вызывало ее на лишенія, гибельно отражавшіяся на арміи.

Дорогое въ данныхъ условіяхъ время не было выиграно во всей возможной и необходимой полнотѣ, еще менѣе удержано пространство, а выигрышъ того и другого былъ совершенно посиленъ нашей арміи 1812 г., и условія мѣстности, особенно между *Дорогобужемъ* и *Вязьмой*, достаточно тому отвѣчали, а этотъ выигрышъ, имѣя первоклассное значеніе, былъ необходимъ, какъ важнѣйшее условіе, какъ—спасенія *Москвы*, такъ и подготовки неизбѣжно предстоявшаго общаго и рѣшительнаго сраженія [1]), такъ какъ чѣмъ позже было бы оно дано, тѣмъ болѣе были бы мы къ нему готовы, и тѣмъ выгоднѣе сложились бы для насъ условія силы, мѣста и времени, и тѣмъ вѣроятнѣе было бы спасеніе *Москвы*.

Въ виду естественной убыли во французской арміи отсталыми, больными и отъ лишеній, еще и потерь на фуражировкахъ и въ арріергардныхъ дѣлахъ и особенныхъ лишеній на маршѣ отъ *Смоленска* къ *Вязьмѣ*, которыя все увеличивались, и нашего, наоборотъ, прогрессивнаго усиленія, было чрезвычайно важно возможно оттягивать время наступленія рѣшительнаго сраженія, а потому дать сраженіе у *Царева-Займища* являлось весьма нецѣлесообразнымъ, а между тѣмъ *Барклай* настаивалъ на этомъ сраженіи.

Далъ ли бы *Барклай* въ дѣйствительности это сраженіе, если бы не прибылъ *Кутузовъ*, или нѣтъ, остается неизвѣстнымъ, но возможно, что отходилъ бы далѣе, тѣми же скачками, не задерживая и не выигрывая время.

Многое конечно можно сказать въ оправданіе *Барклая*: сложная обстановка войны 1812-го года, несоотвѣтственная организація верха арміи, необъединеніе въ его рукахъ полной власти, тяготѣніе столицы, треніе его съ княземъ Багратіономъ, сознаніе тактическаго превосходства арміи противника, управляемой величайшимъ геніемъ, и постоянное опасеніе какого-либо новаго искуснаго маневра великаго полководца, что вынуждало *Барклая* уклоняться отъ боя даже своими арріергардами, которымъ постоянно указывалось „не ввязываться въ серьезный бой“, но безъ чего однако естественно нельзя было и задерживать дальнѣйшаго наступленія арміи Наполеона, а слѣдовательно и выигрывать время.

Слѣдуетъ конечно также принять въ расчетъ трудное, состоящее изъ ряда кризисовъ время командованія *Барклая*, начиная съ 12-го іюня и все послѣдующее время, время столь тяжелыхъ условій личнаго положенія *Барклая* во главѣ двухъ армій.

---

[1]) Говоримъ—„неизбѣжно“ потому, что никто тогда не рѣшился бы взять на себя отвѣтственность отдать Москву безъ боя, но это еще не значитъ, чтобы мы утверждали, что его вообще нельзя было бы избѣжать.

Во всякомъ случаѣ за *Барклаемъ* навсегда остается заслуга сохраненія арміи въ цѣлости, но эта заслуга была бы безусловной и, скажемъ, громадной, если бы *Барклай*, избѣгая общаго сраженія, *къ 17-му августа не пустилъ Наполеона далѣе Дорогобужа или Славково*, или *привелъ бы эту цѣльную армію къ Цареву-Займище двумя, въ крайности—хотя бы недѣлей позже.* И тогда еще вопросъ, дошелъ ли бы Наполеонъ до Москвы.

Честный, скромный, скорѣе застѣнчивый, простой, непритязательный, безхитростный, замкнутый, необщительный и скорѣе недоступный чужимъ вліяніямъ, спокойный и храбрый въ опасности, таковъ былъ Барклай по отзывамъ и представленіямъ большинства знавшихъ его лицъ, но все же не отвѣчавшій идеалу русскаго главнокомандующаго, особенно же въ исключительныхъ условіяхъ войны 1812-го года.

Не отличаясь рѣшительностью въ широкомъ значеніи слова, *Барклай* постоянно находился подъ гнетомъ заботъ, неудачи дѣйствовали на него подавляющимъ образомъ, и онъ не умѣлъ скрывать ни заботы, ни волновавшихъ его чувствъ. „На его всегда печальномъ и озабоченномъ лицѣ“, свидѣтельствуетъ Клаузевицъ, „каждый солдатъ читалъ безъисходное положеніе арміи и государства“.

Хорошо въ военномъ отношеніи подготовленный теоретически и практически, будучи въ нашей арміи во многомъ передовымъ, *Барклай* не отличался глубокимъ умомъ и дальновидностью; „avec son intelligence un peu étroite“, какъ его изображаетъ *Клаузевицъ*, Барклай не былъ богатъ идеями и комбинаціями, не оцѣнивалъ и не понималъ сущности условій обстановки войны 1812-го года и все время отчаявался въ благопріятномъ исходѣ войны и даже въ то время (даже въ октябрѣ), когда это понималось уже въ массѣ; въ частности, это непониманіе выразилось въ періодѣ съ 8-ое по 17-ое августа въ непримѣненіи отвѣчавшаго обстоятельствамъ плана дѣйствій.

Барклай не имѣлъ русскаго имени и русскаго облика (и можетъ быть сознаніе этого дѣлало его еще болѣе замкнутымъ и необщительнымъ), что было вредно уже по одному тому, что подавало поводъ къ разнообразнымъ и многочисленнымъ навѣтамъ, толкованіямъ и обвиненіямъ въ массахъ вплоть до возможности измѣны, но *Барклай* не былъ иностранцемъ въ рядахъ русской арміи, подобно *Беннигсену*, *Ланжерону*, *Винценгероде*, *Вольцогену*, *Пфулю*, *Ланжерону*, *Мишо*, *Клауззвицу*, *Гофману* и другимъ подобнымъ.

Уроженецъ нашихъ Балтійскихъ губерній, съ молодыхъ лѣтъ въ строю нашей арміи, участникъ съ отличіемъ ряда войнъ, *Барклай* былъ вполнѣ русскій офицеръ, но принадлежавшій къ многочисленной тогда, какъ и нынѣ, категоріи такъ называемыхъ русскихъ нѣмцевъ, при чемъ *Барклай* отличался еще и дурнымъ произношеніемъ русскаго языка и предпочтеніемъ изъясняться по-нѣмецки.

Да впрочемъ вопросъ заключался не въ происхожденіи и не въ нерусскомъ обликѣ *Барклая*, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ арміи съ 1807-го года, а въ складѣ его ума и характера.

Оцѣнивая *Барклая*, какъ главнокомандующаго въ исключительныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствахъ войны 1812-го года вообще и августа мѣсяца въ частности, слѣдуетъ признать, что *Барклай*, при всѣхъ достоинствахъ и заслугахъ, не отвѣчалъ этимъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ войны 1812 года, что онъ не былъ на высотѣ положенія и по всей справедливости долженъ былъ уступить главное командованіе *Кутузову*, неизмѣримо превосходившему *Барклая* своими природными дарованіями, особенно своимъ умомъ, яснымъ и здравымъ, и, одновременно, тонкимъ, шириной и глубиной взгляда, затѣмъ громаднымъ опытомъ, превосходнымъ знаніемъ человѣческаго сердца, знаніемъ свойствъ и качествъ русской арміи, дальновидностью, даромъ обнять общее положеніе дѣлъ и схватить сущность этого положенія, даромъ повелѣвать,—господствовать, необходимымъ особенно въ данныхъ условіяхъ авторитетомъ въ арміи и въ имперіи, умѣньемъ пользоваться людьми и обстоятельствами и, наконецъ, вообще даромъ главнаго командованія русской арміею въ чрезвычайной, трудной и сложной обстановкѣ войны 1812-го года.

Б. Колюбакинъ.

Манифесты, написанные Шишковымъ въ отечественную войну, и патріотическое ихъ значеніе.

Ближайшимъ поводомъ приближенія Александромъ Первымъ къ себѣ Шишкова предъ началомъ войны 1812 года было написанное послѣднимъ и читанное имъ въ „Бесѣдѣ“ разсужденіе о любви къ отечеству. Въ немъ Шишковъ горячо настаивалъ на необходимости чувства національной гордости. „Гдѣ любовь къ народу своему, тамъ“,—говорилъ онъ,—„и желаніе видѣть его процвѣтающимъ, благополучнымъ, сильнымъ, превозносящимся надъ всѣми другими царствами, тамъ всякій словами и душой не сравняетъ имени отечества своего ни съ какимъ другимъ,—пользуется чужими изображеніями, хвалитъ ихъ, но любитъ только свои. Когда одинъ народъ идетъ на другой съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ, откуда у сего послѣдняго возьмутся силы отвратить сію страшную тучу, сей громовой ударъ, если любовь къ отечеству и народная гордость не дадутъ ему оныхъ“. Отечество требуетъ отъ насъ любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила въ одинъ полъ къ другому.

Указавши, так. обр., въ чемъ состоитъ народная гордость и любовь къ отечеству, Шишковъ далѣе въ своемъ разсужденіи, какъ бы ближе подходя къ современной ему дѣйствительности русской жизни, указываетъ довольно подробно средства, которыми можно воспитать въ народѣ такой горячій патріотизмъ. „Отечественная вѣра, воспитаніе молодыхъ людей, направленное къ возвышенію въ

нихъ національнаго духа, и общій всему народу языкъ—вотъ тѣ главныя средства къ созиданію славы народной, о которыхъ Шишковъ подробно трактуетъ въ своемъ разсужденіи“ [1]). Эти воззрѣнія Шишкова послужили, повторяемъ, главной причиной того, что въ войну 1812 года Шишковъ назначенъ былъ Государственнымъ секретаремъ [2]). „Я читалъ Ваше разсужденіе о любви къ отечеству, говорилъ Императоръ Александръ Первый Шишкову,—имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезны“. „Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; я бы желалъ, чтобъ вы написали о томъ манифестъ, въ которомъ бы побудительнымъ для народа образомъ изложена была необходимость сей предпріемлемой правительствомъ мѣры“ [3]). Этимъ заранѣе намѣчалась роль Шишкова въ предстоящую войну съ французами. Онъ долженъ былъ манифестами и воззваніями, составлять которые приказывалъ ему Государь, пробуждать въ народѣ горячій патріотизмъ, побуждать его къ дѣятельности на защиту оказавшагося въ такомъ тяжеломъ положеніи дорогого своего отечества. И Шишковъ со всею ревностью и усердіемъ принялся за исполненіе возложенной на него Государемъ великой и святой миссіи. Всѣ составленные въ это время манифесты Шишкова, дѣйствительно, являются замѣчательными твореніями, краснорѣчиво, трогательно и искренно передающими высокія мысли и чувства Благословеннаго Монарха милліонамъ своихъ подданныхъ [4]). И, нужно сказать, что всѣ эти воззванія и обращенія къ войскамъ, народу, дворянамъ и т. п. производили и оказали сильное впечатлѣніе и возбудили такой патріотическій духъ, что, можно сказать, имъ принадлежитъ исключительно особое значеніе и вліяніе на ходъ всей войны [5]). Объ ихъ воздѣйствіи по отзывамъ современниковъ Бартеневъ передаетъ въ своемъ сборникѣ „Девятнадцатый вѣкъ“. „Въ залѣ“ [6])—пишетъ онъ: „гдѣ было купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ чтеніе манифеста. Въ началѣ слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ, потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодованія. Когда Шишковъ дошелъ до словъ: что непріятель

---

[1]) См. Подробн. Собр. Сочин. А. С. Шишкова, Ч. IV, стр. 147.

[2]) 9 апр. (Д. Арх. М. Н. Просв. № 13953—к. 265).

[3]) Зап., т. I, стр. 121.

[4]) „Русск. Стар.“, 1875 г., 3—8, стр. 383.

[5]) „Девятнадцатый вѣкъ“ Истор. Сборн., изд. Бартеневымъ, Москва, 1872 г. „1812 годъ“,—стр. 115.

[6]) „Русск. Арх.“ 1876 г., 9—12, стр. 498—499.

приближается съ лестью на устахъ и съ оружіемъ въ рукахъ, произошелъ взрывъ негодованія, били себя въ голову, рвали волосы, ломали руки, слезы бѣшенства текли по лицамъ, напомнившимъ древнихъ героевъ и т. д.". Затѣмъ, можно указать еще на то, что даже за границей воззванія Шишкова съ жадностью читались, возбуждали народный духъ и вообще производили сильное впечатлѣніе. „Въ прусскомъ городкѣ Филипсбергѣ", — говоритъ Шишковъ въ своихъ запискахъ, — „служащій при мнѣ чиновникъ Тимковскій приходилъ просить у меня нѣкоторыхъ переведенныхъ на нѣмецкій и французскій языкъ нашихъ манифестовъ, сказывая, что онъ имѣлъ ихъ нѣсколько, но всѣ роздалъ" [1]). „Пруссаки, дѣйствительно, оказывали великую радость",—замѣчаетъ Шишковъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ еще указываетъ на примѣръ такого дѣйствія манифестовъ. „Здѣсь" [2]),—сообщаетъ онъ, къ намъ доходятъ слухи изъ Пруссіи и изъ другихъ мѣстъ, что сего рода бумаги наши, манифесты и проч. производятъ надъ умами великое дѣйствіе, но жалуются, что ихъ не переводятъ и не разсылаютъ повсюду. Къ графу Толстому, пишетъ Барятинскій, что съ одного присланнаго къ нему экземпляра послѣдняго манифеста въ короткое время списано было 500 экземпляровъ. Одинъ пріѣзжій сюда прусскій офицеръ сказывалъ самому Государю, что обращеніе всегда къ Богу и духъ благочестія въ сихъ бумагахъ привлекаетъ къ себѣ умы и сердца всѣхъ".

Дѣйствительно, въ манифестахъ, писанныхъ Шишковымъ, онъ какъ бы проникалъ въ глубочайшіе тайники народнаго духа и, вызывая въ народѣ сильный патріотизмъ, всю Русь, какъ одного человѣка, поднималъ на защиту отечества [3]). Читая собраніе высочайшихъ манифестовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера А. С. Шишкова, нельзя не замѣтить той невѣдомой, живой силы, которая ключемъ бьетъ въ нихъ. Надежда на Бога, молитва къ небу, борьба вѣры съ невѣріемъ, мужество, храбрость и другія качества, отличавшія издавна русскій народъ, примѣры изъ исторіи (Мининъ, Пожарскій, Палицынъ и др.) и пр., описанное все возвышеннымъ, вѣскимъ и въ то же время живымъ словомъ, — все это какъ бы невольно настраивало каждаго смѣло встать на защиту отечества, съ оружіемъ въ рукахъ и съ вѣрою въ Бога. Недаромъ А. С. Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ о Шишковѣ:

---

[1]) Зап., т. I, стр. 174.
[2]) Ibid., стр. 318. Письмо изъ Коло отъ 6 февр. 1813 г.
[3]) „Русск. Вѣстн." 1870 г., т. 90, стр. 200.

„Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа"
„Священной памятью двѣнадцатаго года" [1]).

И самъ авторъ этихъ манифестовъ, по справедливости, отличенъ былъ Монархомъ, наградившимъ его орденомъ св. Александра Невскаго съ надписью за вѣрную къ отечеству любовь [2]), а такъ же въ ознаменованіе особеннаго благоволенія къ долговременной, усердной службѣ, понесенной въ послѣднюю войну, Шишкову пожалованъ былъ еще орденъ св. Владиміра 1-ой степени [3]).

Разсмотримъ же теперь нѣсколько подробнѣе дѣятельность Шишкова въ отечественную войну, чтобы видѣть — какъ велики и важны, дѣйствительно, были заслуги его въ это время, и что былъ за патріотизмъ, наэлектризовавшій противъ французовъ всю Россію.

Однимъ изъ первыхъ по времени манифестовъ, написанныхъ Шишковымъ, былъ манифестъ его о рекрутскомъ наборѣ [4]). Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ твердыхъ и рѣшительныхъ мѣръ",—читаемъ мы въ этомъ манифестѣ,—„неусыпнаго бодрствованія и сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить Великую Имперію нашу отъ всѣхъ могущихъ противъ нея быть непріязненныхъ покушеній. Нынѣ настоитъ необходимая надобность увеличить число войскъ нашихъ новыми запасными войсками. Крѣпкія о Господѣ воинскія силы наши уже ополчены и устроены въ оборонѣ Царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежды престола и державы твердо на нихъ лежатъ. Но жаркій духъ ихъ и любовь къ намъ и отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ?" — Такія глубокія и искреннія мысли и чувства горячей любви къ родинѣ и стремленія къ славѣ своего отечества мы встрѣчаемъ уже въ этомъ первомъ манифестѣ, написанномъ Шишковымъ.

13 іюня французскія войска близъ г. Ковно вступили въ предѣлы нашего отечества, и Шишкову приказано было по этому поводу написать манифесты: Извѣстіе о вступленіи непріятеля въ предѣлы нашего отечества фельдмаршалу гр. Салтыкову и „Приказъ нашимъ арміямъ" [5]). Какимъ искреннимъ и горячимъ патріо-

---

[1]) См. соч. А. С. Пушкина, VII дополн. т., изд. П. В. Анненкова, Спб. 1857 г., стр. 34.

[2]) Цитир. д. Арх. Мин. Нар. Просв. (послужной списокъ).

[3]) Маниф. отъ 3 авг. 1814 г. (Рукоп. Отд. Имп. Публ. Библ.).

[4]) Зап., т. I, Прилож., стр. 423.

[5]) Ibid., стр. 424—425.

тизмомъ проникнуты эти творенія Шишкова! Сколько твердой вѣры и сильной надежды на Бога, сколько горячаго убѣжденія въ храбрость и мужество нашего воинства при такомъ печальномъ положеніи видно въ этихъ воззваніяхъ, написанныхъ Шишковымъ по указанію Императора Александра I. Въ манифестѣ на имя гр. Салтыкова съ большею силою подчеркнуты храбрость и мужество нашихъ войскъ. „Я надѣюсь“,—пишетъ Шишковъ по указанію Императора Александра Перваго, „на усердіе Моего народа и храбрость войскъ Моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостью и мужествомъ. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ“.

Эти первые манифесты читала вся Россія и мужественно готовилась встрѣтить французовъ.

Слѣдующіе манифесты еще болѣе проникнуты мыслью о надеждѣ на Бога, о вѣрѣ въ Его заступничество и убѣжденіемъ въ храбрости и мужествѣ русскаго воинства [1]).

Таковы манифесты: „возваніе къ Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ“ и „манифестъ о всеобщемъ ополченіи...“. Въ манифестѣ—о всеобщемъ ополченіи, написанномъ Шишковымъ, онъ съ патріотическимъ настроеніемъ призываетъ всѣхъ встрѣтить вступившаго въ наши предѣлы непріятеля. Манифестъ приглашаетъ всѣхъ и каждаго единодушнымъ и общимъ возстаніемъ противодѣйствовать всѣмъ вражескимъ замысламъ и покушеніямъ. „Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина“,—сказано было въ манифестѣ. „Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! Соединитель всѣхъ съ крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ,—такими пламенными, глубокопрочувствованными словами законченъ призывъ къ защитѣ отечества. Какое сильное вліяніе имѣлъ этотъ манифестъ можно, судить потому, что уже въ Смоленскѣ по пути отступленія Шишковъ обрадованъ былъ мужественнымъ духомъ и пылающимъ рвеніемъ дворянства, изъ которыхъ многіе приходили къ нему и говорили, „что они всѣхъ своихъ крестьянъ вооружатъ, и сами пойдутъ съ ними навстрѣчу“. „Богъ милостивъ,

---

[1]) Зап. ст. I., прилож., стр. 425—427.

Россія не погибнетъ!"—восклицалъ Шишковъ въ восторгѣ своей души при видѣ этой картины [1]). То же самое наблюдалъ онъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

По прибытіи (11-го іюля) главной нашей военной квартиры въ Москву Шишковъ написалъ здѣсь нѣсколько воззваній, имѣвшихъ, правда, уже болѣе оффиціальный характеръ. Таковы, напр., обращенія къ главнокомандующему въ Москвѣ генералу Ростопчину, московскому митрополиту Платону, генералу Глухову и др. [2])— Отъ лица Государя Александра Перваго написано приказаніе генералу Ростопчину о болѣе цѣлесообразномъ для военныхъ дѣйствій распредѣленіи рекрутскаго набора по округамъ, о порядкѣ вызова, вооруженія и устроенія внутреннихъ силъ. Тутъ же написана благодарность митрополиту Платону за поднесеніе послѣднимъ войску россійскому образа преп. Сергія Радонежскаго и т. д. и т. д.

По пріѣздѣ въ Петербургъ получено было извѣстіе, что земское (народное) ополченіе, для подкрѣпленія силъ графа Витгенштейна, было уже совсѣмъ готово и скоро отправилось въ походъ благодаря энергичнымъ распоряженіямъ графа Голенищева-Кутузова. По этому поводу Шишковъ, по приказанію Государя, пишетъ ему рескриптъ о возведеніи гр. Кутузова съ потомствомъ въ княжеское достоинство [3]). По полученіи отъ Барклая-де-Толли донесенія о соединеніи его со второю арміей и направленіи движенія къ Смоленску, написаны были къ нимъ рескрипты, которыми приказывалось наступательно дѣйствовать противъ арміи Наполеона [4]).

Въ этихъ манифестахъ высказана твердая вѣра въ побѣду и надежда на Провидѣніе Божіе, на Бога и въ то же время—указаніе на мужество, храбрость русскихъ воиновъ и еще болѣе вселить въ нихъ духъ патріотическаго чувства. „Желаю и надѣюсь, что Богъ подастъ вамъ скорое облегченіе для украшенія дѣяній вашихъ новою честью и славою,"—читаемъ мы въ рескриптѣ къ кн. Багратіону. „Рука Господня да будетъ надъ Вами,"—сказано было въ рескриптѣ къ гр. Голенищеву-Кутузову и „надъ храбрымъ нашимъ воинствомъ".

Вскорѣ (26 августа) послѣдовала знаменитая Бородинская битва. Русскіе отступили.

---

[1]) Зап., т. I., стр. 151.
[2]) Ibid., прилож., стр. 428—433.
[3]) Зап., т. I., стр. 430.
[4]) Ibid., стр. 431—434.

3-го сентября Москва была уже въ рукахъ французовъ. Начались грабежи, пожары и въ теченіе нѣсколькихъ дней первопрестольная столица превращена была въ груду пепла и развалинъ.

Получивъ извѣстіе о такихъ печальныхъ событіяхъ, Шишковъ потрясенъ былъ до глубины души. Но эта печаль смѣнилась скоро въ душѣ его чувствомъ гордости и надежды на избавленіе [1]). Онъ твердо вѣрилъ въ великую силу народа среди этихъ испытаній и старался возбудить патріотическій духъ въ народѣ, вселяя въ сердца его надежду на Бога, на храбрость и мужество русскихъ и, вообще, старался поддерживать унывающихъ и падающихъ духомъ.

И вотъ онъ пишетъ теперь трогательно возвышенныя и умилительныя одно за другимъ воззванія патріотическаго характера, имѣвшія особенно сильное вліяніе въ это время на подъемъ въ народѣ патріотическаго духа. „Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалью симъ возвѣщается“ [2]), читали всѣ въ манифестѣ о взятіи столицы, „что непріятель вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій! Всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войско и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества“. Манифестъ переходитъ къ занятію французами Москвы и рисуетъ въ глазахъ народа уже не такое бѣдственное ея положеніе. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, Москва, совершенно пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Да и самая многочисленная армія Наполеона, сказано было въ манифестѣ, истреблена нашими войсками, частью набѣгами и голодною смертью.

Конецъ этого патріотическаго воззванія таковъ: „Боже Всемогущій! обрати милосердныя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую церковь! Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе!“ Шишковъ разсказываетъ о себѣ, что „написавъ сію бумагу, прочиталъ ее нѣсколько разъ, самъ сомнѣваясь въ предвѣщаніяхъ моихъ, и изъ этого манифеста было выключено выраженіе въ первоначальной редакціи, касающееся Наполеона, что онъ затворился въ гробѣ, изъ котораго не выдетъ живъ“ [3]).

---

[1]) Цитир. соч. В. Стоюнина, стр. 158.
[2]) Зап., т. I., стр. 157.
[3]) Зап., т. I., стр. 159.

Неистовства и жестокости французовъ въ Москвѣ, которыя вскорѣ разсказаны были прибывшимъ въ Петербургъ очевидцемъ ея, вызвали Шишкова на то, чтобы яркими красками нарисовать картину богомерзкихъ дѣйствій французовъ. Подъ вліяніемъ извѣстій о кощунственныхъ безобразіяхъ и неистовствахъ французовъ въ Москвѣ, Шишковъ еще больше воспылалъ ненавистью къ французамъ. Описывая въ своихъ запискахъ случай, когда въ началѣ 1813 года кн. Кутузовъ за столомъ у Государя выражалъ желаніе, чтобы, не взирая на военныя обстоятельства, позволить оставаться въ Петербургѣ французскому театру, Шишковъ говоритъ при этомъ, что вся моя внутренность кипѣла отъ досады. Долго разговоръ сей не выходилъ изъ моей памяти [1]).

Вскорѣ послѣ полученія свѣдѣній отъ прибывшаго изъ Москвы очевидца всѣхъ ужасовъ и варварствъ въ Москвѣ французовъ, появился соотвѣтствующій этимъ свѣдѣніямъ манифестъ: „Смотря на богомерзкія дѣла его въ Москвѣ и слыша получаемыя отъ всѣхъ мѣстъ, которыми онъ проходилъ, печальныя извѣстія, водворяется въ сердцѣ каждаго нѣкоторая доселѣ неизвѣстная степень гнусности и омерзѣнія къ злодѣяніямъ человѣческимъ. Добродѣтельная душа содрогается и отвращаетъ взоры свои отъ сего срамнаго позорища; она можетъ изгладить оное изъ памяти, дабы не осквернять имъ чистоты своихъ мыслей. Мы не можемъ сказать, что ведемъ войну съ непріятелемъ [2]). Далѣе указывается на то, что эти неистовства и жестокость французовъ представляютъ безпримѣрный фактъ въ исторіи. Даже между дикими народами, говоритъ онъ,—не бываетъ того, что дѣлаютъ французы. Вотъ примѣры лютости и злобы, какихъ не замѣчаемъ въ бытописаніяхъ самыхъ грубѣйшихъ африканскихъ и американскихъ обитателей. Неистовые солдаты, офицеры и даже генералы пошли грабить по домамъ и всѣ вещи, которыхъ не могли забрать къ себѣ: зеркала, хрусталь, фарфоръ, картину, мебель и проч., подобно бѣшенымъ, старались разбить, разломать, разрубить, раскидать по разнымъ мѣстамъ. Вино въ бочкахъ, которыхъ ни выпить, ни взять съ собою не могли, разливали по улицамъ. Книги рвали, раздирали и бросали. Многія великолѣпныя зданія превратились въ пепелъ. Къ расхищенію и разрушенію присовокупляли безчеловѣчіе и лютость: набравъ груду вещей,—возлагали бремя сіе на пойманнаго на улицѣ стараго или увѣчнаго человѣка, принуждая его нести оное въ ихъ станъ, и

---

[1]) Ibid, стр. 178:
[2]) Ibid. т. I. прилож. стр. 438.

когда сей подъ тяжестью изнемогалъ, то сзади обнаженными палашами убивали его до смерти. Въ многихъ мѣстахъ лежали поруганныя, изувѣченныя и мертвыя женщины. Индѣ могилы разрыты, и гробы растворены для похищенія корыстей съ усопшихъ тѣлъ. Двери у храмовъ Божіихъ отбиты. Иконы обнажены отъ окладовъ, ризы разодраны, иконостасы поломаны и разбросаны по полу [1]).

Такъ какъ многіе отчаявались и потеряли уже всякую надежду на спасеніе, то этотъ же манифестъ старается разсѣять духъ отчаянія и унынія. За всѣ эти дѣйствія свои французы должны понести возмездіе Божественнаго Правосудія. „Посрамятся“ „дѣла нечестивыхъ, и путь ихъ погибнетъ. Онъ уже погибаетъ. Исполнилась мѣра злодѣянія, воспаленные храмы и дымящаяся кровь подвигли на гнѣвъ долготерпѣніе Божіе. Поражаемый со всѣхъ сторонъ врагъ нашъ уже не силами своими, прежде грозными, нынѣ же истощенными, гладными и умирающими, устрашаетъ, но дѣлами злобы и лютости“. Манифестъ заканчивается такъ: „возстанемъ мы, купимъ неложную себѣ славу, доставимъ спокойствіе потомкамъ нашимъ, и благодать Божія пребудетъ съ нами“ [2]).

Манифестъ этотъ оказалъ большое вліяніе на русское войско и общество. Чувства любви къ поруганному французами отечеству и ненависти къ врагамъ усилились еще болѣе и, по выраженію Надлера, энтузіазмъ любви къ отечеству поднялся во всѣхъ уголкахъ Россіи.

Можно указать и на нѣкоторые другіе факты, говорящіе намъ о сильной ненависти и враждѣ народа къ французамъ. Нѣкто чиновный человѣкъ, войдя въ церковь, посматривалъ то на тотъ, но на другой образъ въ лорнетъ. Простой народъ, увидя сіе и подумавъ, что это какой-нибудь французъ, схватилъ его и потащилъ на съѣзжую. Вслѣдствіе этого Шишковъ написалъ даже, по приказанію Государя, объявленіе отъ Управы благочинія [3]). Здѣсь приказывалось, чтобы „никто не дерзалъ ни на улицахъ, ни въ другихъ мѣстахъ, подъ предлогомъ подозрѣнія кого-либо останавливать, дѣлать къ проходящимъ привязки: ибо наблюдать за открытіемъ людей подозрительныхъ есть дѣло полиціи“.

---

[1]) Понятно, совершенно справедливо замѣчаніе по сему поводу В. Стоюнина (стр. 164), что здѣсь говоритъ болѣе разгоряченная фантазія, чѣмъ строгое логическое разсужденіе. но все-таки многое, сообщенное Шишковымъ о французахъ, была правда (Цит. „Русск. Вѣстн.“ 1890 г. стр. 204—205).

[2]) Зап., т. I., стр. 442.

[3]) Ibid., стр. 436.

Наконецъ, мы должны отмѣтить здѣсь еще то, что при видѣ всей этой грустной, печальной картины погибающаго отечества и подъ вліяніемъ чтенія проникнутыхъ горячимъ чувствомъ любви къ отечеству воззваній Шишкова, со всѣхъ концовъ Россіи потекли обильныя пожертвованія. Каждый, по мѣрѣ своихъ силъ, жертвовалъ кто что могъ на спасеніе отечества, а въ случаѣ даже и—свою жизнь. Эти пожертвованія народа были такъ велики, что основанъ былъ особый комитетъ „для сосредоточенія“, какъ сказано было въ Высочайшемъ повелѣніи объ устройствѣ сего Комитета, и совокупнаго „соображенія всѣхъ дѣлъ, до вновь образуемаго внутренняго ополченія относящихся“.

Такое дѣйствіе манифестовъ Шишкова, въ связи съ бѣдственнымъ положеніемъ отечества, отражалось преимущественно на средѣ простого народа. Но были въ это время и такіе, которые, подъ вліяніемъ еще прежнихъ громкихъ побѣдъ Наполеона и могущества его,—въ эту войну признавали его какимъ-то непобѣдимымъ „божкомъ“ [1]). Въ Петербургѣ, напр., извѣстія о взятіи Москвы навели на многихъ такой страхъ, что, опасаясь пришествія Наполеона въ Петербургъ, готовились вывозить изъ него въ отдаленнѣйшія сѣверныя страны кадетскіе корпуса, дѣвицъ Смольнаго монастыря и друг... Самый памятникъ Петра Великаго (статую) намѣревались снять съ подножнаго камня и отправить въ г. Архангельскъ [2]). Въ самой Москвѣ многіе для безопасности переходили на сторону Наполеона, особенно когда онъ сталъ учреждать въ Москвѣ нѣкоторыя, якобы присутственныя на французскій образецъ, мѣста или начальства. Нѣкоторые изъ русскихъ были даже членами учреждаемыхъ этихъ обществъ „для возстановленія порядка спокойнаго пребыванія въ ней жителей [3]). Даже окружавшіе Государя Императора, по занятіи Наполеономъ Москвы, мечтали о мирѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Наполеонъ дѣятельно велъ уже переговоры объ этомъ, думая заключить ихъ на выгодныхъ для себя условіяхъ [4]). „Близкій“,—говоритъ Надлеръ,—„къ Государю человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, былъ убѣжденъ въ невозможности бороться съ великимъ человѣкомъ; Румянцевъ и его сторонники всѣ усилія употребляли для прекращенія безполезной, по ихъ мнѣнію, войны... Не было тайной, что самъ наслѣдникъ престола давно

---

[1]) Цитир. соч. Богдановича, Исторія войны, т. I. стр. 31.
[2]) Зап., т. I., стр. 161.
[3]) Цитир. соч. Надлера, т. II, стр. 67.
[4]) Цитир. соч. Надлера, т. II, стр. 67.

уже высказывался въ пользу мира [1]). Правда, многіе стояли противъ мира и съ негодованіемъ отвергали всѣ предложенія побѣдителя [2]). Особенно это должно сказать про народъ и войска, среди котораго по поводу слуха о предстоящемъ мирѣ наступило всеобщее уныніе" [3]).

Въ виду всѣхъ этихъ слуховъ о мирѣ, объ унынiи многихъ, Шишкову было указано написать воззваніе къ жителямъ С.-Петербурга, гдѣ говорится, что имъ нечего безпокоиться, что никакой опасности не угрожаетъ сей столицѣ. Одинъ только взглядъ на положеніе войскъ нашихъ всякаго долженъ удостовѣрить и успокоить въ этомъ. Описаніемъ расположенія нашего войска указано, что страхъ с.-петербургскихъ жителей совершенно напрасный. Отсюда, если правительство и намѣрено будетъ заблаговременно вывезти изъ Петербурга всѣ „тяжелыя вещи", то въ видахъ облегчить жителямъ ея съ лучшимъ порядкомъ и безъ смятенія выѣзжать отселѣ внутрь земли. И это въ томъ только случаѣ, ежели опасность стала угрожать сему городу, отъ чего да сохранитъ насъ Богъ!

Въ другихъ воззваніяхъ русскому обществу Шишковымъ написано, что правительство строго должно поступить со всѣми перешедшими на сторону французовъ. Онъ страшно возмущается вступленіемъ многихъ въ учреждаемыя въ Москвѣ французами присутственныя мѣста. Онъ увѣщеваетъ всѣхъ, чтобы они опасались вѣрить лукавому гласу враговъ, пришедшихъ сюда устами обѣщать безопасность и покой, а руками жечь, грабить и разорять Царство наше [4]). Правительство, пишетъ Шишковъ, заботится о благѣ каждаго и всѣхъ, а въ особенности о помощи и призрѣніи разоренныхъ отъ непріятеля, скитающихся безъ пристанища людей. И въ доказательство этой заботы, прибавимъ мы уже отъ себя, должно указать на учрежденный даже, о которомъ недавно шла рѣчь, особый Комитетъ въ помощь пострадавшимъ и разореннымъ отъ непріятеля городскимъ и сельскимъ жителямъ. Объ этомъ Комитетѣ Шишковъ, между прочимъ, подробно говоритъ въ одномъ воззваніи [5]). Милосердіе, милость вообще, пишетъ онъ,—похвальна и есть одинъ изъ высшихъ христіанскихъ подвиговъ, а „наипаче же оное нужно и достохвально въ нынѣшнія времена, когда рукою

---

[1]) Ibid., стр. 62.
[2]) Ibid., стр. 23.
[3]) Ibid., стр. 99.
[4]) Зап., т. I, стр. 437—438.
[5]) Ibid., стр. 449—453.

безчеловѣчнѣйшаго изъ враговъ во многихъ губерніяхъ селенія и домы соотечественниковъ нашихъ истреблены огнемъ, и многіе изъ нихъ... остались въ старости или малолѣтствѣ безъ всякой помощи и пропитанія".

Въ одномъ изъ воззваній приводится указаніе счастливаго исхода нашей войны съ французами въ обширныхъ предѣлахъ Россіи. „Не унывайте", — написано тамъ, — воззрите на обширные размѣры вашего отечества, въ нихъ однихъ заключается уже вѣрный залогъ вашего спасенія [1])... Въ одномъ изъ манифестовъ сообщается разстройство въ самой арміи Наполеона, говорится объ ея истощеніи, голодѣ и проч. „Поражаемый со всѣхъ сторонъ врагъ нашъ", — читаемъ мы въ разсмотрѣнномъ уже нами манифестѣ, „уже не силами своими, прежде грозными, нынѣ же истощенными, гладными и умирающими устрашаетъ, но дѣлами злобы и лютости" [2]).

Всѣ эти обстоятельства настраивали Шишкова на вдохновенныя рѣчи, дышащія искреннимъ поэтическимъ и пророческимъ даромъ убѣжденія. „Горящая Москва", — писалъ онъ, — „да воспалитъ въ душахъ вашихъ огонь мщенія; потушите пожаръ ея кровію враговъ... Да не понесутъ они стыдъ вашъ и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ! Сего ожидаетъ поруганная ими церковь и оскорбленное отечество" [3])...

Напрасно Наполеонъ, сидя въ древней столицѣ, надѣялся склонить наше правительство къ заключенію съ нимъ мира... Войска наши дѣятельно приготовлялись къ новымъ сраженіямъ съ французами. Вся почти наша армія переведена была съ Рязанской дороги на Калужскую... и напрасно Наполеонъ разсчитывалъ проникнуть въ южныя богатѣйшія наши губерніи. Путь туда былъ ему прегражденъ. Взорвавши Кремль, который, случайно, не погибъ совершенно, Наполеонъ возвращается уже чрезъ Смоленскъ и Вильну по опустошенной уже имъ дорогѣ, которой подходилъ онъ къ Москвѣ [4]).

И вотъ,—всѣ эти событія: освобожденіе Москвы отъ французовъ, наши побѣды и постыдное отступленіе послѣднихъ являлись для Шишкова благодарною почвою для изліянія имъ своихъ патріотическихъ чувствъ и призыву къ нимъ же другихъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени глубоко вѣрующій, Шишковъ, разумѣется, оста-

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 21.
[2]) Зап., т. I, стр. 441.
[3]) Ibid., стр. 435.
[4]) Цитир. соч. Надлера, т. II, стр. 21.

навливается на мысли, прежде всего, благодаренія Господу за дарованіе нашимъ войскамъ побѣды надъ врагами. „Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ предъ Нимъ сердца свои, дѣла и мысли. Мы пострадали, но Онъ праведный гнѣвъ Свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. О провидѣніе! Кто человѣкъ, или кто люди могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? По краткомъ наказаніи за прегрѣшенія наши, Онъ, какъ праведный Судія сердецъ, обращается къ намъ съ милосердіемъ и покрываетъ невечернимъ свѣтомъ славы. Богъ Сильный низложилъ гордость. Премудрый разогналъ тьму“ [1]). Въ другомъ манифестѣ съ бо́льшею ясностью указывается на Господа Бога, на Промыслъ Божій, спасшій насъ въ минувшую войну. „Кто человѣкъ, или кто люди, — могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не явленъ ли здѣсь промыслъ Божій?—Ему единому Слава,—хвала Всевышнему, благодареніе [2]); явно изліенная на насъ благодать Божія. Солнце мира и тишины взошло и благотворными лучами освѣтило вселенную [3]). Въ воззваніяхъ къ воинамъ указано: „Самъ Богъ укрѣплялъ руки Ваши и напоялъ сердца Ваши мужествомъ [4]), и Онъ призываетъ всѣхъ повергнуть стопы свои предъ Святымъ престоломъ Божіимъ и возблагодарить Бога.

Религіозное настроеніе Шишкова воодушевило его настолько, что онъ даже войну 1812 года сравнивалъ съ взятіемъ Іерусалима и вообще переносилъ съ исторической на библейскую почву всѣ событія войны 12 года. Взявши наиболѣе яркія мѣста св. Писанія (пр. Исаіи, Іереміи, Іезекіиля, Аввакума и др.), изображающія событія, предшествующія паденію Іерусалима, и самое паденіе его, Шишковъ все это буквально, безъ всякаго измѣненія текста, пріурочивалъ къ переживаемымъ событіямъ войны. Величественно и торжественно описываетъ онъ „вшествіе врага въ царство и гордый помыселъ его“ [5]). И насколько, дѣйствительно, казались параллельными отдаленныя ветхозавѣтныя событія паденія Іерусалима къ современной дѣйствительности, можно судить потому, что и Государь Александръ Первый и самъ Шишковъ безъ слезъ не могли даже читать вышеприведенныя нами выписки изъ св. Писанія [6]). „Въ ознаменованіе благодарности Нашей къ промыслу Божію,

---

[1]) Рукоп. Отд. Имп. Публ. Библ., ibid. Зап., т. I, прил. стр. 471—473.
[2]) Ibid., стр. 474.
[3]) Ibid., стр. 459.
[4]) Ibid., стр. 460.
[5]) Ibid., стр. 252—257, примѣчаніе.
[6]) Ibid., стр. 257.

спасшему Россію отъ грозившей ей гибели", писалъ по указанію Императора Александра Павловича Шишковъ въ одномъ изъ манифестовъ [1]), — „вознамѣрились Мы въ первопрестольномъ градѣ Нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа". Построенный тогда храмъ и до нынѣ является примѣромъ глубокаго чувства благоговѣнія и благодарности къ Господу Богу, избавившему Россію въ 1812 году отъ грозящей ей гибели. Наконецъ, „благоговѣя предъ Господомъ, подателемъ всѣхъ благъ, — читаемъ мы въ другомъ манифестѣ [2]), — „возсылая благодарственное моленіе изъ глубины души Нашей", повелѣваемъ: да во всемъ пространствѣ Имперіи Нашей принесется торжественное молебствіе милосердому Богу. И это молебствіе ежегодно совершается съ тѣхъ поръ въ первый день праздника Рождества Христова.

Но при такомъ глубокомъ чувствѣ благодарности къ Господу Богу, спасшему Россію въ минувшую войну, въ манифестахъ нисколько не умаляется значеніе подвиговъ и заслугъ храбраго нашего воинства. Въ одномъ изъ манифестовъ Императоръ Александръ I, указавъ на промыселъ Божій, добавляетъ, что этимъ онъ нисколько не хочетъ отнимать достойной славы ни у Главнокомандующаго войсками нашего знаменитаго полководца, принесшаго безсмертныя заслуги Отечеству, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у храбраго нашего войска [3]). „Вы тѣ русскіе защитники вѣры, которыхъ слава гремѣла и гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ",—обращается онъ въ другомъ мѣстѣ [4]) къ воинамъ. „Недавно ратное поле видѣло подвиги ваши, недавно отечество со слезами благодарило Васъ за храбрость вашу, и церковь Божія молилась о спасеніи Вашемъ". „Храбрыя войска Наши",—читаемъ мы въ манифестѣ, написанномъ по окончаніи войны [5]), — „вездѣ поражали и низлагали врага... Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостью расторгала полки непріятелей, съ какою за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль раздирала плугомъ поля". „Воины" [6]),—

---

[1]) Ibid., стр. 460.
[2]) Ibid., стр. 467.
[3]) Краткія Записки, стр. 72.
[4]) Зап., т. I, стр. 434.
[5]) Ibid., стр. 444.
[6]) Зап., т. I, стр. 172.

сказано въ другомъ мѣстѣ, — „храбрость и терпѣніе ваше вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ переходить изъ устъ въ уста, отъ сыновъ къ внукамъ и правнукамъ вашимъ, до самыхъ позднихъ родовъ".

„Въ ознаменованіе сихъ незабвенныхъ подвиговъ вашихъ повелѣли мы", — сказано было въ манифестѣ, — „выбить и освятить серебряную медаль, которая съ начертаніемъ на ней прошедшаго, толь достопамятнаго 1812 года, долженствуетъ на голубой лентѣ украшать непреодолимый щитъ отечества—грудь вашу".

Н. А. Палицынъ.

Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.

IX. И. А. Гончаровъ—сотрудникъ газетъ [1]).

Однако Иванъ Александровичъ не былъ такъ глубоко погруженъ въ обывательскія заботы, какъ позволяла бы предполагать большая часть вышеприведенныхъ писемъ къ редактору „Голоса“. Читатель могъ уже убѣдиться, съ какой живостью и искренностью Гончаровъ отозвался по поводу празднества въ честь учрежденія московскаго университета и по поводу трехсотлѣтней годовщины Шекспира. Послѣднее его письмо, отъ 9-го марта 1865-го г., въ которомъ онъ посылаетъ статейку „о собакахъ, о птицахъ и о грязи“ и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ непритворный интересъ къ предполагаемому празднику въ честь Ломоносова, является какъ бы переходомъ къ другимъ его анонимнымъ замѣткамъ въ „Голосѣ“ болѣе возвышеннаго содержанія. Въ замѣткахъ этихъ можно узнать восторженнаго студента тридцатыхъ годовъ, который шелъ за Карамзинымъ „по горячимъ его слѣдамъ“ [2]) и молодого чуткаго гостя Майковыхъ, въ кругу беллетристовъ и художниковъ увлекавшагося красотой во всѣхъ ея видахъ, который и самъ между прочимъ, когда-то, „точь въ точь какъ Райскій“, занимался живописью [3]).

---

[1]) См. „Русскую Старину“, 1911, кн. 10, стр. 34—62 и кн. 12, стр. 491—499; 1912, кн. 3. стр., 549—568.

[2]) Слова Гончарова въ его автобіографіи, напечатанной въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ Тимма за 1859, № 14.

[3]) См. воспоминанія И. И. Ясинскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1898 г., т. LXXI, стр. 568—571.

25 апрѣля [1865 г.].

„Участвовать въ праздникѣ Ломоносова“ я разумѣлъ обѣдать и только, или, пожалуй, присутствовать на обѣдѣ, какъ подобаетъ всякому грамотному русскому. Распорядительною же способностью я не обладаю, и едва ли найдется какая-либо роль мнѣ по зубамъ; даже билеты раздавать не могъ бы, ибо почти никуда не хожу, и ни съ кѣмъ не вижусь, поэтому билеты оставались бы у меня на рукахъ.

Если же являться въ учредительныя собранія для совѣщаній, то я не считаю себя въ правѣ расходовать мудрость, которую обязанъ блюсти всецѣло, какъ пѣвецъ блюдетъ голосъ для сцены, но которую ангажировалъ для Совѣта [1]), коего состою членомъ. Что же я стану тамъ дѣлать, скажите на милость, да еще утромъ, когда надо заниматься, потому что по вечерамъ глаза плохо видятъ?

Между прочимъ скажите, пожалуйста, будетъ-ли приглашено духовенство къ участію въ праздникѣ: безъ него, т. е. безъ духовенства, кажется, праздникъ Ломоносову немыслимъ.

Меня просили нѣкоторые, и между прочимъ Н. В. Варадиновъ [2]), сказать имъ, какъ, гдѣ и когда записаться на обѣдъ. Будетъ-ли объ этомъ объявленіе?

До свиданія! Если поспѣю, то загляну сегодня въ собраніе изъ любопытства [3]).

Вашъ
И. Гончаровъ.

[1866 г.]

Я вчера говорилъ Князю Вяземскому о желаніи Вашемъ, Андрей Александровичъ, напечатать стихи его въ *Отечественныхъ Запискахъ* [4]), на что онъ и соглашался, только спросилъ—„когда же, скоро-ли это будетъ“, а потомъ прибавилъ, что вѣроятно стихи будутъ напечатаны въ *Сѣверной Почтѣ* [4]). Больше ничего и не было ска-

---

[1]) Т. е. для Совѣта Министра по дѣламъ книгопечатанія.

[2]) Членъ Совѣта Министра по дѣламъ книгопечатанія Николай Васильевичъ Варадиновъ.

[3]) Гончаровъ записался на обѣдъ въ честь Ломоносова и праздновалъ юбилей вмѣстѣ „съ пишущей братіею“. См. письмо Н. П. Грота къ П. А. Плетневу отъ 8-го апрѣля 1865 г.: „Стихи читали Майковъ, Полонскій, да за Розенгейма—Гончаровъ“ („Переписка Я. А. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. III, Спб., 1886, стр. 698).

[4]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

зано, но сегодня въ Сѣверной Почтѣ напечатаны только отрывки изъ его стиховъ [1]): поэтому можно судить, что всѣ они тамъ напечатаны не будутъ.

Нѣтъ-ли у Васъ кого-нибудь, черезъ кого бы Вы могли выпросить ихъ у него, въ виду того, что онъ не прочь былъ напечатать стихи у Васъ?

Это вѣроятно можно бы было сдѣлать завтра, на литературномъ [2]) вечерѣ, гдѣ вѣроятно будетъ князь Вяземскій, или не напишете ли Вы ему письмо объ этомъ?...

До свиданія!

Вашъ

И. Гончаровъ.

Пятница.

Можетъ быть, если будетъ досугъ, я передѣлаю читанную Вамъ замѣтку мою о Карамзинѣ и завтра къ вечеру пришлю (если передѣлаю), чтобы, если Вы найдете её подходящею, можно было напечатать ее послѣ завтра.

[1866 г.].

Вчера я хотѣлъ зайти къ Вамъ самъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, но меня удержала простуда: я просилъ Барышова [3]) передать Вамъ свою мысль о праздникѣ Карамзина, которую я заявилъ недавно лично Ковалевскому и Некрасову, и они хотѣли переговорить объ этомъ съ Анненковымъ и Гротомъ. Между тѣмъ вчера же я набросалъ эту мысль въ видѣ *замѣтки* [4]) и прилагаю ее для *Голоса* [4]) (если можно завтра), предоставляя Вамъ ее какънибудь дополнить, если нужно. Но при этомъ прошу Васъ принять во вниманіе то, что можетъ быть уже распорядители, т. е. Анненковъ и К° и сами подумали сдѣлать что-нибудь для Карамзина особенное, въ такомъ случаѣ, не найдете-ли Вы эту замѣтку лишнею—если такъ, то не печатайте ее, чтобъ она не была помѣхой. Впрочемъ, какъ заблагоразсудите, только сохраните мое инкогнито. Я подписался *любитель литературы* [4]),—такъ и прошу оставить.

Не знаю, устыдятъ-ли распорядителей Ковалевскій и Некрасовъ, а въ томъ видѣ, какъ задумывали распорядители—это ни на что не похоже.

---

[1]) „Сѣверная Почта“ 3-го декабря 1866 г., № 259, стр. 2—3: стихотвореніе кн. Вяземскаго подъ заглавіемъ: „Тому сто лѣтъ...“

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

[3]) Т. е. Ефремъ Ефремовичъ Барышевъ. О немъ см. на слѣдующей страницѣ примѣч. 1.

[4]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Я боюсь, что, прочтя эту замѣтку, распорядители уже изъ самолюбія заупрямятся и не захотятъ ничего измѣнить—ну какъ хотятъ, а, мнѣ кажется, такъ праздновать Карамзина юбилей, какъ они захотѣли, судя по газетамъ, просто не прилично: лучше ужъ ничего не дѣлать.—Не только одна [но] и двѣ ласточки (Костомаровъ и Майковъ) весны не сдѣлаютъ.

До свиданія!

Вашъ

И. Гончаровъ.

Понедѣльникъ.

Сейчасъ пришелъ Барышовъ [1]), когда я дописывалъ письмо, и сказалъ, что Вы поддерживаете мою мысль—и я спѣшу отправить къ Вамъ *замѣтку* [2]). Я бы повидался съ Вами лично, но вѣдь не въ положенный день къ Вамъ не пустятъ, а если понадобится, то скажите когда, я приду, а самъ я часа въ 2 и 3 утромъ всегда дома.

Замѣтка Гончарова появилась въ „Голосѣ“ 23 ноября 1866 г., № 321, стр. 1. Она озаглавлена „Замѣтка по поводу юбилея Карамзина“ и, по желанію автора, подписана: „Любитель литературы“. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ:

22-го ноября.

„Въ газетахъ кое-гдѣ упомянуто было о предстоящемъ празднованіи юбилея Карамзина, со дня рожденія котораго минетъ въ декабрѣ столѣтіе. Судя по краткимъ, мимолетнымъ извѣстіямъ газетъ, празднованіе это ознаменуется довольно скромнымъ и только приличнымъ случаю торжествомъ. Одинъ день посвящается собранію въ академіи наукъ, другой—въ университетѣ и, наконецъ, общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ дастъ литературный вечеръ: въ извѣстіяхъ упоминается, что въ чтеніи на этомъ вечерѣ будутъ участвовать г.г. Костомаровъ и Майковъ. Вотъ и вся, извѣстная публикѣ программа торжества. Между тѣмъ, юбилей въ память Ломоносова отпразднованъ громко, великолѣпно, достойно родоначальника русскаго просвѣщенія. Празд-

[1]) Ефремъ Ефремовичъ Барышевъ, авторъ поэмы „Еврей“ (1837) и стихотворныхъ переводовъ съ англійскаго и французскаго языковъ, сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, переводчикъ въ одномъ изъ департаментовъ Министерства Финансовъ. О немъ см. „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“ С. А. Венгерова, т. II, Спб., 1891, стр. 209—210.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

никъ обошолъ всю Россію, повторился, болѣе или менѣе торжественно, въ разныхъ пунктахъ нашего отечества, гдѣ только мысль, наука и слово находятъ почитателей и послѣдователей.

Скажутъ, что Карамзинъ не Ломоносовъ: онъ не начинатель великаго дѣла просвѣщенія въ Россіи, не геній-самородокъ, открывшій собственными силами русскому духу и уму доступъ въ область знанія и мысли, и т. д. Такъ; но кому же, послѣ Ломоносова, принадлежитъ большая доля дѣятельности въ совершеніи подвига, начатаго Ломоносовымъ, какъ не Карамзину, проводнику знанія, возвышенныхъ идей, благородныхъ, нравственныхъ, гуманныхъ началъ въ массу общества, ближайшему, непосредственно дѣйствовавшему еще на живущія поколѣнія двигателю просвѣщенія? Воспоминанія о немъ, какъ о писателѣ и какъ о благородной, свѣтлой личности, еще живутъ въ современномъ обществѣ, ему принадлежатъ наши живыя симпатіи—и общество, толпою стекавшееся на торжество въ память Ломоносова, конечно, поспѣшило бы и на этотъ, болѣе близкій сердцамъ нашимъ, праздникъ.

Пусть академія наукъ и университетъ почтятъ въ стѣнахъ своихъ память ученыхъ заслугъ знаменитаго исторіографа, сохраняя обычный строгій характеръ ученаго торжества. Этотъ праздникъ, и по оффиціальности характера, и по тѣснотѣ помѣщенія, созоветъ относительно немногочисленныхъ почитателей ученыхъ заслугъ Карамзина; но гдѣ же и когда соберется образованная масса публики, обязанная благотворному вліянію на нее Карамзина, не только какъ ученаго, но вообще, какъ всесторонняго писателя, какъ человѣка, многимъ еще лично памятнаго, какъ общаго нашего наставника?

Вся надежда на такой праздникъ могла бы сосредоточиться на предполагаемомъ вечерѣ литературнаго фонда. Мы не знаемъ, будетъ-ли этотъ вечеръ ознаменованъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, что сдѣлало бы его непохожимъ на обыкновенные литературные вечера, какіе даются всякую зиму нѣсколько разъ и вскорѣ забываются. Пока изъ газетъ извѣстно только, что будетъ данъ вечеръ съ участіемъ г.г. Костомарова и Майкова. Участіе этихъ заслуженныхъ литературныхъ дѣятелей, конечно, необходимо и дорого въ подобномъ торжествѣ, но нельзя не сознаться, что это слишкомъ мало. На праздникѣ въ память Карамзину должна присутствовать вся наша литература, и если физически невозможно участвовать чтеніемъ всѣмъ лучшимъ дѣятелямъ, то могли бы участвовать многіе, хотя бы понемногу. Нѣтъ надобности читать большіе отрывки или цѣлыя поэмы; но значеніе и характеръ праздника требовали бы,

чтобъ большинство писателей, начиная съ старѣйшихъ до новѣйшихъ, публично принесли каждый свою ленту въ память нашего просвѣтителя.

Казалось бы справедливымъ, чтобъ и на этомъ вечерѣ, какъ на праздникѣ Ломоносова, всѣ присутствующіе въ городѣ литераторы столпились единодушно, забывъ разность литературныхъ эпохъ, направленій и оттѣнковъ, около увѣнчаннаго бюста юбиляра, начиная съ ветерановъ литературы съ ближайшимъ сподвижникомъ и другомъ Карамзина, княземъ Вяземскимъ во главѣ, съ Ѳ. Н. Глинкою, И. И. Лажечниковымъ, Н. И. Гречемъ, Тютчевымъ, нашими извѣстными историками, журналистами и прочими писателями, и кончая недавно выступившими на литературное поприще.

Желательно было бы также слышать съ эстрады чтеніе изъ сочиненій Карамзина устами его сына, который не отказался почтить участіемъ своего знаменитаго имени память Ломоносова. Можетъ быть къ этому литературному торжеству, также какъ на Ломоносовскомъ юбилеѣ, присоединилась бы музыка: ни въ стихахъ по этому случаю, ни въ переложеніи ихъ на музыку, ни въ исполненіи, препятствія, вѣроятно, не встрѣтилось бы. Дворянское собраніе, конечно, опять гостепріимно открыло бы залы своего дома, смѣло можно сказать, безчисленнымъ гостямъ, которымъ дорого имя Карамзина.

Но можетъ быть, распорядители карамзинскаго юбилея, пока мы пишемъ эти строки, уже нашли способъ ознаменовать предполагаемый вечеръ чѣмъ-нибудь выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ литературныхъ вечеровъ. Въ добрый часъ!

На все сказанное здѣсь могутъ возразить, что для приготовленій къ празднику въ память Ломоносова было больше времени, а именно цѣлая зима, когда вся литература и общество были въ сборѣ и была возможность подготовиться исподволь, а до карамзинскаго торжества остается недѣля съ небольшимъ.

На это можно замѣтить, что вечеръ съ участіемъ, по возможности, большого числа наличныхъ писателей и не потребовалъ бы такихъ приготовленій, какъ литературно-музыкальное торжество съ банкетомъ въ огромныхъ размѣрахъ, даннымъ въ память Ломоносова. Что же касается краткости срока, то кажется, нѣтъ причины стѣсняться непремѣнно днемъ рожденія Карамзина: если вечеръ будетъ отсроченъ еще на недѣлю или болѣе и послѣдуетъ въ теченіе мѣсяца, въ которомъ родился исторіографъ, то отъ этого торжество только выиграетъ.

Любитель литературы.

29-го ноября [1866 г.]

Я радъ бы душой написать нѣсколько страницъ о Карамзинѣ, но на это мнѣ надо бы было недѣлю времени, а на скоро набросать что-нибудь и какъ-нибудь можно въ фельетонѣ, а не въ серьезной статьѣ. При томъ вся эта исторія съ праздникомъ меня разстроила, и я рѣшительно не способенъ ни къ чему, даже бросилъ и тѣ строки, что читалъ Вамъ въ воскресенье, и махнулъ на все рукой и не пошелъ къ князю Вяземскому, даже я думаю, и въ академію не пойду. Если увижу князя, то предложу ему напечатать стихотвореніе у Васъ: развѣ не обѣщалъ ли онъ уже его въ Сѣв[ерную] Почту, или черезъ Маркевича [1]) (который вѣроятно будетъ читать стихотвореніе) въ московскую газету.

Вчера я сказалъ въ канцеляріи насчетъ газетъ; мнѣ отвѣчали, что министръ уже разрѣшилъ и Вамъ сообщатъ объ этомъ немедленно.

До свиданія.

Вашъ

И. Гончаровъ.

Пятница, 20-го декабря 1868 г.

Вотъ уже много лѣтъ, Андрей Александровичъ, что я ничего въ русской литературѣ, кромѣ „Голоса“, не читаю.

Располагая продолжать это въ наступающемъ году, прошу Васъ о благосклонномъ распоряженіи, о доставленіи мнѣ Вашей газеты.

Не желая однако ѣсть хлѣбъ даромъ, я сочинилъ прилагаемыя замѣтки, которыя, если заблагоразсудите, подъ строгимъ инкогнито (даже женѣ и дѣтямъ не сказывайте) помѣстите гдѣ-нибудь, вставивъ въ чужой или какой-нибудь общій фельетонъ, измѣнивъ, разумѣется, по Вашему усмотрѣнію, все, что найдете лишнимъ, неудобнымъ, нецензурнымъ и т. п.

Вы скажете, что все это одно и тоже: о собакахъ, о тротуарахъ, и объ извощикахъ, что нельзя ли чего-нибудь поновѣе.

Нѣтъ, нельзя: это мой святочный фельетонъ, какъ у Диккенса есть святочные разсказы. Знаю, что это сравненіе не скромное, но чтожъ дѣлать—оно вѣрно.

Я не могу мѣнять своихъ убѣжденій: они святы для меня—и

---

[1]) Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ, чиновникъ особыхъ порученій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и въ то же время петербургскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

правда всегда будетъ моимъ закономъ. Тротуары, собаки и извощики—это общественныя и мои язвы—и буду бороться, пока дышу.

Когда это зло или три зла преодолѣю, тогда только изберу три новыя зла—и буду опять бороться.

Если эти мои *замѣтки* [1]) вовсе не годятся—что тогда?

А газету мнѣ нужно! Платить я по крайней нищетѣ моей, въ качествѣ отставного чиновника, не могу, да и нѣтъ, и не было для меня въ жизни ничего гнуснѣе, какъ платить за книгу или за журналъ—и потому, если эти замѣтки не годятся—я прошу милостыню, т. е. газету.

Прощайте—я никуда не хожу, никого не вижу и къ себѣ никого не принимаю, потому между прочимъ также, что никто не ходитъ ко мнѣ.

Вашъ усердный
И. Гончаровъ.

Среда, 17-го февраля [1871 г.].

Я вчера хотѣлъ самъ повидаться съ Вами, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, по поводу прилагаемой статьи, но не удалось.

Статью эту я написалъ по желанію адмирала Посьета [2]), предсѣдателя комиссіи о береговыхъ станціяхъ, который сообщилъ мнѣ и всѣ заключающіяся въ ней свѣдѣнія и цифры.

Онъ нашелъ ее нужною и весьма подходящею къ дѣлу. Теперь надо, чтобъ и Вы нашли ее удобною для помѣщенія ея въ „Голосѣ“, по возможности скоро; напримѣръ въ *пятницу* [3]) или уже въ *субботу* [3]), ибо Посьетъ сообщилъ такія же цифры и свѣдѣнія и въ Кронштатскую газету. Желательно, чтобы они прежде появились въ Вашей газетѣ.

Если же Вы не пожелаете помѣстить ее, то покорнѣйше прошу мнѣ ее возвратить.

Въ случаѣ же помѣщенія благоволите распорядиться по Вашему усмотрѣнію: т. е. куда ее напечатать: на мѣсто ли фельетона, или

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.—Данныя здѣсь Гончаровымъ указанія показались намъ слишкомъ неопредѣленными, чтобъ установить, какія „замѣтки“ въ слѣдующихъ за 20-мъ декабря номерахъ „Голоса“ принадлежатъ его перу.

[2]) Адмиралъ Константинъ Николаевичъ Посьетъ, плававшій вмѣстѣ съ Гончаровымъ на фрегатѣ Паллада въ качествѣ капитанъ-лейтенанта. См. его письмо „О плаваніи фрегата Паллады изъ Англіи на мысъ Доброй Надежды и въ Зондскій проливъ“ въ „Морскомъ Сборникѣ“ за 1853 г., X. № 9, неоф., стр. 233—245.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

въ *Петерб[ургской] хроникѣ* [1]), — или особо послѣ всѣхъ статей на 3-й и 4-й страницѣ, даже хоть въ видѣ передовой статьи, еслибъ она годилась—конечно не означая нигдѣ подъ ней никакого имени, а какъ бы отъ лица газеты.

Тотчасъ послѣ вступленія на 1-мъ листѣ—я отчеркнулъ карандашомъ до 2-й страницы 2-го листа нѣкоторое разсужденіе къ дѣлу собственно не принадлежащее: его можно и выпустить, но если бы Вы нашли его пригоднымъ, то можно и напечатать. Позвольте это предоставить Вашей редакторской мудрой опытности. Если же и Вы не одобрите его, то можно, напечатавъ краткое вступленіе на *1-мъ листѣ* [1]), продолжать *со 2-й страницы 2-го листа* [1]), гдѣ кончается карандашъ и именно со словъ: „*Дѣло идетъ объ учрежденіи береговыхъ станцій*“ [1]) и т. д., а все отмѣченное карандашомъ выпустить.

Вотъ и все объ этомъ дѣлѣ. Теперь другое: Посьетъ просилъ меня освѣдомиться у Васъ, получили ли Вы (кажется изъ Одессы) статью, подписанную *Шкиперъ* [1])? Эта статья принадлежитъ товарищу его капитану *Греве* [2]), который спрашивалъ Васъ телеграммою насчетъ ея помѣщенія, но не получилъ отвѣта.

Посьетъ тоже желалъ бы знать, будетъ ли помѣщена эта статья и если не будетъ, то покорнѣйше проситъ доставить ее къ нему—хоть черезъ меня, или прямо въ Зимній дворецъ съ Адмиралтейскаго подъѣзда.

Но Вамъ ближе прислать ко мнѣ, а я доставлю вѣрно.

Еще слово о моей статьѣ, хотя она разогнана на 8 полулисткахъ, но вѣроятно изъ нея выйдетъ не болѣе трехъ Вашихъ столбцовъ, а можетъ быть и меньше.

Если не хотите напечатать, безъ церемоніи возвратите мнѣ, а я въ претензіи не буду [3]).

Вашъ преданный
И. Гончаровъ.

7-го мая 1874 г.

Если Вы, достопочтеннѣйшій Андрей Александровичъ, сочтете интереснымъ для публики прилагаемую замѣтку о Верещагинскихъ

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Капитанъ Ром. Пет. Греве, преподаватель Морского училища.

[3]) Статья Гончарова была напечатана въ „Голосѣ“, 21-го февраля 1871, на первой страницѣ и первой статьей, подъ заглавіемъ „О береговыхъ станціяхъ“ и безъ подписи автора. Въ виду ея узкаго спеціальнаго содержанія не считаемъ нужнымъ приводить извлеченій изъ нея.

картинахъ, то не найдете ли удобнымъ помѣстить ее въ *Голосѣ* [1])? Кажется, еще въ другихъ газетахъ объ окончательной участи этихъ картинъ заявлено не было, слѣдовательно, не откладывая вдаль помѣщеніемъ, Вы ранѣе другихъ сообщите послѣднія извѣстія.

Мнѣ сообщилъ ихъ самъ *Третьяковъ* [1]), недавно пріѣзжавшій сюда, и потомъ подтвердилъ *Крамской* [1]), участвовавшій въ переговорахъ Третьякова съ Верещагинымъ, слѣдовательно это можно считать вѣрнымъ.

Закулисная исторія этихъ переговоровъ — довольно длинная и скучная и публику интересовать не можетъ, поэтому я и сообщилъ только послѣдній результатъ.

Боткинъ вызвался съ Третьяковымъ купить галлерею и хотѣлъ раздѣлить пополамъ съ Третьяковымъ, Третьяковъ же на это не согласился — а хотѣлъ купить ее сообща, предоставить публикѣ— тогда Боткинъ отступился, и Третьяковъ купилъ одинъ съ тѣмъ чтобъ сдѣлать ее общественной.

Онъ подарилъ ее *Обществу любителей искусствъ* [1]) въ Москвѣ— тому негдѣ помѣстить—и теперь идетъ дѣло о томъ, куда ее дѣвать.

Но что до всего этого публикѣ за дѣло?

Ей интересно будетъ только знать, гдѣ ее помѣстятъ—а теперь пока у нихъ еще идутъ толки о помѣщеніи, о чемъ я и намекнулъ въ видѣ *слуха* [1]).

Главное же—хотѣлось бы какъ-нибудь сдѣлать, чтобъ въ Москвѣ завели общій публичный музей — и я (хотя нескладно) высказалъ эту мысль.

Впрочемъ Вы, по Вашему усмотрѣнію, могли бы взять одно только извѣстіе о покупкѣ картинъ Третьяковымъ и помѣстить гдѣ-нибудь, какъ антрефиле въ *хроникѣ* [1]), а прочія мечты бросить: какъ хотите. А если все пожелаете помѣстить, то тоже можно бы въ *хроникѣ* [1]), но конечно во всякомъ случаѣ безъ моего имени, а отъ имени *Голоса* [1]).

Замѣтка Гончарова была помѣщена въ № 127 „Голоса“ за 1874 г., 9-го мая, стр. 2, безъ подписи:

„Еще нѣсколько словъ по поводу картинъ Верещагина. Картины эти такъ много обращали на себя вниманіе публики новостью, оригинальностью содержанія и мастерствомъ исполненія, что вопросъ о пріобрѣтеніи ихъ сдѣлался интереснымъ общественнымъ вопросомъ. Всѣ желали знать, кому онѣ достанутся, помѣстятъ ли ихъ въ Петербургѣ, или увезутъ въ Москву, и, наконецъ, будутъ

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

ли онѣ доступны публикѣ. Носились слухи о пріобрѣтеніи ихъ двумя или тремя лицами сообща и о распредѣленіи между послѣдними по частямъ. Потомъ вовсе перестали о нихъ говорить.

Теперь мы можемъ сообщить извѣстія, полученныя нами изъ вѣрнаго источника, объ участи этихъ картинъ. Вся галерея пріобрѣтена однимъ лицомъ, именно извѣстнымъ московскимъ любителемъ живописи П. М. Третьяковымъ, который уже собралъ у себя цѣлую галерею (говорятъ, до 200 картинъ) произведеній русскихъ новѣйшихъ мастеровъ. Но онъ не пріобщилъ послѣдняго богатаго пріобрѣтенія къ своему домашнему музею, а предложилъ все собраніе верещагинскихъ картинъ въ даръ московскому обществу любителей искусствъ. Такимъ образомъ, картины эти становятся общественною, не раздробляемою и всегда открытою публикѣ галереею.

Поступокъ этотъ говоритъ самъ за себя: за границей, гдѣ всякая покупка богатымъ любителемъ одной какой-нибудь замѣчательной картины превозглашается во всеуслышаніе, такой подвигъ возбудилъ бы толки въ журналахъ на всю Европу и пріобрѣлъ бы виновнику его справедливую и громкую признательность общества. Г. Третьяковъ, какъ видно по всему, не нуждается въ этомъ. Дѣло сдѣлалось просто, точно въ тихомолку. Конечно, онъ собиралъ и прежде, въ теченіи многихъ лѣтъ, лучшія картины современныхъ художниковъ и пріобрѣлъ теперь вдругъ цѣлую галерею не затѣмъ, чтобъ о немъ трубили въ обществѣ, а болѣе всего, надо полагать, для удовлетворенія своей симпатіи къ любимому имъ искусству и изъ ревности къ успѣхамъ этого искусства въ Россіи.

Оставимъ же самый актъ пожертвованія въ сторонѣ и скажемъ два слова о томъ, какой, по поводу его, pium desiderium позволительно питать всякому, не равнодушному къ искусству русскому человѣку вообще, а особенно въ настоящемъ случаѣ москвичамъ.

Въ Москвѣ нѣтъ одного, центральнаго обширнаго музея искусствъ. Недостатокъ этотъ, вѣроятно, подалъ поводъ къ перемѣщенію туда изъ Петербурга румянцовскаго музея, гдѣ находится, если не ошибаемся, пожалованная Государемъ Императоромъ музею прянишниковская колекція картинъ и также извѣстная картина Иванова „Явленіе Христа народу“. Есть еще въ Москвѣ вышеупомянутое „общество любителей искусствъ“, имѣющее постоянную выставку случайныхъ картинъ. И кажется, только. Этого мало по части искусствъ для обширной древней столицы, давшей обществу не мало представителей искусства, воспитывающей многочисленное юношество, имѣющей своего рода маленькую академію въ училищѣ живописи и ваянія для приготовленія художниковъ и не имѣю-

щей образцовой галереи какъ для учащихся искусствамъ, такъ и для многочисленныхъ любителей вообще, живущихъ въ Москвѣ. Наконецъ, совѣстно и передъ заѣзжими иностранцами, которымъ мало приходится показать въ Москвѣ по части искусства, кромѣ византійскихъ и русскихъ древностей.

Не могло ли де настоящее пожертвованіе Г. Третьякова вдругъ цѣлой галереи русскаго художника послужить основаніемъ собственно національнаго русскаго музея живописи (а потомъ и ваянія) въ Москвѣ, такого музея, который современемъ могъ бы сдѣлаться обширнымъ пантеономъ замѣчательныхъ русскихъ талантовъ?

Съ нѣкоторыхъ поръ, и довольно давно, Москва въ лицѣ г.г. Третьякова, Солдатенкова, и нѣкоторыхъ другихъ любителей, уже пріобрѣла много, даже почти всѣ замѣчательныя современныя русскія произведенія живописи съ петербургскихъ выставокъ, или прямо изъ мастерскихъ художниковъ, напримѣръ, картины, г.г. Ге, Крамского, Флавицкаго, Якоби и другихъ, стало быть, начало, уже положено. Самый румянцовскій музей, т. е. собственно колекція картинъ, если не можетъ de jure перейти изъ однѣхъ рукъ въ другія, не могла ли бы de facto занимать помѣщеніе въ одномъ зданіи съ такимъ русскимъ музеемъ? Почемъ знать: можетъ быть, нынѣшніе владѣльцы русскихъ галерей и замѣчательныхъ отдѣльныхъ картинъ, движимые симпатіей къ своей Москвѣ и ревнуя украшенію ея, завѣщаютъ ей свои сокровища, и тогда бы въ Москвѣ могла бы возникнуть своя историческая русская галерея, образоваться цѣлая народная школа живописи и ваянія... и т. д. и т. д.

Какъ бы то ни было, основаніе такому дѣлу положено прочно въ новомъ пріобрѣтеніи верещагинскихъ картинъ. Думаемъ, что остальное могло бы довершится любовью москвичей къ Москвѣ, и примѣръ г. Третьякова безъ поддержки не остался бы. На эти предположенія наводитъ насъ, между прочимъ, дошедшій сюда слухъ, что „Московское общество любителей искусствъ“, помѣщающееся въ наемной квартирѣ, затрудняется относительно достаточно-просторнаго и удобнаго помѣщенія верещагинскихъ картинъ и что, вслѣдствіе этого, нѣкоторые любители живописи и крупные капиталисты, будто бы, не прочь пріобрѣсти или построить постоянное для нихъ помѣщеніе. Вотъ случай украсить Москву достойнымъ ея зданіемъ, которое современемъ могло бы быть и желательною центральною галереею искусствъ!

Не знаемъ, насколько справедливъ этотъ слухъ, но хочется вѣрить ему, въ интересахъ русскаго искусства. У цѣлаго города, и, притомъ, такого щедраго на общественныя пожертвованія, какъ

Москва, всегда найдутся болѣе широкія средства къ собиранію и удобному помѣщенію и храненію сокровищъ искусства, нежели у частныхъ людей и отдѣльныхъ обществъ. А Москвѣ давно пора, вдобавокъ ко всѣмъ ея достопримѣчательностямъ, имѣть и достопримѣчательный публичный музей живописи и скульптуры, какіе имѣютъ всѣ большіе города въ Европѣ, сначала и болѣе всего, повторимъ, своихъ русскихъ, а современемъ пожалуй, и чужихъ знаменитыхъ художниковъ!

Отъ сосредоточенія тамъ произведеній русскаго искусства выиграютъ много и сама Москва, и Петербургъ, т. е. академія, какъ разсадникъ художниковъ, и общество поощренія художниковъ, какъ ревностный покровитель ихъ, и всѣ русскіе художники, для которыхъ открылась бы новая и обширная арена почотнаго и выгоднаго сбыта ихъ произведеній и постоянной выставки ихъ въ центрѣ Россіи".

1-го декабря 1875 г.

При этомъ кстати позвольте мнѣ, почтеннѣйшій редакторъ, предложить Вамъ нижеслѣдующую коммерческую сдѣлку. Капиталъ—*16 рублей* [1]).

Я безъ *Голоса* [1]) жить не могу и скоро предстоитъ возобновленіе подписки на оный.

Но какъ платить деньги для меня весьма отвратительно вообще, за всякое печатное дѣло въ особенности по причинѣ малаго ихъ у меня количества, принятіе же подарка я нахожу зазорнымъ, то не отпустите ли Вы мнѣ означенную газету на предстоящей 1877 годъ въ кредитъ съ тѣмъ, чтобы я, въ въ теченіи этого года, поставилъ Вамъ статью, въ видѣ фельетона, замѣтки, рецензіи и т. п., суммою на 16 рублей, составляющею стоймость газеты съ доставкою.

Въ случаѣ же неустойки съ моей стороны, повиненъ я означенную стоймость внести къ 1-му январю 1877 г. сполна.

Буде Вы таковое условіе найдете благонадежнымъ, то благоволите сдѣлать надлежащее распоряженіе къ отпуску мнѣ газеты *Голосъ* на 1876 годъ.

Въ противномъ случаѣ не оставьте дать мнѣ знать, дабы я могъ заблаговременно, *скрѣпя сердце* [1]), возобновить опять подписку.

Д. Ст. Сов. и Кавалеръ

И. Гончаровъ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

13 декабря [18]75 г.

Не браните меня, Андрей Александровичъ, что не посылаю предпраздничной замѣтки, о которой говорилъ Вамъ. Бѣда та, что я не умѣю писать коротко: непремѣнно расплывусь! Такъ и случилось. Вмѣсто краткой замѣтки или статейки, наплодился было feuilleton-monstre чуть ли не въ пол-листа. Притомъ и тонъ вышелъ шаловливый, *лимонадный* [1]: пожалуй, показался бы не къ лицу серьезному *Голосу* [1].

Я повозился, повозился и отложилъ, не додѣлавъ конца, за которымъ пришлось бы еще просидѣть вечеръ или два.

Я напишу Вамъ въ непродолжительномъ времени другое, посерьезнѣе и покороче—по условію, чтобъ заработать газету. У меня есть въ виду сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ книгахъ, но это не къ спѣху—потерпите и будьте благосклонны

къ—И. Гончаровъ.

1-го марта [1878 г.].

Возвращая Вамъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ—книгу *Павловскъ* [1]), препровождаю при этомъ въ свою очередь, на просмотрѣніе, *Исторію попечительнаго Совѣта* [1]), которую по миновании надобности, покорнѣйше прошу мнѣ возвратить. Эти двѣ книги, какъ Вы видите, близнецы *по сходству* [1]) изданія, и даже отчасти и по содержанію и языку.

Я съ большимъ вниманіемъ просмотрѣлъ *Павловскъ* [1]) и если надумаюсь окончательно привести въ нѣкоторый порядокъ показанныя мною Вамъ набросанныя строки, по поводу первой изъ этихъ книгъ, то упомяну и о *Павловскѣ* [1]). Это—какъ нельзя больше—идетъ къ дѣлу. Только не знаю соберусь ли съ силами и съ лѣнью—и скоро-ли [2]).

До свиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

4-го марта [1878]

Вотъ листки, которые я Вамъ показывалъ въ воскресенье, Андрей Александровичъ, и которые я насилу—насилу вчера въ четыре, привелъ въ порядокъ.

Всѣ Святые видѣли съ небесъ, чего это мнѣ стоило царапать съ слѣпыми глазами—и право стоило бы, чтобъ Вы опредѣлили

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Видно по слѣдующему письму, отъ 4-го марта того же года, что Гончаровъ въ этотъ разъ „собрался таки съ силами“ и даже довольно скоро.

мнѣ *Голосъ* [1]) à perpétuité, а ужъ за два года—это слѣдуетъ безъ всякой съ Вашей стороны генерозности, включая и нынѣшній! видите! я великодушенъ!

Я поставилъ въ заголовкѣ фельетона *Библіографія* [1]): если это у Васъ принято, то хорошо бы такъ и оставить, а впрочемъ—какъ изволите! Лишь бы осталось только заглавіе книги: *Попечит[ельный] Совѣтъ* [1]) и т. д., какъ у меня.

Имени конечно *никакого не нужно* [1]) ни буквъ, а какъ бы отъ редакціи.

Корректуру нужно бы прислать мнѣ: я много напачкалъ со слѣпа,—и Вашъ корректоръ, пожалуй, моихъ поправокъ не разберетъ.

Если я получу корректуру въ 2 или 3 часа дня, то къ 6 ч. возвращу, а если мнѣ принесутъ съ вечера часовъ въ 9 или 10, то утромъ рано будетъ отослана назадъ.

Въ случаѣ еслибъ Вы сочли почему-нибудь неудобнымъ помѣстить статью у себя, то слезно прошу поскорѣе возвратить мнѣ ее—я уже почти обѣщалъ ее прежде?

Вотъ и все.

Кланяюсь усердно
Вашъ
Гончаровъ.

Фельетонъ Гончарова былъ напечатанъ въ № 67 „Голоса“ 8-го марта 1878 г., безъ подписи. Онъ гласитъ слѣдующее:

Библіографія.

„Попечительный совѣтъ заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ. Очеркъ дѣятельности за пятьдесятъ лѣтъ 1828—1878 г.“.

Такъ называется громадный томъ in-quarto, составленный и изданный, по порученію совѣта, членомъ совѣта К. Ординымъ.

Это одно изъ самыхъ изящныхъ изданій русской печати. Если положить этотъ волюмъ на столъ въ богатомъ салонѣ, посѣтитель приметъ его за великолѣпный французскій или англійскій альбомъ съ швейцарскими или итальянскими видами, съ портретами красавицъ, знаменитыхъ людей и т. п.—и ошибется, но ошибется пріятно. Тутъ нѣтъ ничего ни французскаго, ни англійскаго. Превосходная блестящая, какъ слоновая кость, бумага, отличная, крупная печать, геліографическіе портреты, планы, чертежи—все это свое, русское.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Еще пріятнѣе ошибется тотъ, кто раскроетъ книгу съ мыслью о скукѣ, которою грозитъ офиціальное заглавіе: „очеркъ дѣятельности совѣта“. Вмѣсто сухого перечня административныхъ мѣръ, приказовъ, протоколовъ, читатель найдетъ живое изложеніе о томъ, какъ возникъ этотъ совѣтъ, и чѣмъ онъ управляетъ. Акты и документы, приведенные здѣсь, касаются одного изъ самыхъ живыхъ общественныхъ интересовъ—благотворительности и имѣютъ значеніе историческихъ замѣтокъ.

Авторъ удачно ввелъ простой, почти разговорный языкъ въ этотъ офиціальный трудъ. Даже въ своей „торжественной“ рѣчи по случаю пятидесятилѣтія совѣта, за исключеніемъ нѣсколькихъ, общепринятыхъ въ такихъ торжествахъ, парадныхъ фразъ, онъ даетъ свободу простому, обыкновенному языку.

Все это, вмѣстѣ взятое съ внѣшнею роскошью изданія, придаетъ большую цѣну книгѣ и выводитъ этотъ очеркъ изъ ряда обыкновенныхъ офиціальныхъ отчетовъ.

Но это составляетъ только одну второстепенную заслугу этого изданія.

Главный интересъ книги заключается въ группѣ лицъ, создателей и покровителей благотворительныхъ заведеній. Эти лица и ихъ сподвижники и служатъ героями этой офиціальной, но близкой, по своимъ цѣлямъ, всему обществу эпопеи. Характеристики лицъ выступаютъ рельефно, какъ живыя иллюстраціи повѣствуемыхъ фактовъ, представляя галлерею портретовъ, дѣлающихъ почти не нужными геліографическіе снимки съ нихъ.

На первомъ планѣ, среди портретовъ нынѣ царствующихъ Императора и Императрицы и Императора Николая Павловича, красуется величественная фигура Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Изданіе украшено ея превосходнымъ портретомъ и медальйономъ. Имя ея блеститъ почти на каждой страницѣ этой исторіи, которой она и есть первенствующая героиня.

Раздѣляя престолъ своего супруга-царя, Марія Ѳеодоровна рядомъ создала особое царство, гдѣ была полновластною царицей—царство „добра и милосердія“, котораго она, по справедливому выраженію автора „Очерка“, была живымъ воплощеніемъ. Царство это созидалось ею паралельно съ великими событіями и подвигами военной, политической и гражданской русской жизни. Она была матерью не однихъ императоровъ и великихъ князей, но и безчисленныхъ призрѣнныхъ и воспитанныхъ ею при жизни ея, послѣдовавшихъ затѣмъ и будущихъ русскихъ дѣтей, и матерью убогихъ, недужныхъ, сирыхъ.

Авторъ „Очерка“ опять справедливо замѣчаетъ, что „цѣлые

томы едва ли дадутъ полное понятіе о томъ, что ею исполнено". Но ей и не нужно томовъ, также какъ и монументовъ, воздвигаемыхъ героямъ. Она при жизни сама написала и томы, и поставила себѣ памятники по всей Россіи, и продолжаетъ царствовать въ больницахъ, богадѣльняхъ, школахъ—и царствію ея не будетъ конца.

Многіе дѣлали и дѣлаютъ добро; но она ничего другого не дѣлала. Она только любила и благотворила. Она дѣлала добро силою царскаго могущества, какъ царица, и силою любви какъ простой человѣкъ, какъ мать. Безъ послѣдней силы, можетъ быть и не достало бы ея, только какъ царицы, на все ею сдѣланное. Какъ у царицы особаго царства, у нея были свои подданные: дѣти, больные, нищіе; свои министры—помощники, и цѣлая армія учителей, учительницъ, лекарей, а всякихъ слугъ—безъ числа.

Все это царствіе Божіе выросло, какъ евангельское дерево изъ горчичнаго зерна, изъ сердца женщины, и какой безконечный рядъ поколѣній укрывается въ вѣтвяхъ этого дерева!

Это царство остается до сихъ поръ и, вѣроятно, останется всегда неприкосновенною святыней, своего рода status in statu осѣненнымъ ея императорскою мантіей и освященнымъ навсегда ея именемъ. Она завѣщала его дѣтямъ: дѣти, внуки свято чтили и чтутъ наслѣдіе. Два сына, императоры, были послушными исполнителями воли ея сердца. Царствующая чета внуковъ, и вся семья ихъ служатъ вѣрною охраною и опорою этого царства, и оно не умаляется, не разрушается, а разростается, совершенствуется и крѣпнетъ.

Кормить голодныхъ, лечить больныхъ и призрѣвать сиротъ было государственною заботою правительства и до нея. По сознанію необходимости возникали больницы и школы.

Но это одно сознаніе не вносило тепла и свѣта въ темные пріюты нужды и недуговъ. Туда проникало неряшество, небрежность, тля, даже хищничество, какъ повѣствуетъ „Очеркъ".

Если добро не терпитъ блеска внѣшнихъ лучей, суетности, славы, отъ которыхъ оно глохнетъ, какъ сѣмя, упавшее на каменистую почву, то оно также не мыслимо безъ внутренняго огня, безъ любви.

Личная живая любовь царицы къ людямъ превратила сознательный, не рѣдко холодный долгъ общественной благотворительности въ культъ непрестаннаго, горячаго служенія нуждамъ и страданіямъ человѣческимъ. Для этого надо было, чтобъ сердце помогающаго билось тѣми же ощущеніями боли и скорби, какъ сердце самаго скорбящаго и болящаго.

Эти живыя біенія ея сердца, отвѣчавшія всякому кто „просилъ

и стучалъ", духъ добра, состраданія, облеклись въ плоть и образовали огромный государственный организмъ, который называется „вѣдомство учрежденій императрицы Маріи Ѳеодоровны".

По образу и подобію этого царства создались новыя сферы, новые виды и спеціальности добра и милосердія: пріюты, дѣтскія больницы, школы, и потребовали огромный контингентъ женскихъ рукъ и сердецъ.

Онѣ явились прежде всего въ близкихъ къ покойной императрицѣ высокихъ лицахъ. Наслѣдіе ея перешло въ прямыя и достойныя руки. Эти лица стоятъ во главѣ больницъ, институтовъ, школъ, пріютовъ, богадѣленъ и едва-ли командиры войскъ, гражданскіе правители, обременены дѣлами болѣе ихъ.

Ихъ примѣръ, въ свою очередь, призываетъ къ той же непрестанной и нескончаемой службѣ добру и милосердію женщинъ изъ всѣхъ слоевъ общества, и въ данную минуту (какъ мы видимъ теперь, напримѣръ) являются легіоны ихъ, несущихъ трудъ, достояніе, нерѣдко жизнь.

Тѣнь великой женщины всегда будетъ стоять во главѣ своего царства и никакое другое величіе не сведетъ ее съ ея пьедестала. Трудно стать рядомъ съ нею въ ревности къ добру, а идти далѣе нельзя. Не оскудѣвать въ добрѣ, положить въ него жизнь—вотъ вся задача и программа добра. Императрица не оскудѣла до конца: за два дня до болѣзни, сведшей ее въ могилу, и за двѣнадцать дней до кончины, она, какъ сказано въ „очеркѣ", посѣтила больницу. Едва-ли это былъ не послѣдній ея визитъ.

Она трудилась ежедневно, не уставая, окруженная своими помощниками и помощницами, какъ простая начальница дѣла, какъ будто подлежала отвѣтственности передъ другимъ, высшимъ лицомъ. Къ „очерку" приложены два ея собственноручныя письма; протоколы совѣта испещрены ея резолюціями, съ трогательными замѣтками о покупкѣ дровъ, о какихъ-то мелкихъ починкахъ въ больницѣ, о прибавкѣ прислуги и т. п. Въ „очеркѣ" изложена только одна малая часть или „сторона", какъ говоритъ авторъ, взятая изъ пучины совершоннаго ею добра: разсказана исторія всего трехъ-четырехъ подвѣдомственныхъ совѣту учрежденій. А сколько ихъ еще здѣсь, въ Москвѣ, въ разныхъ краяхъ Россіи созданныхъ ея сердцемъ, мыслью, достояніемъ.

Она принесла свою лепту ближнему, отдала все свое, т. е. всю жизнь. Ей больше и нечего было отдавать.

Кто пожелалъ бы ближе прислушаться къ нѣжнымъ біеніямъ сердца царицы, того отсылаемъ къ перепискѣ Нелединскаго-Мелец-

каго, изданной, года два назадъ, внукомъ его княземъ Д. А. Оболенскимъ [1]).

Нелединскій-Мелецкій былъ поэтъ, блестящій образованный человѣкъ своего времени и одинъ изъ помощниковъ Императрицы по учебнымъ заведеніямъ.

Въ перепискѣ ея съ нимъ яснѣе и живѣе блеститъ струя ея неистощимой любви и материнской нѣжности къ безчисленнымъ воспитываемымъ ею дѣтямъ. Иногда трудно различить, о своихъ собственныхъ или о чужихъ дѣтяхъ говоритъ и заботится она.

И не въ письмахъ только, а лично являлась она какъ ласковая мать, въ дѣтской толпѣ. Бывшіе свидѣтели ея посѣщеній школъ разсказываютъ, какъ она, окруженная мальчиками или дѣвочками, ласкала ихъ, гладила по головѣ, по щекамъ, раздавала имъ конфекты, какъ добрая бабушка, или просиживала цѣлые часы, не обнаруживая ни усталости, ни нетерпѣнія, въ классахъ, на дѣтскихъ экзаменахъ, разсматривала ихъ рисунки, тетрадки, рукодѣлья.

Чтобъ дополнить эти тонкія и поминутныя ея проявленія неистощимаго въ любви сердца, надо еще прочесть интересную книгу подъ заглавіемъ „Павловскъ“ [2]). Это подробная до мелочей исторія всѣми нами любимаго и посѣщаемаго городка, составленная по порученію нынѣшняго владѣльца его, великаго князя Константина Николаевича и изданная въ прошломъ году, еще съ большею роскошью и изяществомъ, нежели „Очеркъ дѣятельности попечительнаго совѣта“. Обѣ книги можно назвать близнецами по изданію: онѣ вышли изъ одной типографіи.

Книгою „Павловскъ“ не только пріятно, какъ изящнымъ альбомомъ, украсить столъ или этажерку, но и необходимо имѣть ее; какъ гидъ, всякому посѣтителю или жителю Павловска, желающему внимательно осмотрѣть все замѣчательное. Въ книгѣ все есть: все указано, обо всемъ упомянуто и почти все нарисовано. Каждая аллея, почти каждое дерево, имѣютъ свою исторію, не говоря о дворцахъ, памятникахъ, музеяхъ, библіотекѣ. Даже прибавленъ каталогъ замѣчательныхъ книгъ. И какая иллюстрація пейзажей, дворцовъ, монументовъ!

И опять надъ всѣмъ этимъ господствуетъ тотъ же свѣтлый образъ царицы — нѣтъ, просто женщины, той же самой, какою она

---

[1]) „Хроника недавней старины. Изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго“. Спб., 1877.

[2]) Павловскъ, очеркъ, исторія и описаніе, 1777—1877, Спб., 1877.

является у одра больныхъ въ „Очеркѣ“, въ пріютахъ и школахъ, ею созданныхъ. Устраивая свое царское гнѣздо, она среди заботъ, строительства, насажденія садовъ и всякихъ сопряженныхъ съ этимъ трудовъ, пишетъ къ управляющему ея „милымъ Павловскомъ“, посылая деньги, чтобъ онъ наградилъ крестьянъ, коловшихъ ледъ, и донесъ ей, „не заболѣлъ ли кто-нибудь изъ нихъ“. Въ другомъ письмѣ приказываетъ всякій разъ доносить ей, и даже посылать нарочнаго, если кто-нибудь изъ жителей города „опасно занеможетъ“. Узнавъ, что у крестьянки пала корова, она велитъ дать ей лучшую корову со своей фермы.

У ней, какъ у царицы, были конечно пажи; что они дѣлали между прочимъ? Когда она гуляла верхомъ или пѣшкомъ, дежурный пажъ шелъ съ ея бумажникомъ и кошелькомъ. При встрѣчѣ съ крестьянкой, съ крестьяниномъ, она останавливала ихъ, разспрашивала о житьѣ-бытьѣ, о нуждахъ. Нужды конечно всегда были (когда же ихъ не бываетъ у крестьянъ!) и всегда пажъ выдавалъ деньги, сколько нужно, а часто (сказано въ одномъ мѣстѣ книги) она давала больше, нежели сколько требовалось.

А съ дѣтьми какая неистощимая нѣжность и ласка! Когда они во время спектакля, бала, вообще праздника во дворцѣ, тѣснились снаружи, глядя въ окна, она вводила ихъ въ залу, ставила впереди зрителей, ласкала, кормила лакомствомъ!

Можно сказать, разумѣется, что все это хорошія, но мелкія черты, которыя не чужды многимъ, болѣе или менѣе состоятельнымъ людямъ и въ простомъ быту. Совершенно справедливо: добрыхъ людей, слава Богу, не мало на свѣтѣ! Но эти „мелочи“ приводятся здѣсь только, какъ черты не должностной, по ея положенію царицы, а личной непрестанной и живой доброты женскаго сердца.

Но вотъ и не мелочи. Устраивая себѣ мѣсто лѣтняго отдохновенія, она тутъ же устроила и школу, и богадѣльню, и больницу. Потомъ послѣ войны содержала тамъ на свой счетъ тысячу раненныхъ солдатъ, завела пріютъ для инвалидовъ, основала капиталъ для поощренія крестьянскихъ работъ и т. п. Между тѣмъ, она нерѣдко сама... нуждалась въ деньгахъ. Она занимала, изворачивалась, соблюдала экономію, строго вникала въ счеты издержекъ по постройкамъ и т. д.

Еще одна послѣдняя мелочь въ родѣ горчичнаго зерна. Гуляя въ паркѣ, она встрѣтила одну извѣстную ей даму съ глухонѣмымъ мальчикомъ и разспросивъ, узнала, что въ семействѣ мальчика есть еще двое глухонѣмыхъ дѣтей. На другой день она опять встрѣтила эту даму и сказала ей, что этотъ мальчикъ „не далъ ей уснуть всю ночь“.

Это сказала простая, добрая, нѣжная женщина, а царица вслѣдъ за этою встрѣчею написала за границу и вызвала спеціалиста по воспитанію глухонѣмыхъ.

Вскорѣ послѣ того въ Павловскѣ собрано было нѣсколько глухонѣмыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ: это былъ зародышъ или зерно обширнаго, всѣмъ извѣстнаго учрежденія училища глухонѣмыхъ на Гороховой улицѣ.

Какъ бы ни было развито въ человѣкѣ сознаніе долга, но оно одно не могло бы побуждать ее сходить ежедневно съ своего царскаго пьедестала, наклоняться къ одру больныхъ, заглядывать въ дѣтскіе пріюты и школы и написать цѣлую литературу писемъ— тѣ томы, о которыхъ упомянуто выше, все объ одномъ и томъ же, что билось у ней въ сердцѣ и поглощало ея умъ.

Письма ея къ Нелединскому-Мелецкому, кромѣ главнаго своего обаянія, душевной красоты, полны еще тонкой граціи просвѣщеннаго женскаго ума. Это литературные образцы эпистолернаго жанра по тонкости мыслей, игривости пера и того abandon, которое свойственно интимной перепискѣ. Но мягкость, доброта преобладаютъ надъ всѣмъ и въ каждомъ словѣ изливается на всѣхъ, кто попадетъ подъ ея перо. Всѣмъ выпадаетъ на долю поклонъ, ласковое слово и всегда готовность сдѣлать добро. Звукъ сердечной доброты слышенъ даже въ ея выговорахъ по службѣ. Сколько такихъ писемъ, писанныхъ ею ко многимъ другимъ лицамъ, должно храниться или въ дворцовыхъ архивахъ, или при дѣлахъ ея учрежденій. Надо думать, что эти сокровища ума и души необыкновенной женщины оберегаются какъ святыня, заботливыми руками отъ тлѣнія и забвенія и тщательно собранныя и пересмотрѣнныя когда-нибудь, можетъ быть, даже скоро, увидятъ свѣтъ! Ими надо дорожить, имъ нѣтъ цѣны.

Эти письма, гдѣ она сама повѣствуетъ о себѣ, да книги, о которыхъ говорится здѣсь, и подобныя имъ, послужатъ драгоцѣнными матеріалами ея исторіографу, для увѣковѣченія памяти о геніи добра, воплотившемся въ свѣтломъ образѣ лучшей изъ женщинъ, какія только являлись въ человѣчествѣ.

Эту память мы обязаны соблюсти свято и передать нашимъ дѣтямъ, чтобъ, прежде всего, не понести отъ нихъ упрека, а они въ свою очередь завѣщаютъ его, какъ примѣръ и назиданіе дальнѣйшимъ поколѣніямъ".

7-го января 1883 г.

Если Вы, многоуважаемый, Андрей Александровичъ, а равно и Василій Алексѣевичъ, не найдете неудобнымъ, то нельзя ли въ

ближайшемъ № *Голоса* [1]), напримѣръ завтра, напечатать прилагаемое письмо?

Меня продолжаютъ поздравлять съ юбилеемъ посѣтители, также письмами и телеграммами, причемъ всѣ упрекаютъ *девять музъ* [1]) за умолчаніе.

Я полагаю, что прилагаемое письмо разъяснитъ дѣло и положитъ этому конецъ.

Кромѣ того мнѣ надо какъ-нибудь поблагодарить моихъ благожелателей, а отвѣчать на ихъ письма я, какъ видите, не могу—(пишу, глядя въ сторону)—и потому выражаю благодарность печатно, черезъ Вашу газету. Тутъ же объясняю опредѣлительно и болѣзнь глазъ, мѣшающую писать.

Извините и примите мой искренній поклонъ.

Вашъ

И. Гончаровъ.

Въ „Голосѣ“, № 8, 8-го января 1883, стр. 2, можно читать слѣдующее:

„Мы получили отъ И. А. Гончарова слѣдующее письмо:

„М. г. Андрей Александровичъ. Въ „Голосѣ“ было извѣщено объ исполнившемся въ прошломъ 1882 году пятидесятилѣтіе моей литературной дѣятельности и о привѣтствованіи меня по этому случаю небольшою группою лицъ, въ томъ числѣ и Вами самими. Вслѣдъ за этимъ появились въ печати и устно послышались съ разныхъ сторонъ лестныя и драгоцѣнныя для меня укоризны, обращаемыя къ вышеозначеннымъ лицамъ, въ томъ, что о моемъ литературномъ пятидесятилѣтіи не было повѣщено въ публикѣ и что этотъ маленькій праздникъ совершился въ тѣсномъ кругу немногихъ лицъ, какъ бы втихомолку, а не болѣе публично, какъ это обыкновенно дѣлается.

„Позвольте же мнѣ черезъ вашу же газету эти, неправильно обращаемыя къ означеннымъ лицамъ укоризны, направить на настоящій путь: онѣ всецѣло относятся ко мнѣ одному. Узнавъ стороною о намѣреніи нѣкоторыхъ литераторовъ устроить въ честь мою юбилейный обѣдъ, я обратился къ нимъ съ энергическою и убѣдительнѣйшею просьбою, не только отмѣнить это намѣреніе, но и не предавать его гласности. Меня къ тому побуждало, сверхъ собственнаго сознанія маловажности моего литературнаго значенія, еще особенно и состояніе моего здоровья, которое давно заставляетъ меня

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

избѣгать многолюдныхъ собраній и всякихъ сильныхъ, хотя бы и пріятныхъ впечатлѣній и ощущеній.

Эта моя просьба была уважена, и рѣшено было, какъ я узналъ послѣ, сократить юбилейный праздникъ до размѣровъ обѣда въ тѣсномъ кругу около двадцати болѣе или менѣе близкихъ мнѣ лицъ.

Этому воспрепятствовала, какъ и было заявлено въ „Голосѣ“, внезапно постигшая меня, въ первыхъ числахъ декабря, болѣзнь глазъ, происшедшая отъ непрестаннаго чтенія, особенно при вечернемъ освѣщеніи. Однимъ глазомъ я совсѣмъ пересталъ видѣть, въ другомъ почувствовалъ боль. Это продолжается и понынѣ, не смотря на всѣ принятыя врачами мѣры. Мнѣ строго воспрещены чтеніе, писаніе и всякія сильныя волненія. Въ такомъ положеніи, конечно всякія намѣренія почтить меня какимъ-нибудь торжественнымъ выраженіемъ сочувствія, по случаю моего юбилея, должны были остаться только въ проектѣ. Затѣмъ произошло то, что Вамъ очень хорошо извѣстно и что описано въ вашей газетѣ, т. е. что нѣсколько участниковъ проекта, въ томъ числѣ и вы, зная о моей болѣзни глазъ, неожиданно для меня почтили меня, въ послѣдній день прошлаго года, своимъ посѣщеніемъ и приношеніемъ подарка.

„Въ заключеніе я пріятнѣйшимъ долгомъ считаю засвидѣтельствовать здѣсь чувства величайшей моей признательности всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя уже выразили, и другимъ, которыя еще продолжаютъ выражать дорогое мнѣ сочувствіе къ моему перу. Къ сожалѣнію, я могу исполнить этотъ долгъ только печатно, лишенный возможности, по причинѣ означенной болѣзни глазъ, отвѣчать на посѣщенія посѣщеніями и на письменные привѣты собственноручными письмами.

Примите и проч.

И. Гончаровъ.

14-го января 1883 г.

Извините, многоуважаемый Андрей Александровичъ, что опять безпокою Васъ просьбою напечатать прилагаемыя строки. Вы, вѣроятно, и сами рѣшите, что мнѣ нельзя не сдѣлать этого. Авось онѣ не опоздаютъ къ завтрашнему № газеты.

Примите мой искренній поклонъ

И. Гончаровъ.

P. S. Глазу моему не только не лучше, но еще хуже: я чувствую въ немъ ревматическую боль.

„Прилагаемыя строки“ Гончарова были напечатаны въ № 15 „Голоса“ за 1883 г., 15-го января, стр. 2:

И. А. Гончаровъ, глубоко тронутый провозглашеніемъ тоста за его здоровье на обѣдѣ бывшихъ студентовъ московскаго университета, 12-го января, и за присланную ему телеграмму, пріятнѣйшимъ долгомъ считаетъ засвидѣтельствовать душевную признательность г. г. предсѣдателю комитета, распорядителямъ и всѣмъ участвовавшимъ въ обѣдѣ—за оказанныя ему честь и вниманіе, крайне сожалѣя, что болѣзнь воспрепятствовала ему самому раздѣлить годичную трапезу своихъ сотоварищей по ученью.

[Безъ указанія числа].

Милостивый Государь!

Спѣшу вручить Вамъ очерки русской литературы на англійскомъ языкѣ. Если вы найдете, что замѣтка написанная мною не достаточна и не полна, Вы поступите согласно Вашему усмотрѣнію.

Прошу принять увѣреніе въ уваженіи къ Вамъ [1])

И. Гончаровъ.

Х. И. А. Гончаровъ—сотрудникъ дѣтскаго журнала.

20 января 1858 г.

Вотъ и визитъ къ Вамъ, почтеннѣйшій Давидъ Ивановичъ [2]) но личностью своею безпокоить Васъ не стану, а только оставлю свою статью для дѣтскаго журнала *Подснѣжникъ* [3]), съ покорнѣйшею просьбою просмотрѣть, подписать и вручить посланному изъ типографіи Кулиша: онъ придетъ часовъ въ шесть.

Извиняюсь, что безпокою Васъ и свидѣтельствую Вамъ мое почтеніе и преданность.

И. Гончаровъ.

Эта записка, хранящаяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, весьма цѣнна тѣмъ, что указываетъ на двѣ статейки И. А. Гончарова, хотя и подписанныя авторомъ (*И. А. Гончаровъ*), но ускользнувшія до сихъ поръ отъ вниманія всѣхъ его биб-

---

[1]) За отсутствіемъ всякихъ хронологическихъ данныхъ не удалось намъ опредѣлить, была ли напечатана замѣтка Гончарова, о которой рѣчь идетъ въ этомъ письмѣ. Мы не знаемъ также, кому въ точности это письмо, находящееся среди писемъ къ А. А. Краевскому, было адресовано.

[2]) Давидъ Ивановичъ Мацкевичъ (1819—1859), цензоръ Санктъ-Петербургскаго Цензурнаго Комитета и писатель.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

ліографовъ [1]). Онѣ были напечатаны въ дѣтскомъ журналѣ „Подснѣжникъ“, за 1858 г., подъ общимъ заглавіемъ: „Два случая изъ морской жизни“ И. А. Гончарова [2]). Одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ общія размышленія о морской жизни. Другая же содержитъ два разсказа, относящіеся, первый къ послѣднимъ числамъ января 1854 г. (описаніе шквала), второй къ іюню того же года (фрегатъ сѣлъ на мели въ Татарскомъ проливѣ) [3]).

XI. Сотрудничество И. А. Гончарова въ сборникѣ „Братская Помочь“.

ноября 1875 г.

Многоуважаемый Андрей Александровичъ!

Вновь глубоко сожалѣю я, что у меня самого нѣтъ въ настоящее время ничего подходящаго изъ моихъ сочиненій для литературнаго сборника въ пользу славянъ [4]), но желая хоть косвенно оказать мое содѣйствіе этому благому дѣлу, я постарался найти лучшую меня замѣну—и старанія мои увѣнчались успѣхомъ.

Прилагаю при этомъ стихотвореніе графа *А. К. Толстого* [5]), сообщенное мнѣ, по просьбѣ моей, графиней С. А. [6]), его вдовой. „*Земля цвѣла* [5]). *Въ лугу весной одѣтомъ* [5])“... и т. д. [7]) Его можно бы было назвать „*Лебединая пѣснь* [5])“: оно послѣднее, написанное во время болѣзни. Послѣ онъ ничего не писалъ. Но я не уполномоченъ на это названіе. Самъ графъ, говорятъ, называлъ его, шутя, *морфиновымъ* [5]), т. е. писаннымъ въ то время, когда онъ началъ лечиться морфіемъ.

---

[1]) См. „Русская словесность“ А. В. Мезіера, ч. II, Спб., 1902, стр. 62—63;—Сборникъ второго отдѣленія Импер. Академіи Наукъ, т. LXXXVI. „Обзоръ трудовъ русскихъ писателей“ Д. Д. Языкова, вып. XI, Спб., 1909, стр. 27—41.—„Собраніе сочиненій С. А. Венгерова“, т. V, Спб., 1911. стр. 234—237.

[2]) „Подснѣжникъ, журналъ для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ, издаваемый В. Н. Майковымъ“, 1858, кн. 2, стр. 25—41, и кн. 3, стр. 2—25. Замѣтимъ кстати, что Гончаровъ цензуровалъ „Подснѣжникъ“ за 1858—59 годы и за январь 1860-го года

[3]) Первый разсказъ можно было бы помѣстить между III-ей и IV-ой главами, а второй въ концѣ VI-ой главы 2-ой части „Фрегата Паллада“.

[4]) Т. е. предполагаемый къ печатанію, по предложенію В. И. Ламанскаго, сборникъ подъ заглавіемъ „Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины“ (изд. петербургскаго отдѣла Славянскаго Комитета, Спб., 1876, въ типографіи А. А. Краевскаго).

[5]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[6]) Графиня Софія Андреевна Толстая, урожденная Бахметева.

[7]) См. это стихотвореніе въ „Полномъ собраніи сочиненій гр. А. К. Толстого“, изд. Маркса, т. I, Спб., 1907, стр. 435—436.

Посмотрите, какая это прелесть!

Въ этихъ нѣжныхъ, тихихъ, какъ шепотъ, звукахъ, въ неуловимыхъ, навѣянныхъ весною ощущеніяхъ, въ послѣднемъ вздохѣ умирающаго поэта высказывается творческая тайна его души. Какъ это глубоко таинственно и обаятельно!

При этомъ же письмѣ прилагаю еще небольшой очеркъ, одну черту характеристики самого поэта, но самую лучшую, свѣтлую черту его и личности и поэзіи. Это черта благородной симпатіи его къ правдѣ, гдѣ бы онъ ее ни находилъ. Лучше и проще выразить эту прекрасную черту души и поэзіи графа, кажется, нельзя, какъ это выражено въ небольшомъ очеркѣ, съ приведеніемъ многихъ стиховъ поэта, свидѣтельствующихъ объ этой чертѣ.

Авторъ очерка князь Д. Н. Цертелевъ [1]) (родственникъ графа) сообщилъ мнѣ обязательно, по моему предложенію, эти страницы—для славянскаго же сборника.

Мнѣ казалось, что помѣщеніе въ одной книгѣ съ послѣднимъ стихотвореніемъ поэта, и этого, писаннаго такъ искренно, умомъ и чувствомъ, истолкованія лучшей стороны его личности—было бы очень умѣстно.

Впрочемъ, если бы коммиссія по изданію сборника [2]) не раздѣлила этого моего мнѣнія относительно включенія очерка кн. Цертелева въ сборникъ, то я буду покорнѣйше просить Васъ, Андрей Александровичъ, по возможности, въ непродолжительномъ времени—препроводить мнѣ рукопись обратно для возвращенія автору—и вообще не оставить меня безъ отвѣта о распоряженіи коммиссіи.

Прилагаю здѣсь же и записку ко мнѣ графини С. А., при которой доставлено мнѣ стихотвореніе ея мужа.

---

[1]) Кн. Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ (1852—1911), докторъ лейпцигскаго университета, поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ философъ, посвятившій Шопенгауеру свои важнѣйшіе труды („Философія Шопенгауера, ч. I: теорія познанія и метафизика“, Спб., 1880; „Современный пессимизмъ въ Германіи, очеркъ нравственной философіи Шопенгауера и Гартмана, М., 1885; „Эстетика Шопенгауера“, Спб. 1888). Кн. Д. Н. Цертелевъ переписывался съ И. А. Гончаровымъ: см. его письмо объ „Обрывѣ“ и весьма любопытный отвѣтъ И. А. Гончарова на это письмо въ приложеніи къ „Новому Времени“ 24-го марта 1912 г., № 12943, стр. 16—18. См. также о немъ некрологическую статью Э. Радлова въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ новая серія, ч. XXXV, 1911, октябрь, современная лѣтопись, стр. 88—89

[2]) Коммиссія по изданію сборника „Братская Помочь“ состояла изъ А. Ѳ. Бычкова, Н. В. Гербеля, Ѳ. М. Достоевскаго, А. А. Краевскаго, В. И. Ламанскаго, А. Н. Майкова, О. Ѳ. Миллера, А. В. Никитенки и Н. Н. Страхова; секретаремъ коммиссіи былъ Н. А. Тизенгаузенъ (см. предисловіе къ „Братской Помочи“, стр. 7).

Конечно эта записка (такъ же какъ и мое письмо), не подлежа оглашенію, послужатъ коммиссіи только, какъ документы, уполномачивающіе печатать стихотвореніе графа.

Въ случаѣ, если бы изданіе сборника почему-нибудь (чего Боже сохрани) не состоялось, я надѣюсь, что коммиссія не забудетъ возвратить мнѣ стихи для передачи графинѣ.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

29 ноября [1875 г.].

По отправленіи къ Вамъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, давича въ торопяхъ отвѣта, я вторично взглянулъ въ Ваше письмо ко мнѣ—и съ удивленіемъ прочелъ, что Вы упоминаете о какой-то, доставленной будто *мною статьи о гр. Толстомъ и его стихотвореніи* [1]).

Мнѣ приходитъ въ голову мысль: не прислана ли Вамъ какая-нибудь статья о графѣ, принятая Вами за мою? Ибо я кромѣ его стихотворенія „*Земля цвѣла*“ [1]) и еще басни *Пруткова* [1])—никакой статьи не доставлялъ.

Надѣюсь, письмо мое, которымъ сопровождалась эта доставка—отнюдь не можетъ и не должно считаться статьей, т. е. какимъ-нибудь литературнымъ истолкованіемъ поэзіи присланныхъ стиховъ.

Да тамъ и ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ, довольно неясныхъ словъ о стихотвореніи, вырвавшихся у меня подъ вліяніемъ только что прочтенныхъ стиховъ. Это мое личное минутное впечатлѣніе, печати вовсе не подлежащее.

Если бы моя догадка была основательна, т. е. если бы Вы на мое безпорядочное письмо, сопровождавшее доставку стиховъ—взглянули, какъ на нѣчто въ родѣ статейки, могущей быть напечатанною при стихахъ—но позвольте Вамъ выразить мое *положительнѣйшее желаніе и убѣдительнѣйшую просьбу* [1]) не давать никакого оглашенія *ни моему письму, ни моему посредничеству* [1]) въ доставленіи сборнику этихъ стиховъ, т. е. просто *не упоминать во всемъ этомъ дѣлѣ моего имени* [1]).

Я хлопоталъ единственно потому, что, не имѣя ничего дать своего, я хотѣлъ послужить дѣлу хоть косвенно и представить лучшую, вмѣсто себя, замѣну. Вотъ и все.

Вмѣшиваться мнѣ тутъ, какъ „дорожной мухѣ“, вовсе не при-

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

стало—и это умаляло бы заслугу графини, вдовы поэта—такъ усердно отозвавшейся на просьбу и *Сборника* [1]) и Литтер[атурнаго] [2]) *фонда* [1]) (чтеніе стиховъ на вечерѣ).

Надѣюсь, что Вы раздѣлите и вполнѣ уважите мои желанія.

Если же Вы скажете, что у Васъ ничего подобнаго въ виду не было, т. е. считать мое письмо за *статью* [1]), тогда опять я спрошу, какую же *статью* [1]) разумѣли Вы, которую я будто бы доставилъ, вмѣстѣ со стихами графа. Нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь ошибки? Я *ничего* [1]) не присылалъ *кромѣ стиховъ* [3]).—До удовольствія свиданія

Вашъ

Гончаровъ.

Суббота, 29 ноября [1875 г.].

Не могу сказать навѣрно—можно ли мнѣ завтра вечеромъ быть у Васъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, зане (какъ говоритъ К. Прутковъ) у всѣхъ почти знакомыхъ назначены свободными днями воскресенья—и мнѣ приходится по очереди бывать, то у тѣхъ, то у другихъ. Можетъ быть, если никуда не нужно идти, то приду къ Вамъ и съ удовольствіемъ.

Но какъ это не совсѣмъ вѣрно, и если Вы пожелаете меня видѣть, то я завтра же, по обыкновенію, буду дома отъ 3 до 5 часовъ до обѣда.

Кстати поспѣшаю при этомъ препроводить къ Вамъ стихотвореніе (изъ славянскихъ преданій), присланное мнѣ изъ Одессы

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ: „кромѣ стиховъ“. Какъ это ни странно, но Гончаровъ, кажется, забылъ о томъ, что прислалъ А. А. Краевскому статью князя Д. Н. Цертелева.—Стихотвореніе гр. А. К. Толстого было напечатано въ „Братской Помочи“ (стр. 34—35) съ слѣдующей замѣткою редакціи: „Это стихотвореніе графа А. К. Толстого было написано имъ весною 1875 года, во Флоренціи, когда жизнь его уже близилась къ концу. Послѣ этого произведенія онъ не писалъ ничего. Это была его лебединая пѣснь [см. вышеприведенное письмо Гончарова], послѣдній поэтическій помыселъ и вздохъ. Подъ вліяніемъ весеннихъ ощущеній, поэта, среди болѣзни и страданій, осѣнилъ внезапный покой; силы его на минуту ожили вмѣстѣ съ природой. Но онъ былъ уже чуждъ внѣшнему міру, или, по словамъ его, умеръ для „тревогъ“ и „злобы дня“ и остался только „чутокъ къ поэтическому трепету своей души“. Въ нѣжныхъ звукахъ лиры онъ высказалъ свою творческую тайну, угадавъ въ ней „соглашеніе творчества“ съ этимъ внезапно-нисшедшимъ на него „покоемъ“.—Статья кн. Д. Н. Цертелева была напечатана вслѣдъ за послѣднимъ стихотвореніемъ гр. А. К. Толстого („Братская Помочь“. стр. 36—39) подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о графѣ А. К. Толстомъ“.

вчера Г-мъ *Хитрово*, авторомъ, для славянскаго сборника. Онъ генеральный русскій консулъ въ Константинополѣ и женатъ на племянницѣ графа Толстого.

Но это послѣднее обстоятельство не должно стѣснять издательскую коммиссію, если она не найдетъ почему-либо нужнымъ печатать стихотвореніе [1])

До свиданія
Вашъ
Гончаровъ.

XII. Три письма И. А. Гончарова къ А. А. Краевскому, написанныя въ декабрѣ 1866-го года [2]).

1866 г., 21 декабря.

Дѣйствительно, я читалъ у И. М. Т. [3]) три отрывка, по просьбѣ графини, но это даже не отрывки, а выдержки, до того связанныя съ цѣлымъ, что при чтеніи я долженъ былъ дополнять связь разсказомъ о томъ, что находится въ романѣ, т. е. излагать почти всю задачу. Напечатать этого нельзя, или надо совсѣмъ иначе обработать эти статьи, а я еще не знаю самъ, какъ они [4]) должны выйти въ цѣломъ, котораго нѣтъ [5]).

Понедѣльникъ, 26-го декабря [1866 г.]

Я, кажется, нашелъ очень хорошее средство, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ—привести въ приличный видъ беллетристическій отдѣлъ *Отеч[ественныхъ] Записокъ* [6]) и желалъ бы,

---

[1]) Прилагаемое къ письму Гончарова стихотвореніе г. Хитрово не было напечатано въ сборникѣ „Братская Помочь".

[2]) Эти письма такъ же, какъ и предыдущія, входятъ въ собраніе писемъ къ А. А. Краевскому, находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[3]) Можетъ быть у тогдашняго министра почтъ и телеграфовъ графа Ивана Матвѣевича Толстого, братъ котораго Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой былъ членомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати одновременно съ Гончаровымъ въ 1866—67 годахъ. О гр. И. М. Толстомъ см. „Русскую Старину", 1896, т. LXXXV, кн. 1, стр. 139—140, примѣчаніе З. О Ѳ. М. Толстомъ см. отзывъ И. А. Гончарова въ его письмѣ къ кн. Д. Н. Цертелеву отъ 16-го сентября 1885 г. (Приложеніе къ „Новому Времени" 24-го марта 1912 г., № 12943, стр. 18).

[4]) Такъ въ подлинникѣ.

[5]) Это „цѣлое", о которомъ пишетъ здѣсь Гончаровъ, несомнѣнно неоконченный тогда романъ „Обрывъ".

[6]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

чтобъ Вы узнали короче ту личность и также повѣрили ей, какъ я вѣрю ея вкусу и образованію, а я давно ее знаю—и мысль о ней мнѣ пришла черезъ пять минутъ послѣ того, какъ Вы ушли. Но я однако же не откажусь отъ содѣйствія ей, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, пока Вы увидите, что дѣло идетъ и безъ меня. Самъ я боюсь за свои глаза и много читать не могу, особенно рукописей. Завтра или послѣ завтра—я зайду къ Вамъ часу въ первомъ на пять минутъ поговорить объ этомъ—прикажите впустить меня. А до тѣхъ поръ желаю Вамъ желаемаго исхода изъ случившихся съ Вами тѣснотъ и остаюсь преданный [1]).

И. Гончаровъ.

29-го декабря [1866 г.].

Будущая Ваша сотрудница, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, явится въ назначенное время, т. е. въ воскресенье. Она съ удовольствіемъ принимаетъ на себя знакомое ей дѣло, для котораго она изощрила вкусъ на чтеніи русской и еще четырехъ иностранныхъ литературъ [2]). Трудолюбіе же ея равняется трудолюбію и аккуратности Ефрема Ефр.—этимъ сказано все. Она также принимаетъ и условіе, т. е. 50 руб. въ мѣсяцъ, а если бы Вамъ понадобилась еще передѣлка компиляціи или переводы по части исторіи и литературы [2]), то она—великая мастерица и также положится и въ этихъ трудахъ, относительно вознагражденія, на добросовѣстную и опытную Вашу оцѣнку. Она очень скромна, робка и тогда только разговорится съ Вами, когда покороче познакомится.

Я хотѣлъ только предупредить Васъ, что если до воскресенья зайдетъ къ Вамъ ея родитель, то Вы скажите ему просто глухо, что я Вамъ говорилъ о его дочери, и что вѣроятно Вы будете посылать ей иностранныя книги для просмотра или извлеченія—вѣроятно, онъ послѣ этого и не будетъ мѣшать ей. А о томъ, чѣмъ собственно будетъ она заниматься, лучше ему не говорить. Она

[1]) Это письмо такъ же, какъ и слѣдующее, не представляетъ особеннаго интереса для исторіи русской литературы: оно приводится здѣсь лишь потому, что оно свидѣтельствуетъ объ одной хорошей чертѣ Гончарова, въ которой иногда сомнѣвались его біографы, именно о его услужливости. См. письмо къ А. Г. Тройницкому отъ 9-го іюня (1-го іюля) 1868 г., въ которомъ Гончаровъ хлопочетъ о назначеніи въ инспектрисы Николаевскаго Института бывшей у своихъ сестеръ гувернантки Варвары Лукинишны Лукьяновой; см. также письмо къ Аннѣ Александровнѣ Музалевской отъ 18-го апрѣля (вѣроятно 1878 г.), въ которомъ онъ предлагаетъ „попросить въ министерствѣ юстиціи...“ для своего илемянника („Вѣстникъ Европы“ 1908, кн. 12, стр. 454 и стр. 444).

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

бы и вовсе ничего не сказала дома, и отъ нея трудно добыть—но нельзя вовсе скрыть отъ домашнихъ сношеній съ редакціей, и потому скажите глухо и неопредѣленно,—да тѣмъ и кончите.

Вѣдь онъ это такъ, отъ праздности вмѣшается куда не нужно, а потомъ и потонетъ опять въ своемъ всеобъемлющемъ равнодушіи и лѣни.

Мнѣ сегодня Туруновъ [1]) сказывалъ, что Вы послѣдовали моему совѣту повидаться съ А. Г. Тр. [2]), и остались довольны. И я очень доволенъ и буду доволенъ вполнѣ, когда Вы добьетесь желаемаго результата и успокоитесь.

Въ самомъ скоромъ времени явится къ Вамъ и Некрасовъ, который продолжаетъ злобствовать за понесенный Вами погромъ и убытки [3]).

До свиданія.

Вашъ

И. Гончаровъ.

XIII. И. А. Гончаровъ лѣтомъ 1873 г.

4 іюля [1873 г.].

Я съ перваго числа аккуратно получаю *Голосъ:* за то, что не забыли желаніе старика—да благословитъ Васъ Св. Андрей Критскій—съ днемъ котораго нынѣ Васъ привѣтствую.

Вашъ

Гончаровъ.

---

[1]) Михаилъ Николаевичъ Туруновъ, членъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

[2]) Такъ въ рукописи.—Гончаровъ имѣетъ несомнѣнно въ виду тогдашняго Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Г. Тройницкаго.

[3]) Гончаровъ намекаетъ, по всей вѣроятности, на непріятныя дѣла А. А. Краевскаго съ цензурою. См. разсказъ о дѣлѣ И. В. Острикова въ „Запискахъ и дневникѣ“ А. В. Никитенки, т. II, Спб., 1905, стр. 272—275, и въ особенности, на стр. 272, подробное примѣчаніе М. К. Лемке. Въ этомъ дѣлѣ Гончарову пришлось сильно стыдиться своей робости: „Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, писалъ А. В. Никитенко 16-го января 1866 г., что сдѣлаетъ судъ по дѣлу Краевскаго. Самъ товарищъ министра видитъ большой промахъ въ этомъ дѣлѣ со стороны министерства. Онъ съ жаромъ выговаривалъ это** [Гончарову], который былъ тутъ же и отвѣчалъ, что же ему было дѣлать? У него ни горла, ни легкихъ не хватило кричать противъ рѣшенія совѣта, да и при томъ, какъ тутъ поступать, когда дѣлается внушеніе свыше, т. е. со стороны министра. Тройницкій сильно напалъ на это послѣднее выраженіе. Мнѣ даже жаль стало бѣднаго ** [Гончарова]“. „Записки и дневникъ“ А. В. Никитенки, т. II, стр. 274).

7 іюля [1873 г.].

Съ 15-го іюня и до 15-го іюля—тянутся печальные дни моего покаянія, поста и расплаты за весь годъ.

.... Неволя и затворничество мое кончаются 15-го іюля при послѣднемъ стаканѣ Крейцбрунна, но постъ будетъ продолжаться до августа и совпадетъ съ Успенскимъ постомъ. Ни ягоды, ни огурца, ни фрукта никакого, а также и ни пирога вообще, а имянинnаго въ особенности.

Горькая участь, не позволяющая мнѣ отлучиться отъ дома на 20 верстъ до Павловска и воздать подобающую честь Вашимъ да и роднымъ пенатамъ и между прочимъ Святому Андрею Критскому.

Всячески и много кланяюсь.

Вашъ

Гончаровъ.

XIV. Отношеніе И. А. Гончарова къ своимъ произведеніямъ въ письмахъ къ В. В. Стасову.

17 августа 1882 г.

Въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ, поспѣшаю сообщить Вамъ, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ [1]), что изъ моихъ сочиненій переведенъ на нѣмецкій языкъ, не знаю кѣмъ, кажется, только одинъ „Обломовъ“. Этотъ переводъ я видѣлъ лѣтъ 12 тому назадъ, гдѣ-то въ Германіи, въ витринѣ книгопродавца [2]).

Къ этому прибавлю, что ко мнѣ обращались не разъ, между прочимъ кто-то въ Петербургѣ, за разрѣшеніемъ на переводъ и другихъ моихъ сочиненій, и особенно „Обрыва“. Я всѣмъ давалъ одинъ отвѣтъ: что „разрѣшать“ переводъ я считаю очень не скромнымъ со стороны автора, а „запрещать“ не признаю за собой никакого права и такимъ образомъ предоставляю гг. переводчикамъ поступать относительно перевода моихъ сочиненій, какъ имъ заблагоразсудится [3]).

---

[1]) Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, библіотекарь художественнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки. Приведенныя здѣсь письма Гончарова къ нему хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

[2]) Гончаровъ имѣетъ несомнѣнно въ виду слѣдующій переводъ „Oblomow, russisches Lebenbild. Deutsch von B. Horsky“. Vol. I—II, Leipzig, 1868.

[3]) Таково въ самомъ дѣлѣ было всегда отношеніе Гончарова къ переводчикамъ его сочиненій. См., напримѣръ, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ два его письма къ B. Cordte, изъ Юрьева, по поводу предполагаемаго нѣмецкаго перевода „Литературнаго вечера“. (Имп. Публ.

Вообще я полагаю, что переводъ русскихъ сочиненій чисто національнаго характера, мало извѣстнаго за границею, не заинтересуетъ европейскихъ читателей: такъ, напримѣръ, фигура „Обломова“, или т. п. типа, имъ покажется едва понятною и мало занимательною [1]).

По этому я и отношусь къ попыткамъ передавать на иностранные языки русскихъ беллетристовъ довольно равнодушно.

Во всякомъ случаѣ благодарю Васъ за любезное посредство и прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

27-го октября 1888 г.

Многоуважаемый
Владиміръ Васильевичъ!

Вы такъ категорически заявили желаніе получить отъ меня для храненія въ Императорской Публичной Библіотекѣ какія-нибудь черновыя рукописи моихъ, уже напечатанныхъ сочиненій, что я, послѣ довольно энергическаго возраженія, наконецъ уступилъ. „Не спорь съ В. Стасовымъ“ завѣщалъ Тургеневъ [2])—и „злу не противься“, поучаетъ графъ Левъ Толстой. Я и не спорю болѣе между прочимъ потому, что я слишкомъ слабый противникъ для Васъ, и у Васъ, конечно, на „беззащитныя сѣдины не поднялася бы рука“. Не „противлюсь и злу“, потому что особеннаго зла въ Вашемъ требованіи не вижу, кромѣ только того, что не совсѣмъ понимаю причину этого требованія. Не исполнить послѣднее—даже довольно трудно: это все равно, если бъ Вы попросили у меня стараго изношеннаго платья—и я бы отказалъ, а старая рукопись—не то же ли самое, что изношенное платье? Когда-то давно покойный

Библ., 12—VIII—2718). См. также письмо, или вѣрнѣе пересказъ письма Гончарова къ Teodor de Wyzewa въ сборникѣ статей Teodor de Wyzewa: „Ecrivains étrangers. Deuxième série“, Paris, 1897, стр. 207—208.

[1]) Князь П. Кропоткинъ держится противоположнаго мнѣнія о „національномъ характерѣ“ Обломова. „Несомнѣнно, пишетъ онъ, что *обломовщину* нельзя разсматривать, какъ расовую болѣзнь. Она существуетъ на обоихъ континентахъ и подъ всѣми широтами...“ См. „Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ“ П. Кропоткина, переводъ В. Батуринскаго, съ англійскаго, подъ редакціей автора, Спб., 1907, стр. 176.

[2]) Гончаровъ намекаетъ здѣсь очевидно на только что опубликованное тогда письмо И. А. Тургенева къ В. В. Стасову отъ 15/27-го января 1875 г. См. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1888, кн. 10, стр. 172.

профессоръ Никитенко тоже предложилъ мнѣ представить въ публичную библіотеку одну изъ моихъ рукописей—и на мое удивленіе и на мой вопросъ „зачѣмъ“ не могъ отвѣчать опредѣлительно.

Другое дѣло рукописи—Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова—и подобныхъ имъ, просвѣтителей и пролагателей новыхъ путей въ литературѣ, могучихъ піонеровъ русскаго слова—ихъ рукописи и любопытны, и иногда нужны для сличенія варіантовъ и т. д. У Пушкина—этого отца русскаго искусства въ словѣ [1]) было два прямыхъ наслѣдника—Лермонтовъ и Гоголь, породившіе цѣлую плеяду насъ, дѣятелей 40-хъ, 60-хъ годовъ, съ Островскимъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, Салтыковымъ и т. д. А затѣмъ уже начался (говоря астрономически) млечный путь, цѣлый безконечный хвостъ, который тянется и до днесь. „Что думается мнѣ, если бы всѣ эти дѣятели слова нанесли свои черновыя рукописи въ Публичную Библіотеку—стѣны ея не вмѣстили бы такого архива“; пришлось бы строить зданіе за зданіемъ. Этому „злу“, кажется мнѣ, можно и должно воспротивиться.

Какъ бы то ни было, но я исполняю, какъ видите, Ваше требованіе и даже, по выраженному Вами же желанію, прилагаю и мою *карточку-портретъ* [2]) къ моимъ рукописямъ—все это подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ и именно: чтобы, вмѣстѣ съ рукописями, хранить и это мое письмо къ Вамъ, *какъ свидѣтельство, что я не самъ, самолюбиво, съ претензіей постучался въ двери библіотеки и принесъ свои рукописи, а побужденъ былъ къ тому Вашимъ желаніемъ* [2]), стало быть желаніемъ отчасти самой Библіотеки, ибо Вы составляете ея часть, будучи библіотекаремъ. Если со временемъ появленіе въ ней моихъ рукописей будетъ сочтено неумѣстнымъ—я желалъ бы, чтобы отвѣтственность за то пала не на меня.

Прилагаю при этомъ:

1. Черновую, собственноручную мою рукопись *Обломова*, всю за исключеніемъ главы *Сонъ Обломова* [2]). Эта глава была напечатана, въ видѣ отрывка, въ *Литературномъ Сборникѣ* [3]), изданномъ при

---

[1]) Ср. слова Гончарова въ его автобіографіи: „Живѣе и глубже всѣхъ поэтовъ пораженъ и увлеченъ былъ Гончаровъ поэзіей Пушкина въ самую свѣжую и блистательную пору силы и развитія великаго поэта и въ поклоненіи своемъ остался вѣренъ ему навсегда, несмотря на позднѣйшее, тѣсное знакомство съ корифеями французской, нѣмецкой и англійской литературъ“ („Русская Старина“, 1911, т. CXLVIII, кн. 10, стр. 38).

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Курсивъ нашъ.—Литературный сборникъ съ иллюстраціями изданъ редакціей „Современника“, Спб., въ тип. Эдуарда Праца, 1849, стр. 211—252: Сонъ Обломова, эпизодъ изъ неоконченнаго романа И. А. Гончарова.

Современникъ [1]), въ 1848 или 1849 году—*не помню* [1]), и отъ того вѣроятно была вынута изъ черновой рукописи. Вся рукопись конечно подверглась кореннымъ измѣненіямъ въ печати, какъ видно изъ поправокъ и безчисленныхъ измѣненій въ текстѣ. Между прочимъ тутъ въ черновой первой части есть какое-то вводное лицо *Почаевъ* [1]), которое во 2-й части исчезаетъ; его нѣтъ и въ печатномъ романѣ.

Обломовъ [1]) начатъ былъ въ 1846-мъ году [2]), когда я сдалъ въ редакцію *Современника* [1]) первый романъ *Обыкновенную Исторію* [1]). Написавъ первую часть—я отложилъ ее въ сторону—и не касался продолженія до 1857-го года. Въ промежутокъ этотъ я плавалъ вокругъ свѣта, возилъ и 1-ю часть *Обломова* [1]) съ собой, но не писалъ, а обрабатывалъ въ головѣ, и параллельно [3]) обдумывалъ и другой романъ *Обрывъ* [4]), планъ котораго родился у меня въ 1849-мъ году на Волгѣ, гдѣ я провелъ лѣто. Уже въ 1857-мъ году, когда я поѣхалъ на воды, я кончилъ 2-ю, 3-ю и 4-ю части *Обломова* [1]) за одинъ присѣстъ, въ *Маріенбадѣ* [1]), гдѣ оставался, противъ правилъ, около 2-хъ мѣсяцевъ—и только послѣднія главы окончилъ зимой въ Петербургѣ.—Вотъ исторія писанія Обломова [4]).

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Можетъ быть „Обломовъ“ былъ *задуманъ* въ 1846 г., но едва-ли онъ былъ *начатъ* тогда. Память, по всей вѣроятности, измѣнила Гончарову. Ср. то, что онъ самъ писалъ въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ Тимма въ 1859 г.: „Въ 1845 и 1846 году онъ (т. е. Гончаровъ) написалъ романъ *Обыкновенная исторія*, который былъ помѣщенъ въ февральской и мартовской книжкахъ „Современника“ 1847 года. *Въ 1848 году задумалъ планъ* большаго романа „Обломовъ“ и *написалъ въ 1849 году первую часть...*“ Ср. также статью „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ (Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, изд. Маркса, Спб., 1899, т. I, стр. 43—44): „Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда задумывался и писался этотъ романъ, я еще не могъ вполнѣ ясно глядѣть въ слѣдующій періодъ, который не наступалъ, но предчувствія котораго жили уже во мнѣ, потому что *вскорѣ послѣ напечатанія*, въ 1847 году въ „Современникѣ“, *Обыкновенной Исторіи—у меня въ умѣ былъ готовъ планъ Обломова*, а въ 1848 г. (или 1849 г.—*не помню*) я помѣстилъ въ „Иллюстрированномъ Сборникѣ“ и „Сонъ Обломова“—эту увертюру всего романа... Ср. также: „Тутъ [*въ 1849 г.*] толпой хлынули ко мнѣ старыя знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій патріархальный бытъ, и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства—все это залегло мнѣ въ голову и почти *мѣшало кончать* „Обломова“, *котораго написана была первая часть*, а остальныя гнѣздились въ головѣ...“ (Тамъ же, стр. 38).

[3]) Такъ въ рукописи.

[4]) Ср. вышеуказанныя мѣста статьи „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ и автографіи Гончарова.

2. *Литературный вечеръ* [1]). Прилагается тоже черновая моя рукопись этого разсказа, который былъ напечатанъ въ журналѣ *Русская рѣчь* [1])—не помню въ которомъ году [2]). А потомъ помѣщено въ полномъ собраніи моихъ сочиненій.

3. Прилагаю также нѣсколько главъ изъ *Обрыва* [1]). Но откровенно говоря, я желалъ бы, чтобъ это не оставалось въ Библіотекѣ: эта рукопись *подлежитъ уничтоженію* [1]). Я посылаю ее *на всякій случай, на ваше усмотрѣніе* [1]). Это сборъ переписанныхъ другими лицами и исправленныхъ мною главъ изъ разныхъ мѣстъ романа, есть тутъ между прочимъ и лишнія, не вошедшія въ печатный текстъ главы; есть и одинъ печатный вырѣзокъ изъ „Современника“, гдѣ была, въ видѣ отрывка, напечатана одна изъ главъ романа [3]) задолго до появленія (кажется въ 60-хъ годахъ) цѣлаго въ *Вѣстникѣ Европы* [1]) 1869 года.

Вотъ все, чѣмъ могу отвѣтить на Ваше приглашеніе, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, представить въ библіотеку мои черновыя рукописи. Да не осудятъ меня въ самомнѣніи и нескромности. У меня ихъ нѣтъ.

Примите выраженіе моего искренняго къ Вамъ уваженія и преданности.

Иванъ Гончаровъ.

Мы не собираемся дать здѣсь подробнаго разсмотрѣнія этихъ рукописей, несомнѣнно представляющихъ очень большой интересъ. Читатель найдетъ относящійся къ этому матеріалъ въ подготовляемомъ къ печати нашемъ общемъ этюдѣ о Гончаровѣ.

А. А. Мазонъ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) „Литературный вечеръ“ былъ напечатанъ впервые въ „Русской Рѣчи“ за 1880 г., кн. 1, стр. 1—89. Оно помѣчено *сентябремъ 1877 г.*

[3]) „Современникъ“, 1860, т. LXXIX, кн. 2, стр. 409—454: „Софья Николаевна Бѣловодова (пять главъ изъ романа: *Эпизоды изъ жизни Райскаго*)“. Отрывокъ подписанъ: Ив. Гончаровъ, и помѣченъ 1859-мъ годомъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXV [1]).

Въ послѣднія минуты нашего отъѣзда изъ столицы фатальный образъ Мурада игрою случая, какъ въ сновидѣніи, мелькнулъ передо мной. Это было такъ. Шлюпка, перевозившая насъ къ пароходу, выбираясь изъ толчеи гавани, едва не врѣзалась носомъ въ большой двадцативесельный каикъ, мчавшійся отъ дворцовой пристани Чирагана по направленію къ Принцевымъ островамъ.

— Падишахъ!—въ благоговѣйномъ ужасѣ прошепталъ лодочникъ-турокъ и сильнымъ гребкомъ откинулся назадъ.

Она имѣла видъ прелестной игрушки, эта султанская яхточка: балдахинъ пурпуроваго цвѣта осѣнялъ весь ея корпусъ изъ лакированнаго дерева, великолѣпно разрисованнаго и украшеннаго тонкой рѣзьбой; гребцы въ бѣлыхъ, роскошныхъ костюмахъ и красныхъ фескахъ съ длинными, золотыми кистями дополняли эффектъ.

Теченіемъ насъ заставило держаться минуту, другую подъ угломъ къ ней, благодаря чему я хорошо видѣла сидѣвшаго въ кормѣ на подушкахъ несчастнаго Мурада: что-то несказанно жалкое, безпомощное во всемъ его обликѣ и дикій, растерянный взглядъ произвели на меня крайне грустное, тяжелое впечатлѣніе, а низко опущенная голова такъ ясно выражала, какимъ страшнымъ гнетомъ давила ее корона Османовъ. Вокругъ него размѣщались въ непринужденныхъ позахъ сановники и адъютанты; но въ противоположность мрачному настроенію своего повелителя они, видимо,

[1]) См. „Русская Старина“, май 1912 г.

чувствовали себя прекрасно. Между ними находилась большая тогда знаменитость, Редивъ-бей: онъ первый, какъ уже было извѣстно, арестовалъ покойнаго Абдулъ-Азиса и собственноручно перерѣзалъ ему пульсовыя вены—отсюда и пошла его слава...

Въ пути, изъ разговоровъ съ пассажирами я узнала, что больного султана каждый день утромъ и вечеромъ катали по Босфору якобы для того, чтобы разсѣять досадные слухи, ходившіе въ народѣ, о его сумашествіи.

Итакъ, мы вернулись домой въ наше тихое убѣжище, вѣчно зеленый, цвѣтущій Хіосъ, самый очаровательный уголокъ классическаго Архипелага.

Ровно черезъ три мѣсяца послѣ майскаго переворота, почти даже число въ число, моя тетушка и я сидѣли вдвоемъ, такъ же какъ въ тотъ историческій день, у открытаго окна, выходившаго на сѣверъ, и лѣниво просматривали газеты, гдѣ по-прежнему тянулась безконечная сказка о вѣроломныхъ дѣйствіяхъ генерала Игнатьева на Балканахъ...

Стоялъ жаркій полдень. Природа, истомленная зноемъ, дремала въ ослѣпительныхъ лучахъ огненнаго диска, горѣвшаго на южномъ небосклонѣ; раскаленный воздухъ трепеталъ, создавая эффекты миражей надъ горизонтомъ; но въ комнатѣ было такъ уютно, такъ прохладно отъ близости моря, что хотѣлось забыть весь міръ, ровно ни о чемъ не думать, а только любоваться изумрудной волной, сонливо шуршавшей у основанія дома.

Какъ вдругъ оглушительный ревъ канонады съ валовъ крѣпости, а также съ материка изъ Чесмы раскатился грознымъ эхомъ и наполнилъ отъ земли до неба всю атмосферу.

Что такое? опять какое-нибудь важное событіе: побѣда турецкихъ войскъ, султанскій фирманъ или еще что-то необыкновенное?!

— Тафти-бей!—распахивая двери и пропуская впередъ адъютанта Кіамиль-паши, доложилъ кавасъ.

Я не вскрикнула, потому что не хватило голоса, и вотъ лишь на одно мгновеніе блеснулъ мнѣ прямо въ глаза суровый, холодный до жестокости взглядъ, а затѣмъ густая, туманная пелена опустилась между нами.

— Пожалуйте за мной въ кабинетъ—мужъ тамъ! — отчетливо прозвучали слова Marie, и шаги стали удаляться.

Ошеломленная, словно ударомъ грома, я не двигалась: только въ ушахъ невыносимо больно раздавался шумъ выстрѣловъ, да яркія, огнистыя точки и спирали назойливо мелькали предо мной: онѣ дрожали, сливались, уплывали и снова зажигались вездѣ. Наконецъ головокруженіе прекратилось.

— Итакъ все кончено! Значитъ, я сама легкомысленно прошла мимо счастія!—съ неудержимой быстротой надвигались мысли, а въ груди колотилось сердце, какъ птица, запутавшаяся въ сѣтяхъ ловца; но я поняла тогда же съ поразительной ясностью, что бороться съ роковой страстью къ этому человѣку для меня было уже невозможно...

— Теперь я знаю, почему Ибрагимъ не исполнилъ своей клятвы, — болѣзненно ныло въ душѣ: — это возмездіе, конечно, за Египетъ и его ревнивыя подозрѣнія—ахъ, если бы умереть сейчасъ!...

— Поздравляю тебя съ новымъ султаномъ, Eugénie!—улыбаясь, сказала мнѣ тетушка, вернувшись изъ кабинета, гдѣ оставила Тафти съ дядей: — ну, отгадай кто? Аа!.. протянула она, мѣняя тонъ, замѣтивъ на моемъ лицѣ еще не остывшіе слѣды жестокаго потрясенія: — что съ тобой?.. а мы думали, и намъ казалось... Въ такомъ случаѣ придется отправить тебя во Францію на нѣсколько мѣсяцевъ—другого исхода не вижу пока...

Уѣхать изъ Хіоса и потерять все, даже иллюзію—нѣтъ! нѣтъ! Но еще болѣе ужаснула меня перспектива жизни у ея родственниковъ, чопорныхъ ханжей, знаменитой въ Лангедокѣ семьи d'Antin, замокъ которыхъ представлялъ собою настоящую цитадель святыхъ отцовъ Игнаціо Лойолы, выселенныхъ тогда изъ Парижа, и гдѣ время проводилось только въ рамкахъ католической набожности.

— Тетя!—вскрикнула я, не помня себя, охваченная снова приступомъ дурноты и падая на колѣни: — клянусь вамъ, ничего уже нѣтъ, и рѣшительно ничего не осталось между нами — вы сами развѣ не замѣтили сейчасъ, что онъ даже не раскланялся со мной хотя бы изъ приличія... ну, я также ненавижу его!..

— Да успокойся, ради Бога — вѣрю тебѣ, вѣрю и радуюсь сердечно, если ты дѣйствительно образумилась,—говорила моя добрая, великодушная тетушка, съ нѣжнымъ порывомъ обнимая меня: — а теперь уходи къ себѣ,—добавила она, прислушиваясь къ голосамъ въ кабинетѣ:—онъ сейчасъ пройдетъ здѣсь, мимо...

Горько и темно было на душѣ, что приходилось бѣжать отъ встрѣчи съ тѣмъ, кого хотѣлось бы видѣть всегда...

Къ пяти часамъ меня позвали въ столовую: туда уже явились приглашенные обѣдать у насъ синьоръ Паскуа; духовникъ тети Магіе патеръ Вентура, недавно вернувшійся изъ командировки въ Римъ съ громаднымъ запасомъ политическихъ сплетенъ, и плантаторъ Варваци, имѣвшій дѣловыя сношенія черезъ наше агентство по экспорту въ Россію оливковаго масла. Разговоръ держался, конечно, на тему о новомъ султанѣ. Оффиціальное извѣщеніе, переданное дядѣ Тафти-беемъ, комментировались на всѣ лады. Я также

заглянула въ него и прочла буквально то же самое, что и 30 мая: только имя лишеннаго Оттоманской короны было Мурадъ V, а восшедшаго на тронъ полумѣсяца Абдулъ-Гамидъ II. Въ другой бумагѣ отдѣльно заключалось любезное приглашеніе на раутъ къ 8-ми часамъ вечера 2 сентября.

Это захватило меня врасплохъ, и горячая волна хлынула къ сердцу:—я увижу его: онъ будетъ тамъ,—проносилась въ головѣ, озаряя глубину моей души лучемъ надежды...

Что представлялъ собой Абдулъ-Гамидъ, кто онъ и откуда явился на горизонтѣ міровой исторіи, такъ какъ о существованіи его большинство населенія даже не подозрѣвало? Вотъ тѣ вопросы, которые пока еще не находили себѣ отвѣта. Правда, что переворотъ этотъ никого не поразилъ удивленіемъ: такъ или иначе, а его ожидали съ минуты на минуту; но людямъ, не посвященнымъ въ софистическіе извороты и всякія мудреныя лазейки дипломатіи, казалось чрезвычайно страннымъ и необъяснимымъ, почему либеральная партія, съ Мидхатъ-пашою во главѣ, желавшая сама помимо султана заправлять дѣлами государства, не удержала на престолѣ такого монарха, лучше котораго для ея честолюбивыхъ затѣй нельзя было бы нарочно придумать, да еще любимаго всемогущей Англіей?

Наши гости спорили, волновались, но загадку такъ никто и не разгадалъ.

Зато на другое утро, едва мы проснулись, а волны Эгейскаго моря уже принесли намъ цѣлый ворохъ удивительныхъ вѣстей, подслушанныхъ ими въ голубомъ Босфорѣ: „его величество Абдулъ-Гамидъ“,—разсказывала Константинопольская пресса:—всегда былъ убѣжденнымъ и фанатичнымъ поклонникомъ самой широкой конституціи съ неограниченнымъ равноправіемъ для всѣхъ безъ исключенія народностей въ Оттоманской державѣ...

Затѣмъ, при дальнѣйшемъ чтеніи мы узнали, какъ говорится, всю подноготную „либеральнаго“ султана, и вотъ что оказалось: въ началѣ кризиса, когда дѣйствительно уже стало невозможнымъ скрывать безуміе Мурада, то въ дворцовыхъ сферахъ рѣшено было предложить корону популярному Юсуфъ-Иззедину, любимцу и кумиру турецкой арміи; но это не отвѣчало политикѣ британскаго кабинета и диктаторскимъ стремленіямъ Мидхатъ-паши. Тогда по камертону изъ Лондона на арену борьбы вышелъ никому невѣдомый принцъ Гамидъ, и переворотъ совершился подъ звуки хвалебнаго гимна европейскаго концерта державъ, а репортеры газетъ, не жалѣя типографскихъ красокъ, рисовали его духовный обликъ съ такой убѣдительной точностью, какъ будто бы они десятки лѣтъ проживали съ нимъ въ одной комнатѣ.

Режиссеръ этой дипломатической оперетки, Мидхатъ-паша, также увѣрялъ публику, что новый султанъ на протяженіи всего царствованія Абдулъ-Азиса тайно принадлежалъ къ партіи „Молодая Турція“ и называлъ его избавителемъ страны отъ Московскаго варварства, идеаломъ конституціоннаго монарха, обѣщая за него переустройство государства на принципахъ свободы и равенства христіанъ съ мусульманами.

Съ чего однако Европѣ пригрезилось тогда, что Абдулъ-Гамидъ исповѣдывалъ *credo* парламентаризма—остается вопросомъ и по сіе время нерѣшеннымъ?

Когда же этотъ проникнутый якобы насквозь западными идеями младотурокъ внезапно и рѣзко повернулъ фронтъ, обнаруживъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ абсолютной власти, то разочарованные мечтатели въ глубокомъ изумленіи спрашивали другъ друга: „какъ могло такъ случиться: мы же собственными руками усадили на престолъ западника, а вдругъ оказался восточный деспотъ?! Интересно, кто кого одурачилъ—неужели русская дипломатія поумнѣла? Ну, нѣтъ! куда ей тамъ, убогой, прозѣвавшей даже Абдулъ-Азиса—здѣсь, конечно, не ея разума дѣло; тогда кто же? кто? Непостижимо!..

Но удивляться пришлось не слишкомъ долго: на Берлинскомъ конгрессѣ узнали, наконецъ, гдѣ именно и у кого изъ нашихъ добрыхъ сосѣдей, выражаясь нѣмецкой поговоркой: „была зарыта собака“...

Впрочемъ, объ этомъ ниже, а пока возвращаюсь къ рауту 2 сентября у Кіамиль-паши.

Глава XXVI.

Итакъ, Мурадъ V, процарствовавъ ровно 3 мѣсяца и еще одинъ день, ушелъ съ политической сцены, блеснувъ на ней яркимъ метеоромъ, и угасъ такъ же, какъ это огненное явленіе въ темной глубинѣ пространства. Его запрятали въ роскошную, великолѣпную тюрьму, Чираганскій дворецъ, окружили женщинами, евнухами, шпіонами и внушительнымъ по численности карауломъ изъ албанцевъ, черкесовъ, арнаутовъ, зейбековъ—туркамъ Абдулъ-Гамидъ просто не вѣрилъ, и къ охранѣ своей личности никогда ихъ не допускалъ: онъ твердо помнилъ, что туалетная вещица его замученнаго дяди могла бы пригодиться и для него...

Къ сказанному времени пылъ увлеченія федераціей Архипелага уже замѣтно поостылъ въ дѣловой прозѣ жизни населенія Хіоса; но

громъ пушекъ 31 августа разбудилъ дремавшія страсти, и все опять перемѣшалось въ хаосѣ политиканства.

Вечеромъ 2 сентября мы отправились на раутъ; въ пріемномъ залѣ конака было душно и чрезвычайно тѣсно благодаря необычайному наплыву пріѣзжихъ изъ Чесмы, Самоса, Лемноса, Патмоса и съ острововъ, подвластныхъ хіосскому вилайету, приглашенныхъ Кіамиль-пашою для участія въ торжествѣ.

Мнѣ даже не удалось раскланяться съ хозяиномъ дома, такъ какъ добраться къ нему не имѣлось никакой возможности. Слѣдуя за теченіемъ массы въ толпѣ, я невольно уходила впередъ отъ тети Магіе и, продвигаясь все дальше, попала такимъ образомъ въ галлерею, куда выходилъ рядъ дверей изъ канцеляріи губернатора [1]). Здѣсь было не такъ людно и прохладнѣе, чѣмъ въ залахъ.

Вдругъ какая-то посторонняя сила, чего я никогда не могла себѣ объяснить, безъ всякаго участія моей воли и сознанія толкнула меня къ одному изъ оконъ съ глубокой нишей или, выражаясь правильно, съ тѣмъ, что мы называемъ „фонарикомъ“—излюбленное архитектурное добавленіе на Востокѣ. И вотъ тамъ, въ невѣрномъ освѣщеніи красныхъ и зеленыхъ лампіоновъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, я увидѣла, наконецъ, Тафти: онъ стоялъ у открытой рамы и курилъ сигару. Не размышляя и не помня себя отъ жестокаго волненія, я бросилась туда, къ нему; но холодный, сухой взглядъ былъ отвѣтомъ на мой горячій неудержимый порывъ...

— Только не здѣсь, убѣдительно прошу васъ! Нельзя ли также безъ эффектовъ на глазахъ у людей?...—въ рѣзкой, довольно грубой интонаціи произнесъ онъ и, нервнымъ движеніемъ отстранивъ меня, направился къ выходу въ корридоръ, соединявшій, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, галлерею съ флигелемъ, гдѣ помѣщался кабинетъ Вафиръ-бея, его пріятеля и задушевнаго друга.

Маневръ Тафти я поняла. А такъ какъ любовь всегда находчива, то мнѣ и удалось, не привлекая къ себѣ вниманія публики, скользнуть туда же вслѣдъ за нимъ.

Я догнала его въ тотъ именно моментъ, когда онъ уже открывалъ двери въ канцелярію секретаря:

— Пожалуйте!—съ аффектированной торжественностью, пропуская меня впередъ, сказалъ Тафти и угрюмо добавилъ:

— На скромность моего друга можете разсчитывать вполнѣ.

Комната, куда мы вошли, освѣщалась лампой, горѣвшей на

---

[1]) Въ губернаторскихъ конакахъ обыкновенно сосредоточены всѣ учрежденія вилайета.

столѣ, заваленномъ грудами бумагъ, въ которыхъ Вафиръ-бей торопливо разбирался.

Ни малѣйшаго удивленія не отразилось въ его чертахъ, когда наши глаза встрѣтились, а напротивъ мнѣ даже показалось, что ему было еще раньше извѣстно объ этомъ. Минуту—другую спустя онъ вышелъ, захвативъ какой-то портфель, и мы остались вдвоемъ.

— Если не ошибаюсь вамъ, кажется, угодно разсказать мнѣ о вашихъ странствіяхъ во всѣ концы земного шара—не такъ ли? Интересно! проговорилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь и раскланиваясь передо мной съ дѣланной церемонностью.

— Тафти, мой обожаемый, ты сердишься, но за что? за что? Ты разлюбилъ уже меня?!. А! вотъ она твоя любовь и твоя клятва?!— спрашивала я, глотая слезы и протягивая руки, чтобы обнять его.

Онъ повернулъ ко мнѣ лицо, искаженное злобой, хотѣлъ что-то сказать, но голосъ у него сорвался.

Секунду длилось молчаніе, и это мгновеніе пронеслось надо мной кошмарнымъ сномъ...

Наконецъ, повидимому, Тафти овладѣлъ собой: бѣшеная вспышка уступила вдругъ мѣсто плохо маскированной ироніи высокомѣрнаго тона, и поразилъ меня такою рѣчью:

— Прежде всего, mademoiselle, имѣю честь напомнить вамъ, что я не хедивъ Египта, не сановникъ Оттоманской Имперіи, а только ничтожный армейскій поручикъ безъ всякой опредѣленной карьеры въ жизни и, такимъ образомъ, не партія для благородной европеянки, прибывшей сюда, къ намъ, азіатамъ конечно съ болѣе широкими перспективами... Однако, почему, напримѣръ и не такъ: развѣ Чираганская англичанка лучше, красивѣй, достойнѣй васъ—о, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! но между тѣмъ она была любимой женой Мурада V...

— Какое дикое сравненіе!—перебила я, раздражаясь:—тамъ шахматная игра дипломатіи, но здѣсь только любовь: мнѣ ровно ничего не надо, кромѣ твоего сердца!..

— Не вѣрю! не вѣрю!—стискивая зубы точно отъ сильной боли и вздрагивая, какъ въ лихорадкѣ, говорилъ Тафти:—но какъ ты сама не задыхаешься въ этой атмосферѣ лжи и коварства? Теперь моя очередь сказать тебѣ: „вотъ она, твоя любовь и твоя клятва!“ Да, именно клятва!—повторилъ онъ: —а! забыла? Ну, тогда получи ее обратно—вотъ она чего стоитъ!—и порывисто сдернувъ съ обѣихъ рукъ перчатки, онъ швырнулъ ихъ мнѣ прямо въ лицо.

— Ай!—вскрикнула я, ошеломленная, точно ударомъ бича:—ты не смѣешь оскорблять меня, дьяволъ!

— Зато Измаилъ-паша будетъ ангеломъ, да еще съ крыльями

изъ золота и драгоцѣнныхъ камней! Впрочемъ, желаю вамъ успѣха, а также всякаго благополучія. Затѣмъ имѣю честь кланяться, прибавилъ онъ, дѣлая нѣсколько быстрыхъ шаговъ по направленію къ двери.

— Измаилъ-паша?! Что онъ тутъ? а! вспомнила! Но нѣтъ! нѣтъ!— пролетѣла мысль, и однимъ скачкомъ черезъ всю комнату я бросилась наперерѣзъ уходившему отъ меня счастію.

— Выслушай меня, умоляю! Это кошмаръ, созданный твоею ревностью и сплетнями изъ гаремовъ: ничего подобнаго нѣтъ, да и не могло быть!—шептали мои губы, такъ какъ звуки голоса не подчинялись мнѣ, а руки обвивались вокругъ его шеи.

— Хорошо!—съ нѣкоторымъ колебаніемъ согласился онъ:—въ такомъ случаѣ потрудитесь прежде всего оправдаться, а дальше увидимъ...

Тогда любовь подсказала мнѣ все: неотразимую убѣдительность доводовъ, нѣжное чувство и правильный тонъ въ освѣщеніи факта моего путешествія въ Египетъ. Удивленный, онъ принялся разспрашивать; но тѣнь облака все еще лежала на его прелестномъ лицѣ, пока я упражнялась въ краснорѣчіи.

И вдругъ опять какая-то другая, новая сила захватила огнемъ всю мою душу.

— Нѣтъ, уже поздно бороться съ тѣмъ, что опредѣлено безвозвратно волею судьбы!—выслушавъ меня, отвѣтилъ съ глубокимъ волненіемъ Тафти:—вотъ оно и случилось!—А теперь узнай же, наконецъ,—продолжалъ онъ съ недобрымъ блескомъ въ глазахъ:—что я, потерявъ надежду быть твоимъ мужемъ, перевелся въ штабъ арміи Мухтаръ-паши и уѣзжаю на Балканы—мы разстаемся навсегда, такъ какъ война съ Россіей у насъ считается только вопросомъ дня—слѣдовательно...

Онъ не договорилъ; но мнѣ показалось, что всѣ громы небесные обрушились на мою голову...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія о Е. Д. Полѣновой.

I.

Много болѣе десяти лѣтъ прошло со смерти талантливой художницы Елены Дмитріевны Полѣновой; но яркій, сильный образъ этой замѣчательной женщины остался живымъ въ моемъ воспоминаніи. Дочь просвѣщенныхъ, преданныхъ искусству и наукѣ, родителей, Полѣнова не встрѣчала препятствія своему стремленію учиться. Не знала она и необходимости работать изъ-за куска хлѣба, но обыденная, хотя и содержательная жизнь не удовлетворяла молодую дѣвушку, въ ней горѣлъ священный огонь, который заставлялъ ее искать все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, все новыхъ и новыхъ знаній.

Воспитанная дома, подъ руководствомъ лучшихъ учителей, занимаясь исторіей и археологіей со своимъ отцомъ, Е. Д. выдерживаетъ экзаменъ на домашнюю учительницу. Интересуясь занятіями братьевъ въ университетѣ, она увлекается юридическими и математическими науками и усваиваетъ ихъ настолько, что могла бы сдать экзамены наравнѣ съ братьями. Въ то же время она проходитъ курсъ рисованія въ школѣ Общества Поощренія Художникамъ, беретъ частные уроки живописи, сначала у Чистякова, потомъ у Крамского.

Нѣсколько разъ ѣздитъ Е. Д. за границу, занимается въ мастерской Шаплена; много времени проводитъ она въ деревнѣ, гдѣ пишетъ съ натуры и изучаетъ бытъ народа, даже собирается стать народной учительницей. Въ 1877-мъ г. Полѣнова бросаетъ всѣ свои планы и занятія, отправляется въ Кіевъ, гдѣ ея сестра завѣдывала временнымъ госпиталемъ для раненыхъ, и тамъ, съ само-

отверженіемъ отдается уходу за больными. Возвратившись послѣ окончанія войны въ Петербургъ, Е. Д. посѣщаетъ женскіе медицинскіе курсы, устраиваетъ у себя курсъ рисованія, преподаетъ въ школѣ Литейно-Таврическаго кружка Общества вспоществованія бѣднымъ женщинамъ, близко сходится съ Надеждой Васильевной Стасовой. Все, что въ то время волнуетъ и занимаетъ общество, ей близко, во всемъ она принимаетъ участіе.

Однако, въ концѣ концовъ, Полѣнова все-таки отдалась спеціально искусству, вновь поступила въ школу Общ. П. Х., гдѣ занялась керамикой. Она кончила курсъ съ медалью и была послана Обществомъ за границу для усовершенствованія въ этой отрасли искусства. Въ Парижѣ она работала подъ руководствомъ извѣстнаго спеціалиста этого дѣла Егорова, посѣщала разныя фабрики и мастерскую знаменитаго Дека. По возвращеніи она была избрана преподавательницей школы и нѣсколько времени руководила въ ней классомъ керамики.

Вотъ краткій перечень, такъ сказать, учебныхъ годовъ этой замѣчательной женщины, которая бралась за все съ необыкновенной страстностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и силой воли, дающей выдержку.

Семейныя обстоятельства заставили Полѣнову переѣхать въ Москву, гдѣ ей суждено было примѣнить къ дѣлу накопившійся у нея богатый художественный матеріалъ. Здѣсь Е. Д. попала въ тѣсный кружокъ даровитыхъ художниковъ, собиравшихся у ея брата В. Д. Полѣнова и у С. И. Мамонтова. Лѣто 1885 года она провела въ имѣніи Мамонтова Абрамцевѣ, въ той же средѣ товарищей художниковъ, къ которой присоединился и В. М. Васнецовъ. Въ то время въ русскомъ искусствѣ совершался переворотъ. Дошли до насъ заднимъ числомъ прерафаэлистическія теоріи запада, почувствовалось, что чисто реальное направленіе, которому долго слѣдовало наше искусство, не удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ души человѣческой, поднялась реакція противъ слишкомъ матеріалистическихъ и космополитическихъ тенденцій. Художники оглянулись на далекое прошлое, захотѣли отыскать источники чисто русскаго искусства и отъ нихъ идти новымъ путемъ. Чтобы достичь такого возрожденія надо было исходить не отъ имѣющихся подъ рукой полотенецъ, чашекъ, иконъ, а отъ тѣхъ міровоззрѣній, тѣхъ чувствъ, которыя вдохновляли древнихъ художниковъ и давали имъ возможность влагать въ свои произведенія то, что трогаетъ и потрясаетъ насъ до сихъ поръ. Должно быть такая перемѣна направленія была серьезной потребностью въ исторіи нашего искусства и достаточно назрѣла, такъ какъ явился человѣкъ, который сдѣлался выразителемъ этого направленія. Онъ приблизился къ чувствамъ

монаховъ, расписывавшихъ стѣны монастырей въ XI, XII вѣкахъ, у него была чистая душа, была вѣра и энтузіазмъ. Это не могло не увлечь Полѣнову и, понятно, что, изъ окружающихъ ее художниковъ, Васнецовъ болѣе всѣхъ произвелъ впечатлѣніе на ея чуткую натуру.

Въ имѣніи „Абрамцево“ уже нѣсколько лѣтъ существовала столярная мастерская. „Рѣзьба“, писала Полѣнова, „какъ искусство, еще и теперь живущее въ народѣ, такое родное, такое свое дѣло для мальчика, взятаго изъ крестьянской семьи, что онъ ее чувствуетъ самъ собою и превосходно ее исполняетъ“. Надо было только дать ему хорошіе образцы, и на это обратилъ Васнецовъ вниманіе Елены Дмитріевны. Со свойственной ей энергіей принялась она за плодотворную дѣятельность. Вся пылая интересомъ, охватившимъ ее, она совершила путешествіе по Россіи, собирая по глухимъ деревнямъ произведенія русской старины, срисовывая то, что могло пригодиться для ея цѣли въ древнихъ церквахъ, составляя сама массу рисунковъ стильной мебели и утвари. Окраска древнихъ предметовъ отличается мягкостью тоновъ, простотой, далекой отъ кричащихъ эффектовъ, часть этой неизъяснимой прелести старыхъ вещей надо приписать патинѣ времени, но много зависитъ, кромѣ вкуса самихъ производителей, и отъ употреблявшихся ими красокъ, большею частью растительныхъ. И на это обратила вниманіе Полѣнова: она выпытывала у бабъ разные секреты и рецепты, потомъ сама добывала по нимъ краски, дававшія мягкіе и пріятные тона раскрашеннымъ подъ ея личнымъ руководствомъ абрамцевскимъ издѣліямъ.

Надо было слышать, съ какимъ восторгомъ говорила Е. Д. объ успѣхахъ учениковъ Абрамцевской школы, объ распространеніи ихъ работъ въ продажѣ, чтобъ понять, какъ горячо она относилась къ излюбленному дѣлу. Тутъ было не одно удовлетвореніе художника въ созданіи красивыхъ образовъ, но желаніе провести эти образы въ жизнь, разсыпать ихъ въ народѣ. Не навязывать крестьянину далекіе отъ него, чуждые ему образцы хотѣла Е. Д., а выбрать то, что ему близко, привычно: „цѣль наша“, говоритъ она въ одномъ письмѣ, „подхватить еще живущее народное творчество и дать ему возможность развернуться“. Эти прекрасныя слова вполнѣ характеризуютъ стремленія нашей художницы. Своими рисунками для деревянныхъ издѣлій, мебели, вышиваній, Полѣнова показала, какъ можно пріурочить къ современной жизни богатые мотивы народнаго русскаго творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возрождая старину въ томъ видѣ, какъ художница поняла и полюбила ее, Е. Д. создала нѣчто новое, сказала свое слово въ искусствѣ. Многіе остались бы до-

вольны такимъ результатомъ, но Е. Д. не могла имъ удовлетвориться, ей хотѣлось всего, ее все интересовало, все увлекало... У нея была удивительная способность находить интересъ во всемъ окружающемъ, она, для созданія своихъ художественныхъ произведеній, пользовалась каждымъ человѣкомъ, каждой былинкой въ природѣ. У какой-нибудь, никѣмъ другимъ не замѣченной, кухарки умѣла она выпытать типичные разсказы, заставить старухъ въ деревняхъ отъискивать и отдавать ей чуть не совсѣмъ изчезнувшее старье; во время ея путешествія по Россіи, около Е. Д. собирались ребята; пѣли, разсказывали сказки, она же записывала ихъ и тогда уже думала изъ этихъ разсказовъ создать тѣ иллюстрированныя русскія сказки, для которыхъ она, потомъ исполнила рядъ прекрасныхъ акварелей.

Бросалась въ глаза способность Е. Д. своей горячностью и силой иниціативы привести всѣхъ окружающихъ въ нужное ей настроеніе, приподнять ихъ энергію, подбодрить...

Стоявшая по уму и образованію выше большинства молодыхъ художниковъ, она, относясь къ нимъ съ равенствомъ товарища, незамѣтно направляла ихъ къ пріобрѣтенію нужныхъ имъ знаній, къ усовершенствованію ихъ способностей. Иногда, впрочемъ, она даже употребляла нѣкоторое насиліе надъ своими юными друзьями, по ихъ собственнымъ словамъ заставляла ихъ работать.

Осенью 1886-го года Е. Д. предложила своимъ товарищамъ, вмѣсто собраній для совмѣстнаго рисованія, отправляться осматривать старинныя церкви и зданія Москвы. Была составлена программа; передъ осмотромъ памятниковъ ихъ всесторонне изучали по имѣющимся увражамъ; въ вечернихъ собраніяхъ читались рефераты о видѣнномъ. Археологическія и историческія знанія Полѣновой были въ высшей степени драгоцѣнны при руководствѣ этими занятіями.

Подъ вліяніемъ Полѣновой составился въ 1895-мъ году кружокъ художниковъ, задавшійся мыслью устроить историческую народную выставку. Выставка именовалась „народной“, потому что должна была быть крайне дешевой (не больше 5-и к. за входъ) и носить характеръ поучительный, т. е. сюжеты изъ Библіи и древне русской исторіи были выбраны систематически и должны были изображать самые выдающіеся моменты исторіи или характеризовать бытъ древнихъ народовъ. Идея была всѣмъ симпатична, но Е. Д. была настоящей вдохновительницей самаго дѣла. Если историческая выставка и не состоялась, то приготовленія къ ней принесли много пользы, соединивъ художниковъ, давъ имъ возможность высказываться другъ передъ другомъ и поднимать интересные вопросы, дѣлавшіеся предметомъ жаркихъ споровъ.

Помню, разъ толковали о томъ, какъ слѣдуетъ трактовать пред-

ставляемые народу сюжеты: со стороны только дидактической или вмѣстѣ и художественной. Говорили, что для поученія народа надо писать плоскими тонами большія иллюстраціи, предлагали устроить мастерскія, гдѣ бы такія картины фабриковались общими усиліями, высказывали, что народъ не поймете сюжеты, трактованные слишкомъ субъективно и современно. Восторжествовало мнѣніе, которому сочувствовала и Полѣнова, гласившее, что то, что хорошо для насъ, хорошо и для народа, что выставка должна быть прежде всего художественная, что живописцы должны сами интересоваться своей работой, творить свободно, сообразно своимъ понятіямъ и чувствамъ; если одно и будетъ непонятно простолюдинамъ, за то другое привлечетъ ихъ вниманіе, и этотъ выборъ послужитъ указаніемъ для будущихъ выставокъ. Оживленіе было большое: ходили по музеямъ, читали, писали эскизы, выставляли ихъ; Сизовъ читалъ лекціи о древнерусскомъ костюмѣ... Къ сожалѣнію, это была кратковременная вспышка: къ сроку, назначенному для выставки, были готовы только немногія картины, и, къ чести женщинъ, онѣ принадлежали ихъ кисти. Выставку отложили до слѣдующаго года, но, послѣ отъѣзда Елены Дмитріевны за границу, всѣ какъ-то охладѣли, кружокъ раздѣлился и хорошее дѣло кануло въ Лету! Полѣнова, однако, кончила задуманныя картины: „Видѣніе Бориса и Глѣба одному изъ воиновъ“ Александра Невскаго и „Убіеніе Бориса“. Впослѣдствіи эти ея произведенія, вмѣстѣ съ другими, предназначавшимися для народной выставки, между которыми находились работы В. Д. Полѣнова, Э. Я. Шанксъ, Рерберга, Турлыгина, Головина и др., были выставлены въ Историческомъ музеѣ и, потомъ, на Смоленскомъ бульварѣ.

Въ то же время Е. Д. была занята заказами образовъ, эскизами для ковровъ, виньетокъ. Послѣ знаменитыхъ тулонскихъ дней, Н. В. Стасова попросила ее сдѣлать заставку для адреса, посылаемаго русскими женщинами французскимъ; по этому поводу Е. Д. писала: „мнѣ пріятно было, что, когда Надеждѣ Васильевнѣ понадобилась работа женщинъ, она подумала обо мнѣ“.

Неутомима была дѣятельность Е. Д. Мысль ея работала даже во снѣ: ей часто снились новые орнаменты или сочетанія красокъ, которые она, проснувшись, зарисовывала. Елена Дмитріевна разсказывала мнѣ, что она обладала цвѣтнымъ слухомъ (audition colorée) и что много орнаментовъ возставали въ краскахъ передъ ея глазами, во время исполненія музыкальныхъ пьесъ. Слушая совершенно незнакомую ей музыку, она зарисовывала одно за другимъ то, что появлялось ей такимъ образомъ и, въ концѣ, выходилъ окончательный и строго стильный рисунокъ.

II.

Въ концѣ 1887-го года, я познакомилась съ Е. Д. Полѣновой въ домѣ ея брата Василія Дмитріевича, съ которымъ я была давно знакома. Съ Еленой Дмитріевной мы сошлись не сразу: въ ней не было привѣтливости, милаго и одинаковаго вниманія къ каждому гостю, она была неровна въ обращеніи: то любезна, то рѣзка и, какъ мнѣ казалось, пренебрежительна.

Я заподозрѣла нѣчто, не только равнодушное, но даже не дружелюбное по отношенію ко мнѣ.

Я рѣшила прекратить знакомство съ ней и отказалась отъ ея приглашенія участвовать въ устраиваемыхъ ею вечернихъ занятіяхъ керамикой. Но я не выдержала характера: меня неудержимо тянуло туда, гдѣ говорятъ и спорятъ о моемъ любимомъ искусствѣ, тянуло къ Василію Дмитріевичу, котораго всегда цѣнила и любила; тянуло къ его матери Марьѣ Алексѣевнѣ Полѣновой. Что это была за чудесная старушка! Даже комната ея была проникнута особенной атмосферой, въ которой было уютно и легко дышать. Стариной вѣяло въ этой комнатѣ и любовью къ искусству: стоятъ старыя вещи, разбросаны коврики и подушки, на стѣнахъ акварельные портреты предковъ, масляныя копіи съ большихъ картинъ, работы Марьи Алексѣевны. И въ этой рамкѣ сидитъ она, прелестная старушка, съ выраженіемъ лица безконечно добрымъ и милымъ, встрѣчаетъ васъ съ ласковымъ привѣтомъ, съ чарующей улыбкой; все она про васъ помнитъ, обо всемъ участливо разспроситъ... Молодые люди льнули къ ней, она интересовалась ихъ дѣлами, давала имъ совѣты, радовалась ихъ успѣхамъ. Несмотря на очень преклонный возрастъ, она сохранила всю свѣжесть ума и умѣнье понимать современное и молодое. Тянуло меня, несмотря ни на что, и къ Еленѣ Дмитріевнѣ, дѣятельностью которой я восхищалась. И вотъ, послѣ долгаго времени, я рѣшилась побывать у Полѣновыхъ. На мое счастіе, Е. Д. была въ благодушномъ и оживленномъ настроеніи, втянула меня въ разговоръ, и вечеръ прошелъ для меня пріятно. Весною, передъ отъѣздомъ на югъ, я зашла проститься и застала только Е. Д. и ея матушку. Чайный столъ устроили на обсаженномъ деревьями дворикѣ и, въ этотъ мягкій весенній вечерокъ, мы мирно и хорошо поговорили по душѣ.

При болѣе близкомъ знакомствѣ я замѣтила, что настроеніе Е. Д. можетъ крайне быстро мѣняться, въ зависимости отъ ведущагося разговора: если послѣдній мало интересовалъ ее, она была молчалива, холодна и, будто, сердита, если болѣе—она оживлялась,

дѣлалась участливой и говорила горячо, красиво. Она не искала возбудить въ людяхъ то или другое чувство къ себѣ, она вся и всегда была проникнута своимъ дѣломъ, кто сочувствовалъ ему, тотъ и былъ ей дорогъ. „Я могу годами не бывать у человѣка“, говорила она мнѣ, „но, если меня что-нибудь заинтересуетъ, если явится какое-нибудь общее дѣло, то я приду, точно я съ нимъ вчера видѣлась“. Дѣйствительно, мы иногда подолгу не видались, но, когда сходились, всегда долго просиживали вмѣстѣ, имѣя много темъ для разговоровъ. Я чаще всего бывала у Е. Д., когда она писала свою картину „Въ гостяхъ у крестной“. Меня привлекала правдивая передача художницей съ натуры окна съ кисейной занавѣской и скользящаго сквозь нея свѣта. Полѣнова любила пейзажъ. „Ахъ, какія крыши!“ восклицала она, глядя изъ окна моей квартиры, „что это вы не пишете ихъ, я не понимаю! Такъ интересно. Я къ вамъ непремѣнно приду написать ихъ“. Она этого не исполнила, но написала мальчика на крышѣ изъ своего собственнаго окна.

Во время изданія перваго выпуска сказокъ, у Полѣновой было много хлопотъ и непріятностей, ей надоѣдали чисто практическія заботы. Ей приходилось самой раскрашивать фототипіи или поправлять то, что ей портили неумѣлыя личности; такая работа отнимала много времени и была ей не по душѣ, Е. Д. горько жаловалась, что взяла на себя такую обузу. Когда я выразила желаніе пріобрѣсти экземпляръ „Грибовъ“, она дала мнѣ нераскрашенный и сказала съ досадой: „по-моему такъ лучше. Захотите, сами раскрасите“.

Когда я приняла участіе въ народной выставкѣ, Е. Д. стала часто заходить ко мнѣ и, несмотря на то, что была очень занята, засиживалась подолгу. Мы горячо толковали о лучшемъ осуществленіи этого предпріятія, о раздачѣ остающихся сюжетовъ, объ эскизахъ, которые мы уже видѣли, о томъ, какимъ образомъ устроить помощь неимущимъ художникамъ при ихъ работѣ: добыть помѣщенія, пріобрѣсти имъ холсты, краски... Е. Д. уговаривала меня, кромѣ избраннаго уже мною пейзажнаго сюжета, взять еще другой: „Мозаичисты въ Софійскомъ соборѣ“ и ѣхать для этого въ Кіевъ. На мое возраженіе, что я не съумѣю написать большихъ фигуръ, она возражала, что въ этой картинѣ главное не фигуры, а самый храмъ, его архитектура, воздухъ, полумракъ въ немъ. Она тутъ же начала сочинять картину: одинъ художникъ стоитъ и работаетъ на лѣстницѣ, другой подаетъ ему что-нибудь; послѣдній виденъ только верхней частью туловища, оба почти задомъ къ зрителю. „Вы можете, говорила она, весь храмъ, всю мозаику

написать съ натуры, съ хоровъ, это можно очень хорошо сдѣлать, и вы сдѣлаете, воздухъ вамъ такъ удается! Поѣзжайте, у васъ есть время. Я знаю, что это у васъ выйдетъ"!

Надо сказать, что никто не могъ такъ подговорить, подбить, увлечь, какъ Елена Дмитріевна, если она этого хотѣла.

Въ нашихъ бесѣдахъ, я съ жадностью слушала Полѣнову. Ея сужденіямъ я вполнѣ довѣряла, она много видѣла, была серьёзно художественно образована, безъ самомнѣнія, но увѣренно передавала свои впечатлѣнія. Только разъ, когда я, послѣ одного изъ ея путешествій за границу, спросила ее, какъ ей понравился Бёрнъ Джонсъ, я замѣтила въ ней колебаніе: „сначала какъ-то странно", отвѣтила она, немного подумавъ, „но, когда всмотришься—хорошо. Да, все-таки это очень хорошо"...

Что меня болѣе всего плѣняло въ нашихъ бесѣдахъ съ Полѣновой, это ея безграничное увлеченіе интересовавшимъ ее предметомъ разговора, увлеченіе до того интенсивное, что слова ея принимали силу образовъ. Послѣ такой бесѣды, устаешь физически, но на душѣ хорошо и рука тянется къ кисти...

III.

Въ 1902-мъ году, на посмертной выставкѣ произведеній Полѣновой былъ собранъ весь ея oeuvre. Только увидя вмѣстѣ весь трудъ нашей художницы, можно вполнѣ оцѣнить, сколько таланта, мысли, любви въ ней было. Безконечно сильное впечатлѣніе производила выставка на посѣщавшихъ ее. Двѣ женщины расплакались на ней. „Что съ вами?"—„Не знаю, отвѣчала одна, ужъ такъ хорошо, такъ хорошо"!—„Тутъ вся ея душа", сказала другая. Да, тутъ была вся ея душа: широкая, горячая, нѣжная...

Находясь въ этихъ залахъ, можно было слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ художницы, за перемѣнами, происходившими въ ея сознаніи, здѣсь какъ бы проходила передъ зрителемъ вся ея жизнь, неразрывно связанная съ ея дѣломъ. Эта выставка была біографіей Е. Д. Полѣновой. Чего только не касалась она своею живою мыслью! Здѣсь и реалистическіе этюды, и стилизаціи, и картины масляными красками, и акварели, и пастели, и керамика, и мебель, сдѣланная по ея рисункамъ, и ткани, и альбомы, въ которые зарисовывались мимолетныя впечатлѣнія.

Страстно схватывала Елена Дмитріевна эти впечатлѣнія направо и налѣво, но, взявшись за какой-нибудь трудъ, отдавалась ему вполнѣ, добросовѣстно разработывая со всѣхъ сторонъ задуманное

произведеніе. Рядъ акварелей наглядно показываетъ, какъ послѣдовательно подходила она отъ перваго этюда съ натуры къ тому обобщенію, которое наиболѣе удовлетворило художницу.

Глядя на масляные и акварельные этюды Полѣновой, на эти окошки избъ, коньки надъ воротами, бугорочки, птичьи гнѣзда; на купающихся дѣвочекъ, на куръ и воронъ, на полянки въ лѣсу, заросшія цвѣтами, чувствуешь, какъ любила она все это и съ какою любовью воспроизводила. И милые уголки природы, и любовь къ нимъ Елены Дмитріевны трогаютъ насъ, какъ нѣчто *наше*, близкое нашему сердцу.

Въ стилизаціи цвѣтовъ у Полѣновой совершенно свой, прелестный жанръ, нѣчто среднее между чистымъ орнаментомъ и живыми цвѣтами: стилизуя цвѣты, художница сохраняетъ имъ ихъ характеръ, ихъ жизнь. Въ классическомъ орнаментѣ вовсе не думаешь о томъ листѣ, который послужилъ ему моделью, въ орнаментѣ Полѣновой, несмотря на измѣненные контуры и фантастическую окраску, сейчасъ узнаешь родной и любимый полевой цвѣтокъ.

Съ какимъ-то благоговѣніемъ останавливаешься передъ альбомчиками Е. Д., этими дневниками художника. Вотъ ея тетрадка путешествія по Италіи въ 1895-мъ году. Какъ внимательно набрасываетъ она акварелью, часто изъ окна вагона, проходящую мимо ея глазъ природу, какъ умѣетъ схватить самое характерное; какъ загорается ея колоритъ по мѣрѣ того, какъ она подвигается къ югу, и какъ тухнетъ опять на обратномъ пути, приближаясь къ Москвѣ! Какъ хороши ея копіи съ древнихъ мозаикъ въ Римскихъ церквахъ: въ крошечныхъ акварелькахъ, сдѣланныхъ на глазъ, она такъ рельефно и вѣрно передала самое характерное въ оригиналахъ, что, кажется, по этимъ рисункамъ можно возстановить самую мозаику.

Трудно оторваться отъ „сказокъ“, съ ихъ юморомъ, съ ихъ чутьемъ понятымъ русскимъ духомъ, „сказокъ“, которыя нравятся дѣтямъ, но имѣютъ глубокій смыслъ и для взрослыхъ. Первая картина Е. Д. масляными красками, хотя и уступаетъ послѣднимъ въ техникѣ, кажется мнѣ наиболѣе оригинальной изъ ея картинъ. Очень симпатиченъ „Урокъ анатоміи“, этотъ ничѣмъ не прикрашенный уголокъ частной жизни съ знакомыми дѣвушками, занятыми серьёзнымъ трудомъ, которому онѣ и на полотнѣ, и въ дѣйствительной жизни глубоко сочувствуютъ.

Необыкновенно правдивая и колоритная вещь „Купающіяся дѣвочки“, особенно хороши, въ этой картинѣ дверь изъ купальни, съ виднымъ за нею пейзажемъ и со стоящею на порогѣ дѣвочкой, голое тѣло которой такъ и утопаетъ въ воздухѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Е. Д. сильно увлекалась новыми теченіями въ искусствѣ и все болѣе и болѣе предавалась символизму. Въ этомъ отношеніи самое характерное—ея „Звѣрь“. Это удивительная, наводящая на печальныя размышленія, картина. На первомъ планѣ направо отъ зрителя, крестьянская дѣвочка, приподнявшись „на цыпочки“, рветъ съ дерева сливы; чистое дитя, спокойная, радостная, она все вниманіе сосредоточила на деревѣ со сливами и не замѣчаетъ тихо въ травѣ подкрадывающагося къ ней звѣря-дракона: безпечная, невинная юность и не подозрѣваетъ злого горя жизни, котораго ей не миновать. Дѣвочка трактована совершенно реально, и она очаровательна: въ ней много простоты, это милая русская дѣвочка; поза ея граціозна, нарисована она прекрасно. Звѣрь тоже хорошъ, въ немъ что-то сладострастное и ехидное, и онъ прекрасно подкрадывается.

Но окружаетъ эти два дѣйствующія лица не природа, какъ бы слѣдовало ожидать, а что-то непонятное, невообразимое: какой-то пестрый фонъ изъ стилизованныхъ растеній, изъ яркихъ бляхъ и пятенъ, уничтожающихъ совершенно воздухъ. Это переходъ къ тѣмъ произведеніямъ Е. Д., въ которыхъ нѣтъ уже ничего реальнаго, гдѣ видны слѣды надвигающейся болѣзни, но гдѣ, до послѣдней минуты, все еще сказывается ея талантъ. Въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ, въ „Цвѣткѣ папоротника“, громадный, неясной формы цвѣтокъ, занимающій собою большое полотно, положительно свѣтится: сила колорита заставляетъ его горѣть какъ бы внутреннимъ, переливчатымъ огнемъ. Съ нимъ блеснуло въ послѣдній разъ вдохновеніе нашей художницы, какъ ярко вспыхиваетъ лампада, передъ тѣмъ, какъ ей потухнуть.

Тяжело, что такъ рано ушла отъ насъ Елена Дмитріевна, но она оставила намъ яркую память о себѣ, сознаніе, что крѣпнутъ силы русской женщины, и что не даромъ кладетъ она свой камень въ родное зданіе русскаго искусства.

Е. Юнге.

Прошлое Сибири.

(Потребность въ изученіи его).

„Не жалѣйте того, кто занимается этимъ, повидимому, сухимъ трудомъ (работа въ архивахъ) и черезъ то лишаетъ себя житейскихъ наслажденій. Правда, эти бумаги мертвы; но въ нихъ тлѣетъ остатокъ жизни. Смотрите пристальнѣе, — изъ нихъ возрождается жизнь столѣтій".

Леопольдъ фонъ-Ранке.

Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ только что пережитаго нами XIX столѣтія, въ русской исторической наукѣ наблюдается новое теченіе мысли и стремленіе возможно ближе и глубже изучить, почти еще неизслѣдованную, сторону того историческаго процесса, который создалъ въ XVI вѣкѣ объединенное изъ великокняжескихъ удѣловъ Московское царство, выдвинувши вмѣстѣ съ нимъ въ первую очередь созидательной и централизующей государственной работы сѣверо-восточное великорусское племя, господство котораго и начинается съ этого новаго „послѣтатарскаго" объединительно-собирательнаго періода исторіи Московской Руси.

Это новое направленіе въ исторической наукѣ коснулось, главнымъ образомъ, изученія внутренней, такъ сказать, народной стороны вопроса, его этнографическихъ и чисто мѣстныхъ бытовыхъ особенностей старой русской федеративно-областной жизни.

Представителями такого новаго направленія въ русской исторической наукѣ, которое можно было бы назвать этнографическо-областнымъ, выступили наши извѣстные историки: Костомаровъ, Буслаевъ, Кавелинъ и особенно Щаповъ и Забѣлинъ.

Эти корифеи русской исторіи стали указывать на настоятельную необходимость, для пониманія основныхъ историческихъ свойствъ русскаго народа вообще и русскаго государства въ частности, обратить прежде всего особенное вниманіе на изученіе мѣстныхъ народныхъ свойствъ нашего постепеннаго историческаго развитія.

Предлагаемый ими новый методъ историческаго изслѣдованія можно было бы назвать „областнымъ, колонизаціонно-географическимъ“ или же „естественно-федеративнымъ“.

„Только подробнымъ осмотромъ и разслѣдованіемъ мѣстныхъ областныхъ памятниковъ отжившаго быта,—говоритъ историкъ Забѣлинъ [1])—мы достигнемъ возможности выяснить себѣ наши областныя исторіи, а вмѣстѣ съ ними и главный существенный вопросъ нашего современнаго сознанія, который неумолкаемо слышится въ каждомъ испытывающемъ русскомъ умѣ, именно вопросъ о томъ, въ чемъ истинный разумъ, и въ чемъ истинная сила русской жизни, въ чемъ существо русской народности. Теперешнимъ ходомъ нашей внутренней жизни мы поставлены въ рѣшительную необходимость знать это не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ... Трудно дѣлать дѣло, и особенно народное дѣло, когда не сознаешь вполнѣ, въ чемъ его истина и гдѣ его ложь. А такое сознаніе только и можетъ дать народная исторія. Безъ точнаго знакомства съ мѣстными особенностями нашей исторической жизни и наше плаваніе по жизненной исторической нашей рѣкѣ будетъ если не опасно, то трудно, тягостно, и можетъ потребовать излишнихъ напрасныхъ усилій, напрасной траты времени и народныхъ дарованій. Мы должны хорошо и въ подробности знать—откуда мы плывемъ, гдѣ и куда плывемъ... Мы вообще думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны“.

Другой нашъ историкъ-сибирякъ по происхожденію—А. П. Щаповъ [2]), занимавшій въ 60-хъ годахъ каѳедру русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ, говоритъ, что „Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть, по преимуществу, исторія различныхъ

---

[1]) Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи; т. II, стр. 108—109.

[2]) Первый шагъ „Сборникъ“. Казань. 1876 г. стр. 407—412; „Отечественныя записки“ за 1861 годъ, № 10-й, стр. 579—586.

областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное, территоріальное и этнографическое самообразованіе областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать намъ про вѣковую, особую самобытность, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ, началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи... и мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи. Русская исторія, основанная только на идеѣ централизаціи, исключающая идею областности, есть то же, что отрицаніе существеннаго жизненнаго значенія областей, какъ разнообразныхъ органовъ въ составѣ и развитіи цѣлаго политическаго организма—русскаго народа. А кто не знаетъ, что безъ знанія устройства и отправленій различныхъ отдѣльныхъ органовъ тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго организма.

„Такъ точно и безъ знанія разнообразной историческо-этнографической организаціи, характера, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ массъ народныхъ невозможно полное и отчетливо ясное пониманіе русской исторіи. Невозможно тѣмъ болѣе, что слишкомъ многосложенъ историко-этнографическій строй нашихъ многочисленныхъ и обширныхъ областей...

„Особенно же въ наше время наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо, уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время [1]) кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало-по-малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-

---

[1]) Нужно помнить, что это говорилось и писалось Щаповымъ въ началѣ 60-хъ годовъ XIX ст., когда дѣйствительно было замѣтно пробужденіе умственной жизни и на нашихъ окраинахъ, въ томъ числѣ и въ Сибири, но, къ сожалѣнію, этотъ подъемъ духовно-умственной дѣятельности сибирскаго общества продолжался недолго и вновь уступилъ мѣсто застою и равнодушію къ умственнымъ запросамъ времени.

этнографическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областного самопознанія, но и органами возбужденія въ провинціальныхъ массахъ идеи политическаго самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государства"...

Если на окраинахъ Европейской Россіи, за послѣднее 25-ти-лѣтіе, быть можетъ, дѣйствительно пробудилось общественное самосознаніе и выработалась уже потребность въ изученіи нашихъ окраинныхъ провинцій не только въ географическо-статистическомъ отношеніи, но и въ отношеніи изслѣдованія ихъ историческаго прошлаго, за то наша обширная Сибирь, хотя и встряхнулась уже отъ вѣковой своей спячки и вступила на новый путь культурно-экономическаго развитія, но все же до полнаго ея пробужденія, я думаю, остается еще много времени.

Сибирякъ по рожденію и воспитанію, изъѣздившій Сибирь въ разныхъ направленіяхъ и, насколько было возможно, изучившій многое изъ ея прошлаго и настоящаго, я думаю, что и теперь еще, въ извѣстномъ отношеніи, не потеряли своего значенія и смысла слова, съ которыми въ № 1-мъ газеты „Сибирь" за 1878 годъ, въ передовой статьѣ, ея редакторъ и извѣстный сибирскій дѣятель М. В. Загоскинъ обращался къ дремавшему тогда инертному сибирскому обществу: „кто разбудитъ это спящее царство? Откуда раздастся звонъ и громъ, способные прервать этотъ вѣковой сонъ? Жизнь не ждетъ, проходитъ годъ за годомъ; одно поколѣніе смѣняетъ другое. И все тотъ же мертвенный сонъ, все такъ же, какъ инфузоріи въ стоячей водѣ, копошатся люди въ темномъ житейскомъ омутѣ, ни о чемъ не помышляя, только борясь и поѣдая другъ друга въ жалкой борьбѣ за существованіе! Проснитесь: вѣдь этотъ сонъ можетъ перейти въ смерть; эта глухая борьба можетъ, пожалуй, кончиться истребленіемъ самой человѣческой расы. Слышите ли вы, читатель, хоть отдаленный крикъ пѣтуха, возвѣщающаго зарю дня. Чуете ли вы своимъ сердцемъ приближеніе вѣтра, несущаго весну и благоуханіе. Видите ли вы, въ минуту умственнаго просвѣтлѣнія, признаки пробужденія нашего общества и поворота отъ состоянія нравственнаго застоя къ дѣятельности сознательной и разумной? Тамъ, на западѣ Россіи и Европы, мерцаетъ свѣтъ, обѣщающій людямъ тепло и жизнь. Здѣсь мы не видимъ даже слабаго мерцанія. Достигнетъ ли этотъ свѣтъ до насъ и готовы ли наши свѣтильники, чтобы зажечь ихъ отъ этого свѣта. Понятенъ ли намъ смыслъ этой пѣсни, давно знакомой другимъ народамъ, даже японцамъ: „свѣтъ тихій, свѣтъ науки и просвѣщенія, свѣтъ правды и человѣчности, свѣтъ свободы и самосознанія, приди и вселися въ насъ".

Дѣйствительность и теперь еще, спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ этого призывного набата газеты „Сибирь“, къ сожалѣнію, говоритъ намъ, что современное сибирское, интеллигентное, конечно, общество, въ отношеніи собственнаго самопознанія, слишкомъ еще мало подвинулось впередъ.

Въ особенности же нашей родной Сибири остается многаго желать въ отношеніи изученія ея прошлыхъ судебъ, столь къ тому же оригинально-самобытныхъ и отличныхъ отъ прошлаго своей метрополіи.

Слѣдуетъ всегда и прежде всего помнить, что „не въ будущемъ, котораго еще не было, а въ прошломъ скрыты законы нашей жизни“. Поэтому изучать свое прошлое—значитъ изучать самихъ себя.

„Будущее, по словамъ одного нашего современнаго публициста, пока не существуетъ, настоящее мимолетно—его едва успѣваешь разглядѣть,—и въ сущности вся жизнь наша, вся радость, всѣ мечты и очарованія погребены въ прошломъ. Изученіе нашего прошлаго (исторіи) даетъ безкорыстное познаніе, познаніе того, чего уже нѣтъ, но что составляетъ, можетъ быть, самую душу сущаго. Любовь къ родной старинѣ характеризуетъ наиболѣе глубокій и вдумчивый духъ. Современное, текущее, модное, часто, назойливо лѣзетъ намъ въ глаза и засоряетъ голову...

— Уйти куда-нибудь въ тишину, въ молчаніе, въ міръ величавый, когда-то бывшій,—для многихъ просто спасеніе. Многіе еще не знаютъ, что это за прелесть изученіе прошлаго (исторіи, археологіи) и до какой страсти можно имъ увлекаться, напримѣръ, изучая коллекцію старыхъ монетъ или трудноразбираемыхъ древнихъ рукописей“.

Исторія вообще, какъ многіе удостовѣряютъ, обладаетъ исключительнымъ свойствомъ вызывать особый трансъ, трансъ ясновидѣнія, отвлеченія души въ другія пространства и другія времена. Не даромъ же лучшимъ развлеченіемъ лучшимъ людей всѣхъ временъ и народовъ были „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“.

Извѣстный сибирскій историкъ Петръ Андреевичъ Словцовъ (1767—1843),—„этотъ первый, по словамъ Г. Н. Потанина, будильникъ умственной жизни въ Сибири“, всегда принимавшій близко къ сердцу радости и скорбь родной Сибири, считалъ всегда высокополезнымъ и необходимымъ дѣломъ возобновлять въ памяти новыхъ поколѣній сибиряковъ исторію ихъ угрюмой, далекой и холодной родины,—этой страны человѣческихъ слезъ и страданій.

Говоря объ этомъ, маститый сибирскій историкъ тутъ же, какъ бы, задумывается надъ вопросомъ: да есть ли смыслъ, интересъ и какая-либо надобность изучать исторію „страны не веселой, не знав-

шей мечтаній славы, проявленія генія, побѣдъ, политики, не видавшей у себя великихъ міра, кромѣ великихъ изгнанниковъ его, не имѣющей яркихъ, величественныхъ памятниковъ и т. п.“ [1]).

И сейчасъ же на этотъ смущающій его вопросъ „будильникъ умственной жизни Сибири“, съ трогательной задушевностью, даетъ утвердительный отвѣтъ, доказывая, что сибирякамъ давно пора знать свою исторію, которая должна быть „потребностью души ихъ“.

Не забудемъ, что это было писано и говорено Словцовымъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Позднѣе, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, среди сибирскаго общества замѣтно было повышенное стремленіе къ умственнымъ запросамъ и интересамъ, выдвинувшее на очередь вопросы духовнаго возрожденія Сибири, ея промышленнаго и экономическаго развитія.

Возникновеніе мѣстныхъ сибирскихъ печатныхъ органовъ, ученыхъ и просвѣтительныхъ кружковъ и, наконецъ, открытіе Сибирскаго университета много подвинули впередъ умственную жизнь этой забытой страны, на благо которой не мало въ свое время поработали позднѣйшіе послѣ Словцова „умственные будильники“ ея, тоже природные сибиряки,—Вагинъ, Загоскинъ, Шашковъ, Щаповъ, Щегловъ, Щукинъ, Ядринцевъ, Потанинъ, Омулевскій, Федоровъ, Наумовъ, Сулоцкій, Знаменскій, Золотовъ, Нестеревъ, Усовъ, Катанаевъ, Голодниковъ, И. Я. Словцовъ и др.

Теперь же, съ проведеніемъ великаго рельсоваго пути, опоясавшаго всю обширную Сибирь отъ Уральскихъ горъ до береговъ Великаго океана, и съ быстрымъ ростомъ промышленно-экономическаго развитія страны, настала, кажется, пора болѣе живой и сознательной работы въ области изученія прошлаго Сибири,—для чего мѣстная сибирская интеллигенція и должна показать примѣръ, выдвинувши впередъ забытое, какъ будто, и даже заброшеное дѣло изученія прошлаго Сибири.

А что оно дѣйствительно заброшено и забыто,—тому служитъ доказательствомъ отсутствіе въ послѣднее время печатныхъ трудовъ по исторіи Сибири, если не считать нѣсколькихъ небольшихъ брошюръ и отдѣльныхъ статей въ запискахъ мѣстныхъ отдѣловъ Императорскаго Географическаго общества (Иркутскаго и Омскаго) и изданій губернскихъ статистическихъ комитетовъ и мѣстныхъ музеевъ.

Пріятное въ этомъ отношеніи исключеніе представляетъ вышедшій осенью 1910 года весьма интересный и довольно солидный

---

[1]) Словцовъ „Историческое обозрѣніе Сибири“, книга I-ая стр. XXI.

историческій трудъ Н. Н. Козьмина—подъ заглавіемъ: „Очерки прошлаго и настоящаго Сибири".

Эта прекрасная книжка, заключающая въ себѣ предисловіе и семь отдѣльныхъ статей, касается многихъ весьма интересныхъ сторонъ изъ прошлаго и настоящаго Сибири, какъ-то: объ ясакѣ и Государевой пашнѣ въ Сибири XVII-го вѣка; о дѣятельности С. Б. Броневскаго, бывшаго въ Иркутскѣ генералъ-губернаторомъ, по его же запискамъ; объ извѣстныхъ сибирякахъ А. П. Щаповѣ и М. В. Загоскинѣ и ихъ научной и просвѣтительной дѣятельности; о кустарной промышленности и, наконецъ, о постановкѣ аграрнаго вопроса въ Иркутской губерніи.

Всѣ эти статьи, богатыя по содержанію, безспорно, заключаютъ въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ, проливающій свѣтъ на нѣкоторые періоды прошлаго Сибири.

Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ Н. Н. Козьминъ, между прочимъ, высказываетъ надежду, что „очерки эти, несмотря на ихъ отрывочность, быть можетъ, до нѣкоторой степени, послужатъ толчкомъ къ оживленію въ области Сибирскихъ историческихъ изученій".

Охотно присоединяемся къ пожеланіямъ почтеннаго Н. Н. Козьмина и сердечно желаемъ, чтобы его призывъ къ совмѣстной и дружной работѣ по изученію прошлаго нашей родной Сибири былъ услышанъ тѣми ея сынами, коимъ еще дороги процвѣтаніе и будущность вообще ихъ родины. Будемъ вѣрить и надѣяться, что этотъ призывъ найдетъ послѣдователей, а изданные Н. Н. Козьминымъ „Очерки"—подражателей и продолжателей.

А для такой научно-исторической работы здѣсь въ Сибири дѣйствительно богатый и непочатый уголъ!..

У насъ вѣдь до сихъ поръ еще нѣтъ ни одной губернской или областной ученой архивной комиссіи. Самые архивы въ главнѣйшихъ сибирскихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Тобольскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ, Иркутскѣ, Читѣ, Нерчинскѣ, Якутскѣ, Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ и др., остаются до сихъ поръ необслѣдованными и даже неприведенными въ порядокъ, удобный для научной обработки ихъ матеріаловъ. Многіе же архивы, довольно цѣнные по содержащимся въ нихъ документамъ, хранятся, какъ я знаю, въ полномъ безпорядкѣ, грозящемъ даже уничтоженіемъ многихъ старыхъ актовъ.

Нѣтъ также у насъ какихъ-либо ученыхъ обществъ или организацій, задавшихся цѣлью собиранія и обработки историческихъ архивныхъ матеріаловъ.

Не выходитъ у насъ въ Сибири никакихъ періодическихъ из-

данiй, въ которыхъ бы печатались письменные памятники прошлаго Сибири или же статьи монографическаго характера, касающiяся извѣстнаго перiода изъ этого прошлаго.

Словомъ, въ настоящее время, кромѣ единичныхъ, часто случайныхъ попытокъ изданiя отдѣльныхъ книжекъ и брошюръ, въ родѣ упомянутыхъ „Очерковъ“ Н. Н. Козьмина, Сибирь не имѣетъ ничего цѣльнаго и солидарнаго по своей трехвѣковой исторiи, богатой эпизодами, лицами и фактами, достойными изученiя, но бѣдной теперь изслѣдователями и работниками на этой неблагодарной научной нивѣ.

А что же нашъ Сибирскiй „свѣтильникъ“ свѣта просвѣщенiя, нашъ молодой Томскiй университетъ, остается до сихъ поръ, какъ будто, равнодушнымъ къ прошлымъ судьбамъ страны, въ которой онъ призванъ насаждать высшую науку и знанiе?!?

Развѣ не ему, казалось бы, должно принадлежать первое слово, первый призывъ и первый кличъ по всей, изъ края въ край, обширной Сибирской землѣ къ ея сынамъ о совмѣстной научной работѣ на родной исторической нивѣ?!.

Думаемъ, что такой призывъ и починъ университета нашелъ бы живой откликъ среди сибиряковъ и сплотилъ бы многихъ изъ нихъ около этого „разсадника просвѣщенiя“ для научной работы въ области историческаго изученiя Сибири и этимъ положилъ бы основной камень для новаго хотя, быть можетъ, на первое время и очень скромнаго зданiя-храма богини „Кліо Гиперборейской“, для служенiя въ немъ на пользу просвѣщенiя вообще и изученiя Сибирской старины въ частности.

А разъ если бы нашлись такiе работники-жрецы, то, я увѣренъ, найдутся и необходимыя денежныя средства, безъ которыхъ никакое дѣло не можетъ успѣшно развиваться!

Думаемъ, что и наша родная Сибирь не оскудѣла еще щедрыми жертвователями-патрiотами и меценатами, всегда готовыми откликнуться и помочь матерiально всякому доброму и полезному просвѣтительному дѣлу, предпринимаемому на пользу родины, какъ напримѣръ: Сибиряковы, Сукачевы, Молчановы, Щербаковы, Второвы, Макушины, Михайловы, Морозовы, Сыромятниковы, Чукмалдины, Игнатовы, Гадаловы, Деровы, Плещеевы, Мартьяновы и многiе другiе!

Будемъ и мы надѣяться, что на этотъ разъ и нашъ слабый голосъ не останется неуслышаннымъ нашими земляками-сибиряками, которые, мы думаемъ, призадумаются хотя нѣсколько надъ этой замѣткой и, быть можетъ, даже удостоятъ ее замѣчаніями, дополненiемъ или развитiемъ проводимой въ ней мысли и т. п.

Мы были бы несказанно рады, если бы настоящая наша замѣтка вызвала въ нашей періодической печати обмѣнъ мнѣній по затронутымъ здѣсь вопросамъ. Это было бы для насъ самая лучшая награда!!

А теперь все же долгъ подсказываетъ намъ сказать здѣсь большое и сердечное спасибо все тому же Н. Н. Козьмину,—изъ первыхъ заговорившему въ наше безвременье громко о необходимости изученія историческаго прошлаго такой обширной и богатѣйшей страны, какъ наша родная, но многострадальная Сибирь!..

Съ легкой руки Н. Н. Козьмина мы, сибиряки, пойдемъ дружно по пути, указанному намъ нашими предками по работѣ на родной нивѣ изученія своей далекой и суровой родины, имена которыхъ я упомянулъ выше въ настоящей замѣткѣ, и тогда, съ чувствомъ собственнаго удовлетворенія, каждый изъ насъ въ правѣ будетъ вспомнить слова Пушкинскаго старца Пимена: „На старости я сызнова живу, минувшее проходитъ предо мною... Давно ль оно неслось, событій полно, волнуяся, какъ море-океанъ“.

Энъ-Пэ.

Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни.
(1870—1875 г.).

Переживаемый нынѣ нами и нашими дѣтьми революціонный періодъ университетской жизни, рѣзко вспыхнувшій въ 1905 г. и тлѣющій до сихъ поръ, невольно обращаетъ свой взоръ къ прошлому университетской жизни, къ порѣ идеалистическаго настроенія учащейся молодежи, чуждавшейся всякихъ активныхъ, антиправительственныхъ выступленій. Въ общемъ „революціонномъ университетскомъ круговоротѣ“ въ скорбные дни нашей внутренней смуты немалую роль сыгралъ и университетъ Кіевскій, и это обстоятельство навело меня на мысль воспроизвести въ памяти пережитое время своего студенчества, начала 70-хъ годовъ, и печатно подѣлиться своими воспоминаніями о родной „alma mater“ съ читателями и товарищами, ряды которыхъ, увы, съ каждымъ годомъ все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ...

Оговариваюсь, что въ задачу предлагаемыхъ замѣтокъ не входили соображенія автобіографическаго свойства, или тенденціознаго характера: вся цѣль замѣтокъ по возможности объективно изложить факты изъ университетской жизни, изъ жизни бытовой и школьной кіевскаго студенчества и профессуры за указаниый выше періодъ времени.

Глава I.

Первыя впечатлѣнія.

Если время сороковыхъ годовъ совершенно правильно признаютъ временемъ расцвѣта философскаго и эстетическаго идеализма въ образованномъ классѣ общества и въ литературѣ, то начало 70-хъ годовъ съ такой же правильностью слѣдуетъ признать временемъ расцвѣта общественно-культурныхъ и научныхъ идеаловъ, выдвинутыхъ на первый планъ публицистиской 60-хъ г.г. и великими реформами Императора Александра II. Общество, подготовленное до шестидесятыхъ годовъ къ сознанію необходимости преобразованія условій общественныхъ, экономическихъ и правовыхъ сторонъ жизни русскаго народа, съ 1861 г. получаетъ отъ Великаго Преобразователя Россіи цѣлый рядъ величайшихъ государственныхъ соціально-экономическихъ актовъ во главѣ съ самымъ важнымъ изъ нихъ—актомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вслѣдъ за этимъ важнѣйшимъ актомъ для строя нашей народной жизни послѣдовали въ извѣстной постепенности и другія — не менѣе важныя реформы, обнимавшія многостороннія сферы общечеловѣческой культуры, какъ-то: судебная реформа, университетская, печати, земскаго и городского самоуправленій. До 70-хъ годовъ упомянутыя реформы были уже большею частью практически осуществлены; но объ нихъ еще не переставали говорить какъ въ обществѣ, такъ и въ текущей періодической печати, не переставали обсуждать значеніе вновь реформированнаго порядка вещей въ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Теченіе общественной мысли, воздѣйствіе печати обусловливались, въ свою очередь, совокупностью вліяній вновь реформированнаго строя жизни русскаго народа; нарождались новыя, идеальныя требованія въ духѣ времени, и эти-то идеалы наполняли головы молодежи 70-хъ годовъ, и какъ тогдашняя молодежь далека была отъ разной „Арцыбашевщины“ и „Горьковскаго босячества“. Конечно, и здѣсь не обходилось безъ крайностей; но крайности идеализма, выродившіяся, къ сожалѣнію, и въ сторону крайнихъ соціальныхъ ученій, не исключаютъ общаго правила. Такимъ образомъ, поступленію молодежи въ университетъ, въ это время, предшествовала нѣкоторая подготовка на почвѣ идеаловъ 60-хъ годовъ: съ идеальными же требованіями и я вступилъ въ университетъ, имѣя о „храмѣ науки“ самое возвышенное представленіе. Казалось намъ всѣмъ, что дорогая alma mater разъяснитъ, дополнитъ и приведетъ въ систему всѣ тѣ идеи, которыя такъ безпорядочно бродили

въ головѣ, подъ вліяніемъ великихъ актовъ преобразовательной эпохи и такъ волновали молодое сердце, готовое беззавѣтно и безкорыстно отдаться всему возвышенному, гуманному и доброму. Какъ теперь помнится, съ чувствами большой радости и какого-то неуловимаго душевнаго волненія пришлось намъ впервые переступить порогъ университета. Сознаніе полной личной свободы, свободы въ распоряженіи временемъ для научныхъ занятій, отсутствіе внѣшняго контроля и надзора за тобой, непринужденность и оживленность студенческой „болтовни“, шумная большая и веселая толпа молодежи, собравшейся въ передней, корридорахъ, аудиторіяхъ и библіотекѣ, все это не могло не волновать и особенно хорошо бодрить 18-лѣтняго юношу. Занимали насъ и новыя товарищескія знакомства, любопытство подталкивало скорѣе спѣшить на лекціи, чтобы услышать живое слово профессора, получить ясный отвѣтъ на цѣлый рядъ запросовъ молодого ума...

По соблюденіи разныхъ формальностей и по зачисленіи въ студенты юридическаго факультета, мнѣ съ перваго же дня захотѣлось исправно посѣщать лекціи. Первую лекцію пришлось слушать по римскому праву профессора К. Митюкова (умеръ): представительная фигура лектора, съ классическимъ профилемъ лица, съ немного суровымъ его выраженіемъ, ясная и отчетливая дикція, величественная жестикуляція производятъ самое пріятное, но и внушительное впечатлѣніе. Это настоящій римлянинъ въ костюмѣ 19 столѣтія. Профессоръ Митюковъ читалъ свои лекціи то стоя у каѳедры, то сидя, и громкимъ голосомъ. Лекціи его по содержанію своему представляли серьезный и живой интересъ, а потому исправно и охотно посѣщались студентами въ особенности, когда профессоръ излагалъ курсъ исторіи римскаго права. Правда, профессоръ не рѣдко пополнялъ свои лекціи и цитатами изъ латинскаго текста; но это нисколько не охлаждало интереса къ предмету чтенія. Нерѣдко г. Митюкова приходили слушать изъ ближайшей черезъ залъ аудиторіи студенты-филологи. Свои требованія къ студентамъ г. профессоръ ограничивалъ знаніемъ курса его литографированныхъ лекцій, не былъ особенно строгъ и придирчивъ на экзаменахъ и вообще пользовался глубокимъ уваженіемъ молодежи, хотя и не искалъ популярности.

Вторая лекція, съ которой пришлось познакомиться — это по энциклопедіи права профессора Н. К. Рененкампфа († въ 1899 г.). На лекціи аудиторія его была полна студентами 1 курса. Можно было думать, что лекторъ увлекательно излагаетъ свой предметъ, или предметъ чтенія очень интересенъ; но тутъ не было ни того, ни другого; присутствіе массы студентовъ на первыхъ лекціяхъ по

энциклопедіи права объяснялось просто особаго рода популярностью этого профессора. Какъ и на другихъ факультетахъ есть свой „грозовой“ профессоръ — и на юридическомъ этой „грозой“ былъ профессоръ Рененкампфъ; а энциклопедія права, вѣдь, главный предметъ въ системѣ курсовыхъ предметовъ и на полукурсовомъ экзаменѣ играетъ первостепенную роль. Профессоръ энциклопедіи права былъ неумолимъ на экзаменахъ, требователенъ страшно. Вотъ почему мы, „фуксы“, такими массами и валили на его первыя лекціи: ходили, чтобы ближе присмотрѣться къ этой „грозѣ“. Чтеніе грознаго профессора, при отчетливости и ясности дикціи, при нѣкоторомъ дѣланномъ паѳосѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ лекціи, не выходило изъ рамокъ того, что значилось въ извѣстной его книгѣ: „Очерки юридической энциклопедіи права“—этой настольной книги юриста до 3 курса. Въ изложеніи же философскихъ воззрѣній на право: Канта, Шеллинга, Фихте и другихъ и въ разъясненіяхъ положительнаго метода, въ примѣненіи его къ изученію науки права, кіевскій энциклопедистъ не мало, какъ говорятъ хохлы, „пидпускавъ туману“. Какъ человѣкъ, г. Рененкампфъ не былъ симпатиченъ и не пользовался расположеніемъ студентовъ и какъ полунѣмецъ, и какъ сухой, черствый педантъ, не обладавшій при томъ и особенно грузнымъ „ученымъ багажемъ“, не говоря уже о его требовательности на экзаменахъ,—но объ этомъ еще впереди. Слѣдующую лекцію по политической экономіи читалъ профессоръ Цѣхановецкій (†), онъ же и проректоръ университета. При всей своей личной симпатичности, уважаемый профессоръ читалъ лекціи довольно вяло, хотя лекціи сами по себѣ представлялись довольно содержательными. Заслуга профессора состояла, впрочемъ, въ томъ, что онъ съ большой охотой предлагалъ свои услуги для руководительства студентовъ при выборѣ авторовъ сочиненій по политической экономіи, для болѣе полнаго изученія этой науки. Правда, что тутъ, при обращеніи къ профессору, имъ указывались большею частію экономисты-классики: А. Смитъ, Милль, Мальтусъ, Рикардо и т. д.; но тутъ же рекомендовались и такіе рутинеры-фритредеры, какъ Бодрильяръ и т. п. Между тѣмъ, нашихъ юристовъ особенно занимала политическая экономія, какъ и вообще въ ту пору молодежь увлекалась или естественными, или соціально-экономическими науками, какъ увидимъ ниже. На экзаменахъ г. Цѣхановецкій былъ снисходителенъ къ студентамъ, а какъ проректоръ, совершенно равнодушно относился къ своему „административному“ положенію, довольствуясь теплымъ и уютнымъ уголкомъ въ казенной квартирѣ, въ зданіи университета.

Лекціи по государственному праву читались профессоромъ Ро-

мановичемъ-Склаватинскимъ († въ 1911 г.), слывшимъ въ средѣ студентовъ подъ болѣе популярными названіями: „дворянина“ и „полковника“. Дворяниномъ почтеннаго профессора называли одни потому, что имъ написано извѣстное ученое изслѣдованіе: „о дворянствѣ въ Россіи“, а другіе, болѣе сталкивавшіеся съ профессоромъ, объясняли приведенное выше названіе тѣмъ, истинно дворянскимъ, вѣжливымъ, внимательнымъ и благожелательнымъ отношеніемъ, какое проявлялось со стороны профессофа къ студентамъ. Званіе полковника присвоено профессору „стариной“ Кіевскаго университета, общеизвѣстнымъ служителемъ „Данилкой“, переведеннымъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ университетомъ изъ г. Вильны и очень популярнымъ между студентами. Кто изъ студентовъ пожелалъ бы узнать и запастись подробными біографическими и интимными даже свѣдѣніями о данномъ профессорѣ, — тотъ, обратившись къ Данилкѣ, будетъ вполнѣ удовлетворенъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ многихъ изъ г.г. профессоровъ Данилка зналъ еще студентами. Поистинѣ удивительною памятью обладалъ этотъ Данилка: о нѣкоторыхъ изъ г. профессоровъ онъ сообщалъ такія подробности изъ былого ихъ жизни, что надо было удивляться, какъ онѣ сохранились въ его памяти. Словомъ „вѣщій“ Данилка могъ всегда удовлетворить самое „ненасытное“ любопытство.—Лекціи г. Романовича-Склаватинскаго читались съ большимъ усердіемъ; но недостаточно сильный голосъ лектора для большой аудиторіи, отсутствіе плавности въ рѣчи—мѣшали почтенному профессору пользоваться успѣхомъ между студентами въ качествѣ лектора, — при безспорномъ уваженіи и симпатіи къ нему, какъ къ человѣку—хорошему и доброму. Добрый этотъ профессоръ всегда былъ къ услугамъ студентовъ и словомъ, и дѣломъ, а на экзаменахъ всѣми способами старался спасать „тонувшихъ“.

Первыя впечатлѣнія отъ лекцій перечисленныхъ г.г. профессоровъ хотя и не оправдали вполнѣ тѣхъ ожиданій чего-то волнующаго и „захватывающаго духъ“ молодого юнца, всецѣло не увлекли новизною мыслей, горячностью проповѣди научныхъ истинъ, что предполагалось встрѣтить въ „храмѣ науки“, — но все-таки лекціи данныхъ профессоровъ посѣщались нами болѣе или менѣе исправно, выслушивались съ серьезнымъ вниманіемъ, при чемъ занимало насъ не столько содержаніе самыхъ лекцій, съ которыми потомъ мы разсчитывали ознакомиться непосредственно по литографированнымъ запискамъ, — сколько интересовали насъ тѣ указанія г.г. профессоровъ на вспомогательныя пособія и руководства, которыми мы могли бы пополнить курсъ даннаго предмета. Охота же къ чтенію у насъ была большая; все хотѣлось скорѣе узнать,

разъяснить, со всѣмъ ознакомиться энциклопедически. Мы еще вернемся къ этому явленію въ студенческой жизни. Полное же разочарованіе въ насъ, первокурсныхъ студентахъ-юристахъ,—вызвано было чтеніемъ лекцій проф. гражд. права г. Д—ко...

Въ обширной, амфитеатромъ устроенной аудиторіи вы видите передъ собой на каѳедрѣ тощую фигуру человѣка, качающаго головой то въ одну, то въ другую сторону слушателей; слышится тихая, отрывистая рѣчь его, шелестъ переворачиваемыхъ листовъ бумаги и сильныя выкрикиванія отдѣльныхъ фразъ въ направленіи наклоняющагося корпуса фигуры. Выкрикиванія нѣкоторыхъ фразъ были до того сильны и такой непріятной интонаціи, что часто невольно вздрагиваешь всѣмъ корпусомъ. Тембръ профессорскаго голоса глухой, сдавленный; рѣчь монотонная, усыпляющая; изложеніе мыслей сухое, безстрастное, какое-то автоматическое. Однимъ словомъ, такіе важные факультетскіе предметы, какъ гражд. право или судопроизводство, читались самымъ неважнымъ образомъ. Просидѣть лекцію гражд. права было настоящей пыткой, и мы гораздо пріятнѣе и производительнѣе проводили это время дома за чтеніемъ Кавелина, курсовъ Мейера, Побѣдоносцева и другихъ. Кромѣ всего изложеннаго, о данномъ профессорѣ у насъ были свѣдѣнія, что онъ принадлежитъ къ числу „старослуживыхъ“, исправляющихъ должность экстраординарнаго проф., и много работаетъ надъ докторскою диссертаціей „по наслѣдственному праву“. Однимъ словомъ, добрый лекторъ и человѣкъ — какъ профессоръ неудовлетворялъ насъ по своему спеціальному предмету.

На экзаменахъ же, и какъ деканъ факультета, г. Д—ко относился къ студентамъ довольно добродушно. Таковы первыя впечатлѣнія отъ первыхъ лекцій нашихъ профессоровъ-юристовъ по главнымъ предметамъ перваго курса. Приведенныя впечатлѣнія не мои личныя только: они составляютъ сводъ отзывовъ всѣхъ товарищей, съ которыми приходилось дѣлиться своими впечатлѣніями въ общихъ бесѣдахъ внѣ университета и въ антрактахъ между лекціями.

Глава II.

Составъ студенчества и его жизнь.

Хотя первый курсъ товарищей-юристовъ нашего времени былъ большой (до 70 человѣкъ) и представлялъ самую разнообразную смѣсь лицъ по возрасту (были и солидные мужи), происхожденію, достатку и общественному положенію семьи студентовъ,—тѣмъ не

менѣе,—эти соціальныя положенія не вносили у насъ розни въ товарищескую среду, не мѣшали быстрому знакомству товарищей между собою и сближенію другъ съ другомъ, смотря, конечно, по личнымъ симпатіямъ и общности цѣлей и интересовъ. Такіе даже студенты-аристократы, какъ князья Манвеловъ, Миша Дондуковъ-Корсаковъ, Цыцуринъ и др., всегда были самыми милыми и предупредительными коллегами. Соединяла насъ подъ своимъ крылышкомъ добрая „alma mater“, сближали насъ общіе запросы культуры, жажда знаній и тѣ порывы добраго, здороваго увлеченія новизной вольнаго „школьнаго“ состоянія, которое такъ неизгладимо врѣзывается въ память всякаго благодарнаго своему университету его питомца.

Между тѣмъ, внѣ стѣнъ университета разница въ матеріальномъ, семейномъ и общественномъ положеніи студентовъ—была огромная. Изъ студентовъ нашего курса лишь $^1/_3$ состояла изъ людей вполнѣ обезпеченныхъ; другая $^1/_3$ была обезпечена въ предѣлахъ минимальной необходимости для существованія, безъ заработковъ на сторонѣ, послѣднюю же $^1/_3$ составляли студенты, жившіе уроками, перепиской лекцій и другими побочными занятіями. Мы говоримъ только о юристахъ, которыхъ почему-то среди студентовъ принято было считать за людей самыхъ состоятельныхъ, и вѣроятно, потому, что въ числѣ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, были самые богатые студенты и они, кромѣ того, какъ-то чище и богаче одѣвались, сравнительно, напр., съ медиками, гдѣ удивительная смѣсь фасоновъ пиджачныхъ паръ, „перевитыхъ пледами“, высокіе ботфорты и суковатыя „дубинки“ поражали съ непривычки сторонняго зрителя на сборныхъ студенческихъ пунктахъ. Стоимость минимально необходимаго достатка для студента, безъ постороннихъ заработковъ, въ наше время обходилась: квартира отъ 5—9 руб.; столъ отъ 7—10 руб.; на сахаръ, чай, стирку бѣлья и проч. было р. 5 въ мѣсяцъ, да на непредвидѣнные расходы р. 3 (театръ и проч.), всего отъ 20—25 р., исключая, конечно, одежды. Обладающіе такими рессурсами студенты были уже въ нѣкоторомъ родѣ „богатѣями“ въ массѣ студенчества, такъ какъ имѣли въ своемъ распоряженіи опредѣленную бюджетную цифру, не состояли въ „отхожихъ промыслахъ“, слѣдовательно, имѣли въ своемъ распоряженіи и больше свободнаго времени для своихъ научныхъ занятій и ужъ, конечно, не знали періодическихъ голодовокъ. Студентами такого, указаннаго выше, матеріальнаго достатка были образованы цѣлыя колоніи въ ближайшемъ разстояніи отъ университета; этой категоріи студенты для вящей экономіи въ ихъ бюджетахъ помѣщались человѣка по 2 и по 3 въ 1 комнатѣ, а обѣдали то въ сту-

денческой столовой, а то и дома, у квартирныхъ хозяекъ. Студенты же бѣдняки — жили то на урокахъ, то на окраинахъ города, гдѣ и квартиры подешевле, и столъ недорогъ; тѣ же изъ нихъ, которые жили поближе къ университету, „харчились“ въ студенческой столовой и жили то однимъ блюдомъ въ день, чередуясь разнообразіемъ ихъ, то въ „нѣмецкой“ кухмистерской близъ университета, а то и довольствовались, смотря по заработкамъ, и однимъ чаемъ съ колбасой и 3 к. булкой. Студенческіе уроки въ наше время оплачивались очень скудно: отъ 6 до 15 рублей въ мѣсяцъ. Для того же, чтобы обезпечить себѣ уроками сносное существованіе, необходимо было запастись мелкими уроками 2—3, понтируя на нихъ нерѣдко съ одного конца города на другой, съ Тарсавской улицы, или Афанасьевскаго спуска, на Печерскъ, Подолъ, за Софійскій соборъ и т. д. Студенты же, жившіе на урокахъ, т. е. имѣвшіе за уроки квартиру и столъ, проживали большею частью вдали отъ университета и оттуда ходили на лекціи. Правда, были между студентами и такіе счастливцы, которымъ платили по 1 руб. и по 2 за урокъ въ часъ, но такихъ счастливцевъ было очень мало, и самые эти уроки доставались студенту по особой протекціи и по особому „заказу“ родителей учащагося. Происходило это въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо какого-либо мальчугана не только репетировать, но и подготовлять въ какое-либо учебное заведеніе. Были и такіе студенты, которые уѣзжали лѣтомъ на „заработки“ въ деревни къ помѣщикамъ: Кіев., Полт., Черниг. и друг. губ. На скопленный заработками капиталъ „отъѣзжіе“ студенты проживаютъ затѣмъ въ городѣ до пріисканія здѣсь постоянныхъ уроковъ или передъ наступающими экзаменами. Доставались уроки бѣднякамъ студентамъ или ихъ товарищами, или путемъ случайныхъ знакомствъ, рѣдко публикаціями; въ крайнемъ же случаѣ, уроки поставляла и старая нѣмка md. Фишеръ, державшая контору для поставки прислуги, боннъ, гувернантокъ и жившая на Крещатикѣ. Замѣчательно, что отъ г. Фишеръ попадались уроки въ самыхъ аристократическихъ домахъ, гдѣ—конечно, на рекомендованнаго конторой учителя студента смотрѣли немногимъ снисходительнѣе, чѣмъ на приличнаго лакея; но зато хоть исправно платили деньги. Попадались между студентами, въ особенности — филологами и монополисты „менторскаго“ дѣла, вырабатывавшіе уроками болѣе 50 р. въ мѣсяцъ; нѣкоторыхъ извѣстныхъ изъ нихъ товарищи заставляли дѣлиться уроками съ нуждающимися коллегами, и монополисты, поневолѣ, должны были подчиняться приговору своихъ товарищей. Нѣтъ сомнѣнія, что то или иное матеріальное положеніе даннаго студента должно было отражаться и

на его занятіяхъ по научнымъ предметамъ, на складѣ его домашней жизни, на отношеніяхъ его къ товарищамъ и на участіи въ общихъ, товарищескихъ и обще-студенческихъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Тѣ изъ студентовъ, которые обладали большимъ достаткомъ и досугомъ,—чаще посѣщали лекціи, студенческія сходки, кружки, студенческую столовую и библіотеку. Между тѣмъ, студенческая столовая, библіотека (есть и студенческій отдѣлъ библіотеки при университетѣ), кассовые и другіе кружки играли огромную роль въ быту нашего студенчества и приносили ему большую и разнообразную пользу, моральную и матеріальную.

Глава III.

Студенческіе кружки и сходки.

Начнемъ съ кружковъ и сходокъ. Кіевское студенчество въ 70 годахъ дѣлилось на множество самыхъ разнообразныхъ кружковъ. Несмотря на отсутствіе внѣшнихъ формальныхъ причинъ, способствующихъ развитію корпоративнаго духа среди университетской молодежи, хотя студенты и находились въ положеніи частныхъ лицъ—посѣтителей лекцій по отношенію къ университету и въ отношеніи другъ къ другу; но стремленіе ко взаимному общенію, вѣяніе высшей научной культуры, потребность экономической самопомощи, сближали учащуюся молодежь то въ отдѣльные кружки кассовые, то земляческіе, факультетскіе, то въ общіе—бо̀льшіе по численному составу; это кружки, въ основаніи образованія которыхъ лежали интересы болѣе „идейнаго“, чѣмъ матеріальнаго свойства. Сообразно дѣленію студентовъ на кружки, интересами этихъ кружковъ обусловливались и студенческія сходки, которыя были и общія, — для обсужденія общихъ студенческихъ нуждъ — теоретическаго и экономическаго характера — и частныя — по частнымъ вопросамъ даннаго кружка. Обще-студенческими вопросами являлись вопросы, касающіеся студенческой столовой, библіотеки, а также и нѣкоторые, неблаговидные съ моральной точки зрѣнія, поступки товарищей-студентовъ, подвергавшіеся суду чести всего студенчества. Члены кассовыхъ кружковъ собирались въ назначенное время на квартирѣ у кого-либо изъ студентовъ, завѣдывавшихъ дѣлами кружковой кассы (кассы образованы были изъ ежемѣсячныхъ взносовъ членовъ кружка). Изъ кружковой кассы выдавались незначительныя ссуды особенно нуждающимся студентамъ—до пріисканія заработка, полученія пособія, стипендіи и т. п. Ссуды максимальныя составляли отъ 5—10 р., а минимальныя—

отъ 3—5 р. въ однѣ руки. При всей „мизерности“ кассовыхъ взносовъ и выдававшихся изъ нихъ ссудъ, кассы эти были истиннымъ благодѣяніемъ для бѣднаго студенчества, такъ какъ въ жизни студентовъ бывали положенія, когда по нѣсколько дней и ѣсть-то было нечего. На квартиру временно можно было пристроиться то къ факультетскому товарищу, то къ земляку; но ѣсть нужно вѣдь изо дня въ день... Студенческая столовая содержалась на оборотный капиталъ, который былъ и образованъ отъ платы, выручаемой за обѣды и завтраки. Особыми выгодами, какъ коммерческое предпріятіе, столовая не задавалась и не сулила ихъ. Заботились о томъ, чтобы подешевле, да получше накормить своего брата-студента. Блюда отпускались то порціями, то обѣдами (мѣсячные), уплата не превышала 15 — 30 к. за порцію, а мѣсячный обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ стоилъ не болѣе 7 р. Столовой завѣдывалъ особый хозяйственный комитетъ, избранный на общей сходкѣ студентовъ. Студенческая библіотека существовала тоже на средства отъ платы за право чтенія и на особыя пожертвованія нѣкоторыхъ лицъ; управлялась она особыми выборными распорядителями, въ числѣ которыхъ находились студенты разныхъ курсовъ и факультетовъ. Въ студенческой столовой обѣдали исключительно мужчины; библіотеку посѣщали и женщины, преимущественно изъ слушательницъ акушерскихъ курсовъ и публичныхъ лекцій.

Кромѣ этихъ главныхъ центровъ студенческихъ собраній и мѣстъ для сближенія молодежи, студенты болѣе состоятельные развлекались, походомъ съ лекціей или на лекціи, въ кофейнѣ Штифлера, игрой на билліардѣ и безобиднымъ „балагурствомъ“, а то и въ нѣмецкой столовой, вблизи университета. Главнымъ же пунктомъ для студенческихъ сходокъ служила студенческая столовая. Какъ мы уже сказали, въ столовой, кромѣ обсужденія дѣлъ чисто хозяйственныхъ, связанныхъ съ интересами столовой, въ ней же велись дебаты и давались цѣлыя баталіи по вопросамъ чисто-теоретическаго и культурнаго свойства. Эти „баталіи“ намъ особенно памятны, и особенно пріятно воскресить ихъ въ своей памяти. Нужно было только побывать на этихъ теоретическихъ турнирахъ, чтобы видѣть, насколько молодежь нашего времени увлекали и интересовали идеи текущихъ общественныхъ вопросовъ и задачъ, идеи соціально-историческія, экономическія и естественно-научныя. На этихъ сходкахъ, по научно-теоретическимъ вопросамъ—обозначались, главнымъ образомъ, двѣ партіи студентовъ (въ сходкѣ изъ 150—200 чел.), придерживавшихся извѣстныхъ, опредѣленныхъ взглядовъ и направленія на данные вопросы—это партія радикаловъ и партія либераловъ-прогрессистовъ (выражаясь языкомъ по-

литики). Во главѣ либераловъ стоялъ студентъ-юристъ П—но (впослѣдствіи профессоръ); радикалами руководилъ по странной случайности филологъ-студентъ Ш—нъ. Къ либераламъ примыкали всѣ студенты юристы, часть филологовъ и математиковъ; радикальная же партія состояла исключительно изъ медиковъ (большинство студентовъ) и „естественниковъ". Дебаты въ столовой были всегда бурные; горячіе оппоненты съ книгами въ рукахъ, то со Спенсеромъ, то съ Боклемъ, то съ Дарвиномъ тутъ же цитатами изъ нихъ подкрѣпляли свои доводы, каждый по своему разумѣнію комментируя автора.

На нашихъ студенческихъ сходкахъ говорилось много и горячо, шуму было еще больше; все это шло какъ-то безъ системы, безпорядочно, но сколько молодого задора, сколько горячаго, искренняго чувства, сколько души вкладывалось въ эти „теоретическія схватки". Предметомъ нашихъ дебатовъ, какъ припоминается, ихъ общимъ и, такъ сказать, принципіальнымъ вопросомъ, былъ вопросъ о преимуществѣ реалистическаго и радикальнаго, или либерально-прогрессивнаго взглядовъ на данные явленія и факты: соціально-историческіе, экономическіе и политическіе. За либерально-прогрессивное направленіе стояли юристы и малая часть студенчества другихъ факультетовъ; за радикализмъ и реализмъ — медики и студенты -„естественники". Во взглядахъ первыхъ проглядывало вліяніе идей преобразовательнаго періода 60-хъ годовъ, радикалы же вдохновлялись еще Писаревымъ, Молешотомъ, Бюхнеромъ, Спенсеромъ, Ляйлеемъ, Дарвиномъ, Фохтомъ и другими ученіями людей этого лагеря; крайніе изъ радикаловъ цитировали и Маркса, Овена, Прудона, Фурье, Сенъ-Симона и Бланки—по вопросамъ политико-экономическимъ. Конечно, какъ горячо ни дебатировались данные вопросы въ нашей общестуденческой аудиторіи, практическихъ послѣдствій отъ этого никакихъ не вышло, такъ какъ обѣ противныя партіи всегда расходились, не установивъ никакого „modus vivendi" для точекъ отправленія при повтореніи споровъ на слѣдующей сходкѣ. Ближайшая, реальная польза отъ нашихъ ученыхъ турнировъ была та, что студенческая аудиторія являлась стимуломъ, побуждавшимъ студентовъ предаваться желанному чтенію самыхъ разнообразныхъ сочиненій и изслѣдованій по разнымъ предметамъ естествознанія, соціологіи, критики, политической экономіи, публицистики и т. д. И въ самомъ дѣлѣ: куда, въ какую колонію студентовъ вы ни загляните: вечеромъ ли, днемъ ли, вездѣ застанете юное общество то за чтеніемъ книгъ, то за горячими спорами по поводу прочитаннаго, то за составленіемъ списковъ того, что нужно прочесть, чтобы являться на ученые турниры въ студенческую

столовую съ извѣстнаго рода подготовкой. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ студенты первыхъ курсовъ университета, оставляя въ сторонѣ изученіе лекцій, предавались исключительно чтенію книгъ, то относящихся къ предметамъ курсовыхъ чтеній, то касающихся разнообразныхъ отраслей знанія. Юристы, напримѣръ, читали сочиненія по біологіи, геологіи, физіологіи и другимъ наукамъ; увлекались и Дарвиномъ, а медики набрасывались на Милля (въ комментаріяхъ Чернышевскаго), Спенсера, Конта и экономистовъ соціальнаго оттѣнка. Вся молодежь жаждала пріобрѣсти свѣдѣнія не только спеціальныя, но въ извѣстномъ смыслѣ и энциклопедическія. Данное стремленіе къ пріобрѣтенію многосторонніхъ познаній проявлялось въ средѣ студенчества не только относительно чтенія книгъ, но сказывалось и въ посѣщеніи ими лекцій: медики посѣщали лекціи политической экономіи (чтенія Н. Х. Бунге), или всеобщей исторіи (чтенія г. Бильбасова), а юристы—лекціи химіи и физіологіи, не говоря уже о лекціяхъ по психіатріи и судебной медицинѣ.

Указанное выше отношеніе студенчества къ своимъ занятіямъ касается большинства университетской молодежи; но въ частности здѣсь имѣли мѣсто рѣзкія исключенія, явный и глубокій разладъ между группами студентовъ отдѣльныхъ кружковъ, факультетовъ и курсовъ. Такъ какъ болѣе или менѣе серьезныя факультетскія занятія для студетовъ начинались съ 3 курса, то студенты послѣднихъ курсовъ группировались иначе, чѣмъ 1-го и 2-го курсовъ. Студентами первыхъ двухъ курсовъ преимущественно комплектовались всѣ тѣ кружки, въ которыхъ дебатировались разныя популярные среди студенчества научно-литературныя и соціально-экономическія теоріи; студенты же этихъ курсовъ составляли и главную активную силу частной студенческой аудиторіи. Хотя и въ кружкахъ, и въ сходкахъ принимали участіе и студенты высшихъ курсовъ, но ужъ больше въ качествѣ „лидеровъ“ разныхъ партій, или свѣдущихъ людей по общестуденческимъ дѣламъ и интересамъ (столовой, библіотеки и т. п.).

Бросалось въ глаза для посторонняго наблюдателя и подраздѣленіе студентовъ: факультетское и на „profession de foi“ у студентовъ разныхъ факультетовъ, и „курсовое“ (старшихъ курсовъ болѣе опытные спорщики). Такъ, напримѣръ, юристы на общихъ сходкахъ рѣдко были солидарны съ медиками-реалистами, получая отъ послѣднихъ неизмѣнное привѣтствіе „филистеры“. Разногласіе происходило, конечно, по вопросамъ теоретическаго характера. Въ вопросахъ же, касавшихся бытовой стороны студенчества, его жизни, играло роль лишь мнѣніе, удовлетворявшее идеально

честному отношенію къ дѣлу, къ предмету обсужденія, отъ кого бы оно ни исходило: медика, юриста, или филолога. Когда, напр., одинъ изъ студентовъ радикальнаго лагеря Б. не совсѣмъ благовидно распорядился дѣлами студенческой столовой, то его прежде всего осудили свои же товарищи-радикалы. Въ отношеніяхъ же совершенно частныхъ: въ развлеченіяхъ, пирушкахъ, театрѣ—между студентами существовало трогательное единство симпатіи молодости, увлеченія и непринужденной веселости, что такъ краситъ молодежь въ эту пору ея жизни и съ такимъ удовольствіемъ вспоминается во всю послѣдующую жизнь. Кто видѣлъ общество студентовъ въ ту пору на оперномъ спектаклѣ въ театрѣ, на катаньѣ по Днѣпру, на студенческихъ благотворительныхъ вечерахъ, тотъ зналъ, что видитъ передъ собой студентовъ вообще, безъ подраздѣленія на филологовъ, медиковъ и т. д.

Глава IV.

Студенты крайняго направленія.

Совершенно особое положеніе среди кіевскаго студенчества 70-хъ годовъ занимала группа лицъ, близкихъ къ кружку, заправлявшему частной библіотекой Ил—кого, по Большой Владимірской улицѣ, кружку, организовавшему и чтенія лекцій, вѣрнѣе, безплатное обученіе рабочихъ въ Кіевѣ—это группа такъ называемыхъ „народовольцевъ“. Въ числѣ лицъ этого кружка однимъ изъ выдающихся дѣятелей былъ и извѣстный Каблицъ (Юзовъ). Студенты этого лагеря держали себя какъ-то черезчуръ обособленно отъ нашихъ сходокъ и общестуденческихъ дебатовъ, представляя изъ себя, повидимому, лицъ очень серьезныхъ, занятыхъ, совершенно не посѣщали лекцій, университетъ, презрительно отзывались о факультетскихъ занятіяхъ, о пріобрѣтеніи знаній „академическимъ путемъ“, не признавали никакихъ научныхъ авторитетовъ въ области политико-экономическихъ ученій, кромѣ Маркса и т. п. авторовъ, обзывали филистерами такихъ классиковъ этой науки, какъ Адамъ Смитъ, Рикардо, Ротбертусъ, Кери и т. д. Они всецѣло погружены были въ изученіе авторовъ крайнихъ соціально-экономическихъ ученій, пользовались нерѣдко и произведеніями заграничныхъ „оракуловъ“ крайняго толка. Чрезвычайно безапелляціонныя сужденія студентовъ этой группы по разнымъ вопросамъ науки и литературы, ихъ изолированность отъ остального студенчества, отъ участія студентовъ другого лагеря въ кружкахъ этихъ

крайнихъ радикаловъ,—все это—вмѣстѣ взятое,—говорило далеко не въ пользу нашихъ не по возрасту серьезныхъ товарищей; и они—эти крайніе отрицатели авторитетовъ—не пользовались симпатіей остального студенчества. Кромѣ чрезвычайно высокаго самомнѣнія и нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ,—группа описываемаго студенчества не внушала къ себѣ довѣрія и страннымъ своимъ внѣшнимъ поведеніемъ: своей таинственностью сходокъ и подозрительностью къ непричастнымъ къ ихъ кружку лицамъ. Между тѣмъ, многимъ изъ насъ было извѣстно, что въ группѣ лицъ даннаго кружка участвовали и студенты первыхъ курсовъ университета съ довольно легкимъ умственнымъ „багажемъ“. Совершенно случайно лишь можно было попасть на интимную сходку студентовъ этой группы; но и то сейчасъ видишь неудовольствіе членовъ сходки при каждомъ появленіи на ней посторонняго, случайнаго посѣтителя. Благодаря неожиданной случайности, и мнѣ пришлось попасть на кружковую сходку данной группы студентовъ. Проходя къ себѣ, домой, по одной изъ улицъ, ведущихъ въ Липки, и вспомнивъ, что по дорогѣ живетъ однокурсникъ — товарищъ — Ваня Бухановскій, я завернулъ къ нему; въ квартирѣ его я засталъ небольшое, но внушительное собраніе малознакомыхъ и совершенно неизвѣстныхъ студентовъ. Съ Бухановскимъ знакомство было заведено мною еще съ первыхъ лекцій въ университетѣ, и такъ какъ онъ оказался довольно добродушнымъ „хохломъ“ (полтавецъ), то вскорѣ завязались между нами чисто товарищескія отношенія. Сколько можно было судить по Ваничкѣ, это совершенно безобидный малый, не бойкій, флегматичный, не особенно развитой, но вполнѣ добродушный малороссъ. Несмотря на неожиданность моего прихода къ Ваничкѣ, его товарищамъ нельзя было отдѣлаться отъ меня молчаніемъ или видимыми знаками неудовольствія относительно неожиданнаго посѣщенія кружка, поэтому и мнѣ, по неволѣ, пришлось узнать настоящую цѣль кружковой сходки. Цѣлью же сходки этого кружка было обсужденіе программы праздничныхъ чтеній и обученіе рабочихъ на кіевскихъ фабричныхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, распредѣленіе предметовъ занятій между членами кружка, время ихъ и очередь. Въ числѣ присутствовавшихъ активныхъ членовъ сходки находился, между прочимъ, и еврей Лурье, который, „ни что же сумляшеся“, взялся за объясненіе рабочимъ Закона Божія и, главное,—Новаго Завѣта. Когда я узналъ, что Лурье еврей и берется за изложеніе рабочимъ неподходящаго для него предмета, то не могъ не вмѣшаться въ разговоръ по этому поводу, съ указаніемъ на нецѣлесообразность подобнаго распредѣленія програмныхъ

чтеній. Къ сожалѣнію, мое возраженіе не только не встрѣтило сочувствія въ собраніи, но мнѣ пришлось выдержать довольно сильную атаку оппонентовъ. Мнѣ возражали съ раціоналистической точки зрѣнія, что и Новый Завѣтъ необходимо толковать съ этой раціоналистической же точки зрѣнія, а потому и безразлично, кто бы этимъ толкованіемъ ни занимался. Уличенный въ филистерствѣ, рутинерствѣ и т. п., я поскорѣе убрался изъ этой суровой компаніи, съ досадой, что меня сопровождаетъ лукавое „хихиканье“ Ванички Б—каго, какъ бы говорившаго: „а что, братецъ, попался“?!.. Кромѣ приведеннаго случая, мнѣ больше не приходилось и случайно попадать въ общество этой группы студентовъ. Къ заправиламъ упомянутой выше библіотеки И—го примыкала и цѣлая группа дѣвицъ, въ своихъ выдѣляющихся полумужскихъ костюмахъ. Дѣвицы эти были то слушательницы акушерскихъ курсовъ, то изъ постоянныхъ посѣтительницъ публичныхъ профессорскихъ лекцій, читаемыхъ въ университетѣ. Изъ группы студентовъ упомянутой нами категоріи и дѣвицъ впослѣдствіи стали организовываться общества соціалистовъ и коммунистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые фигурировали въ политическихъ процессахъ (Лурье, Дейчъ, Б—скій и др.) Товарищъ же мой Ваня Б—скій какъ-то незамѣтно выбылъ изъ студентовъ университета до полукурсовыхъ экзаменовъ, и появился черезъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ одного изъ опаснѣйшихъ „революціонныхъ“ дѣятелей въ извѣстномъ бунтѣ Чигиринскихъ крестьянъ, въ такъ называемомъ: „Чигиринскомъ дѣлѣ“. Объ этомъ дѣлѣ и о Ваничкѣ мнѣ пришлось узнать уже по окончаніи университетскаго курса, изъ газетъ. Какъ-то и не вѣрилось тогда, что такая безцвѣтная и добродушная личность, какъ Ваня, могъ рѣшиться на столь тяжкое и страшное преступленіе, погубить столько своихъ же сосѣдей, земляковъ-чигиринцевъ. Группа соціалъ-коммунистовъ студентовъ не оказывала въ описываемое нами время вліянія на массу студенчества: она жила своей обособленной жизнью, преслѣдовала свои преступныя цѣли довольно скрытно и осторожно, и если ряды ея пополнялись новыми членами изъ студенческой среды, то это были случайно увлеченные, легкомысленные и слабохарактерные субъекты, въ родѣ Ванички Б—скаго, безразлично относившіеся къ университету и къ академическимъ занятіямъ. На общихъ студенческихъ сходкахъ если и присутствовалъ кто изъ студентовъ-соціалистовъ, то инкогнито, такъ какъ, повторяемъ, въ массѣ студенчества эти люди не пользовались ни вліяніемъ, ни довѣріемъ, ни симпатіей, о чемъ мы уже упоминали выше.

Глава V.

Студенты-фразеры.

Существовала среди нашего студенчества еще одна прелюбопытная группа—это, если можно выразиться, переродившіеся „Рудины“ и „Базаровы“. Нахватившись „верховъ“ изъ авторовъ разныхъ „модныхъ“, такъ называемыхъ, передовыхъ ученій, выработавъ путемъ постояннаго практическаго упражненія извѣстнаго рода діалектическіе пріемы, ничѣмъ серьезно и усидчиво не занимаясь,—эти рыцари „пустопорожней“ болтовни на „ходячія“ темы только тѣмъ и занимались, что ходили со сходки на сходку, отъ одного товарища къ другому, затѣвали пустые споры, вездѣ и всегда жужжали, какъ „шмели“, спорили по самому ничтожному поводу, надоѣдали всѣмъ страшно. Жить съ товарищами такого „пошиба“—чистая пытка: ни самъ ничего не дѣлаетъ и не даетъ возможности и тебѣ взяться за дѣло: то тащитъ на сходку, то убѣждаетъ въ безполезности изученія нашихъ ученыхъ „филистеровъ“, то начнетъ излагать вновь вычитанныя мысли—и все „бубнятъ“ и „бубнятъ“ безъ умолку (типъ—студентъ Т—скій). Замѣчательно, что наши „назойливые говоруны“ рѣдко оканчивали полный университетскій курсъ; все имъ какъ-то не давалась „филистерская“ наука: то не вывезла энциклопедія права на „полукурсовкѣ“, то „зарѣзало“ уголовное право на выпускномъ экзаменѣ. Очень любили эти господа разговаривать и просвѣщать студентовъ 1-хъ курсовъ и юныхъ дѣвицъ; среди этихъ лицъ они преимущественно и искали себѣ поклонниковъ. Поклоненіе же эти „идолы“ любили страшно, такъ какъ обладали чертовскимъ самолюбіемъ; въ спорахъ были нетерпимы къ чужимъ мнѣніямъ, а при серьезномъ на нихъ натискѣ—и ругались.

Типъ студентовъ этой „формаціи“ былъ самый антипатичный въ нашей средѣ и представлялъ грустное явленіе среди университетской молодежи. „Рудины“ преобладали среди юристовъ и филологовъ. Что касается нашихъ Базаровыхъ и „Базаровщины“, то, въ противоположность Рудинымъ, они отличались рѣзкостью и отрывистостью рѣчи, „демократическимъ“ костюмомъ (красныя рубахи), реалистическимъ взглядомъ на вещи и отношенія людей, отсутствіемъ брезгливости, нѣкоторымъ „ухарствомъ“ и усидчивостью въ занятіяхъ экспериментальными науками. „Базаровщина“ преобладала среди медиковъ, переходя въ извѣстныхъ случаяхъ въ слабое

подобіе „Рахметовщины“ подъ (вліяніемъ извѣстнаго романа: „Что дѣлать“). „Базаровы“ были не въ примѣръ сноснѣе „Рудиныхъ“.

До сихъ поръ, какъ видно изъ изложеннаго выше, намъ приходилось больше указывать на отрицательныя и несимпатичныя стороны студенческой жизни, коснуться вскользь и профессуры. Ниже мы укажемъ и на положительныя, въ высшей степени симпатичныя стороны и студенческаго быта, и профессуры; но пока остановимся на одномъ эпизодѣ, сильно насъ всѣхъ волновавшемъ въ то время. Эпизодъ этотъ—франко-прусская война. Война эта насъ всѣхъ сильно занимала своими перипетіями: телеграммы, газеты вездѣ брались съ бою и въ университетской, частныхъ библіотекахъ, и въ мѣстахъ студенческихъ сходокъ; политическими извѣстіями дня мы зачитывались. По прочтеніи новостей, начинались горячіе споры, комментаріи, рядъ предположеній, предугадываній будущихъ событій: мы негодовали, радовались, разочаровывались. Если бы со стороны посмотрѣть на эту волнующуюся массу молодежи, послушать эти до хрипоты голоса, споры, то можно было подумать, что рѣчь идетъ о дѣлѣ кровномъ, родномъ, близкомъ сердцу каждаго. Университетская молодежь была безусловно на сторонѣ французовъ, но, конечно, какъ націи, потому что режимъ Наполеона III осуждался молодежью безпощадно, а противъ нѣмцевъ пылало страшное, „стихійное“ негодованіе. Нѣмецъ, какъ національный типъ, представлялся намъ бездушнымъ, грубымъ эгоистомъ, готовымъ проглотить Францію—эту носительницу высшей человѣческой культуры, безъ всякаго сожалѣнія. Въ особенности ненавистны были намъ „желѣзный“ Бисмаркъ и „стальной“ Мольтке. Всѣ мы высказывали желаніе, чтобы мы, русскіе, пользуясь удобнымъ случаемъ (послѣ Седана), соединились бы съ французами для того, чтобы остановить нѣмцевъ, воевавшихъ въ то время уже не съ правительствомъ Франціи, а съ ея народомъ. Но мечты наши остались мечтами, и нами выражалось лишь „платоническое“ сочувствіе къ Франціи, побитой, разбитой и униженной нѣмцами... Какъ прекрасенъ и трогателенъ былъ подъемъ патріотическаго духа нашей молодежи въ данное время—хоть сейчасъ изъ нея формируй боевые баталіоны...

Глава VI.

Университетское начальство и общая администрація.

По упраздненному нынѣ университетскому уставу 1863 г.,—студенты университета юридически признавались частными лицами, посѣтителями лекцій, слушателями; посѣщеніе лекцій для нихъ

было не обязательно; обязательна была выправка „матрикулярнаго“ билета, какъ вида на жительство; обязателенъ былъ взносъ платы за право слушанія лекцій; необходимо было являться на полукурсовыя и курсовыя испытанія. Такое de jure положеніе студентовъ не могло не отражаться и на отношеніи къ нимъ какъ университетской администраціи, такъ и общей администраціи края; оно отражалось и на отношеніяхъ студентовъ другъ къ другу. О послѣдняго рода отношеніяхъ студентовъ мы уже говорили выше. Университетская же администрація, въ лицѣ: ректора, проректора и декановъ университета относилась въ наше время къ студентамъ и добродушно, и доброжелательно, безъ формализма и чиновнической субординаціи. Фактическій контроль университетской администраціи надъ частной жизнью студента и надъ его научными занятіями совершенно отсутствовалъ. Кто изъ насъ интересовался лекціями и какими именно,—тотъ тѣ лекціи и посѣщалъ; кто нуждался въ руководительствѣ при изученіи даннаго факультетскаго предмета, тотъ и обращался за совѣтомъ къ профессору избраннаго для изученія предмета; кто желалъ брать книги изъ библіотеки, тотъ имѣлъ дѣло съ библіотечными распорядителями; о пособіяхъ и стипендіяхъ хлопотали черезъ университетскихъ деканов. Съ ректоромъ университета, проректоромъ и совѣтомъ дѣловыя отношенія были очень рѣдки. Однимъ словомъ, при добропорядочномъ своемъ поведеніи въ зданіи университета, при посѣщеніи лекцій, экзаметовъ и при мирной жизни внѣ стѣнъ университета, можно было окончить университетскій курсъ, не имѣя ни малѣйшаго представленія объ университетской администраціи, какъ учебномъ начальствѣ. Существованіе студенческихъ кассъ, столовой и библіотеки, хотя, по всей вѣроятности, и было извѣстно университетскому начальству, но пока въ этихъ автономныхъ студенческихъ учрежденіяхъ дѣло шло тихо „мирно“ и „благородно“,—не было и повода университетской администраціи вмѣшиваться въ студенческія дѣла, тѣмъ болѣе, что и общей гражданской администраціей эти учрежденія совершенно игнорировались. Добродушное отношеніе нашей университетской администраціи къ студенчеству и его дѣламъ въ 70 годахъ объясняется еще и тѣмъ, что во главѣ университета, какъ его ректоръ, стояло лицо, безукоризненной честности, высокогуманный Н. Х. Бунге (†). Къ своему ректору студенты относились въ высшей степени почтительно, высоко цѣня его нравственныя качества и, надо думать, что глубокое моральное воздѣйствіе этого лица на кіевское студенчество и было причиною того, что за все время нашего пребыванія въ университетѣ мы помнимъ лишь одинъ „скандальный“ случай со стороны нѣкоторыхъ

студентовъ, потребовавшій вмѣшательства въ дѣло университетскаго начальства—это театральный „дебошъ“ студентовъ Фил—ко и Пол—ко изъ-за вызова любимыхъ оперныхъ пѣвицъ.

Обще-гражданская администрація, не менѣе университетской, относилась къ студентамъ довольно снисходительно: ни на студенческихъ—кружковыхъ сходкахъ, ни общихъ въ студенческой столовой,—не приходилось встрѣчаться съ полицейской агентурой какъ явной, такъ и тайной. Если же въ мѣстахъ публичныхъ собраній: зимнемъ театрѣ, „Chateau de fleur“ и т. п. и приходилось встрѣчаться съ неблаговидными поступками нѣкоторыхъ дебошировъ-студентовъ, то весь инцидентъ исчерпывался простымъ прекращеніемъ безпорядка, безъ дальнѣйшихъ криминальныхъ послѣдствій. Того же, что называется „травлей“ студентовъ, предубѣжденности противъ общаго направленія молодежи, что имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ другихъ университетахъ, въ Кіевѣ въ описываемое время не имѣло мѣста.

Благодушное настроеніе относительно студенчества мѣстной администраціи края и снисходительное ея къ нимъ отношеніе можетъ быть объяснимо, съ одной стороны, тѣмъ, что въ общей массѣ своей и въ своемъ „гражданскомъ“ частномъ быту студенчество вело себя спокойно, прилично и благонамѣренно: ни массоваго „бражничанья,“ ни „дебоширства“, ни внѣшняго проявленія политической неблагонамѣренности не существовало. Кромѣ того, въ сторону благодушнаго отношенія гражданской администраціи къ студенчеству въ извѣстной степени вліяло и то обстоятельство, что начальникомъ края въ наше время былъ кн. М. Дундуковъ-Корсаковъ, просвѣщенный и добрый человѣкъ—самъ бывшій студентъ, при чемъ въ числѣ студентовъ Кіевскаго университета находился и сынъ ген.-губерн., М. М. Дундуковъ-Корсаковъ. Несмотря на хорошее въ общемъ отношеніе гражданской администраціи къ студенчеству,—извѣстный въ свое время кіевскій полицеймейстеръ фонъ-Гюбенетъ пользовался у студентовъ чрезвычайной антипатіей. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаяхъ, кто-нибудь изъ студентовъ въ отдѣльности, или цѣлымъ обществомъ, непремѣнно устроятъ этому господину какую-нибудь пакость: то угостятъ его невкуснымъ напиткомъ, то умышленно надебоширятъ, нагрубятъ и извернутся отъ преслѣдованія. Вездѣ и всегда преслѣдовали студенты этого почему-то нелюбимаго и нетерпимаго человѣка; иронія и смѣхъ преслѣдовали фонъ-Г—та. Объ „интеллектѣ“ же его студенты были самаго невысокаго мнѣнія. Больше всѣхъ надоѣдалъ г-ну Г—ту студентъ Гроссъ.

Глава VII.

Наши профессора и учебныя занятія студентовъ.

Переходимъ къ нашимъ ближайшимъ руководителямъ по курсовымъ занятіямъ—г.г. профессорамъ. Ранѣе мы набросали относительно профессоровъ лишь тѣ первыя впечатлѣнія, которыя были вынесены нами изъ первыхъ посѣщеній ихъ лекцій. При дальнѣйшемъ слушаніи лекцій и при знакомствѣ съ профессорами старшихъ курсовъ—и лекціи ихъ получаютъ другое значеніе, освѣщеніе, да и сами лекторы представляются въ другомъ свѣтѣ, конечно, не всѣ сплошь, какъ и не всѣ лекціи похожи однѣ на другія: тутъ дѣло въ моральномъ вліяніи личности профессора и въ отношеніи его къ своему дѣлу. Болѣе близкое знакомство студентовъ (мы говоримъ о юристахъ) какъ съ факультетскими предметами занятій, такъ и съ профессорами, начинается лишь со времени полукурсовыхъ экзаменовъ: на 3 и 4 курсахъ. На 1-мъ и частью на 2 курсѣ студенты, какъ уже было сказано ранѣе, большую часть свободнаго времени посвящали чтенію книгъ, то относящихся къ курсовымъ предметамъ (кто работалъ, напр., надъ сочиненіемъ), то къ разнороднымъ отраслямъ знанія вообще. При такого рода отношеніи большинства студентовъ къ своимъ домашнимъ занятіямъ, въ ближайшемъ знакомствѣ ихъ съ „профессурой“ не предстояло особой надобности: всякъ добивался самостоятельно узнать то, что его въ данную минуту, съ обще-культурной точки зрѣнія, интересовало и занимало. Были, впрочемъ, и такіе студенты, которые относились серьезно и къ такому формальному требованію факультетскаго курса, какъ представленіе письменныхъ работъ на заданную или избранную въ году тему по данному факультетскому предмету, и тогда должны были прибѣгать къ совѣту профессора. За подобнаго рода письменныя работы студенты освобождались отъ платы за ученіе, а за лучшія изъ нихъ выдавались и единовременныя пособія до 80 р. Само собою разумѣется, что указанные прилежные студенты и ближе стояли къ своимъ факультетскимъ профессорамъ, чѣмъ остальные ихъ товарищи. Большинство же студентовъ только со 2 курса приступаютъ къ изученію, или, вѣрнѣе, просмотру курсовыхъ лекцій—для полукурсоваго экзамена, при чемъ самая усидчивая работа надъ лекціями наступаетъ мѣсяцевъ за 5 до экзаменовъ.

Готовились къ экзамену, обыкновенно, по два или по три студента вмѣстѣ; были и сверхкомплектные, у кого не было лекцій.

Распредѣлялись и штудировались факультетскіе предметы съ такимъ разсчетомъ, чтобы умѣть приготовить все необходимое для экзамена ко времени экзаменаціонныхъ сроковъ, промежутки же между отдѣльными экзаменами оставлялись для пополненія неминуемыхъ пробѣловъ въ курсѣ. На юридическомъ факультетѣ изъ самыхъ „страшныхъ“ экзаменаціонныхъ предметовъ 2 курса представляла собой „энциклопедія права“, и за нее-то мы прежде всего и принимались. Хотя полукурсовые экзамены въ сущности были далеко не строги по предъявлявшимся на нихъ требованіямъ къ студентамъ со стороны г. г. профессоровъ, но эту легкость экзаменовъ испытывали на себѣ и шли экзаменоваться со спокойнымъ духомъ лишь тѣ изъ студентовъ, которые систематически и въ теченіе двухъ первыхъ курсовъ, посѣщая аккуратно лекціи профессоровъ, въ то же время параллельно изучали и литографированныя курсовыя записки по предметамъ профессорскихъ чтеній, пользовались и вспомогательными руководствами и пособіями къ лекціямъ, указанными профессорами. Большинство же студентовъ на лекціи и на самые экзамены смотрѣли какъ на неизбѣжное „sine qua non“ для окончанія университетскаго курса. Не мало было и такихъ студентовъ, которые, проживая годъ и болѣе внѣ Кіева, состоя въ „отхожемъ промыслѣ“, запасались курсовыми записками, готовились къ экзамену на мѣстахъ нахожденія своихъ „выѣздныхъ“ уроковъ и лишь за мѣсяца 2 до экзаменовъ являлись въ городъ, начинали усердно посѣщать лекціи по утрамъ, а днемъ и по ночамъ провѣряли пробѣлы въ своихъ курсовыхъ занятіяхъ. Часто приходилось удивляться значительному количеству слушателей на лекціяхъ во время, предшествовавшее экзаменамъ; были посѣтители лекцій, которыхъ въ первый разъ видишь въ аудиторіи; но недоразумѣніе разъясняли сами „незнакомцы“, поясняя, что это нужно (посѣщать лекціи), такъ какъ нѣкоторые изъ экзаменующихъ профессоровъ имѣютъ обыкновеніе знакомиться съ „перелетными“ студентами во время самыхъ экзаменовъ, начиная знакомство фразой: „кажется, я первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть“ (Проф. Ре—фъ).

Со всѣми изложенными приготовленіями и предосторожностями,—полукурсовые экзамены сходили благополучно для большинства нашихъ юристовъ; но бывали и „массовые провалы“: такъ въ наше время провалились на энциклопедіи права почти всѣ нѣжинскіе лицеисты, перешедшіе изъ лицея кн. Безбородко на юридическій факультетъ Кіевскаго университета. Бѣдные лицеисты должны были послѣ полукурсового экзамена „играть отбой“ и отступить обратно къ стѣнамъ своего лицея, для дальнѣйшаго окон-

чанія „ученой кампаніи", предпринятой въ Кіевѣ... На полукурсовыхъ экзаменахъ намѣчались и обозначались характерныя черты тѣхъ изъ студентовъ, которые по способу и пріемамъ, практиковавшимся ими при изученіи факультетскихъ предметовъ, получали отъ товарищества и извѣстные „ярлыки". По этимъ „ярлыкамъ" курсовые товарищи раздѣлялись на людей съ серьезно-научной и спеціальной подготовкой, людей талантливыхъ,—на „зубрилъ", довольствовавшихся однѣми записками, но за то знавшихъ ихъ дословно, и на такъ называемыхъ, студентовъ „свободомыслящихъ", смотрѣвшихъ на записки, какъ на необходимое зло для полученія аттестата объ окончаніи университетскаго курса. „Зубрилы" „норовили" все на кандидатскій дипломъ и страшно боялись, чтобы въ экзаменаціонныхъ отмѣткахъ передъ словомъ: „удовлетворительно" не было пропущено: „весьма", что могло мѣшать полученію кандидатскаго диплома.

Серьезно подготовленные по курсовымъ предметамъ товарищи, хотя тоже разсчитывали на кандидатскіе дипломы, но не придавали этому ученому званію особеннаго значенія, не „лѣзли изъ кожи", чтобы получить его. Помнится, нашъ одинъ товарищъ М. Ар. К—въ, который, получивъ по всѣмъ факультетскимъ предметамъ наивысшіе экзаменаціонные баллы, не пожелалъ кандидатскаго диплома и умышленно отказался отъ представленія кандидатской диссертаціи, но за то его аттестатъ весь пестритъ словами: „весьма удовлетворительно". Изъ замѣчательныхъ „зубрилъ" и кандидатовъ правъ были извѣстные Гр—бъ и другіе—въ общемъ далеко и не вполнѣ развитые „культурно" интеллигенты. Студенты же свободомыслящіе — это все большинство дѣйствительныхъ студентовъ (по аттестатамъ): кто повыше, а кто пониже въ рядахъ академическихъ списковъ. Изъ талантливыхъ и серьезно-научно подготовленныхъ товарищей нашего времени можно указать на Ев. К—ва (занимавшаго одно время довольно видный постъ по министерству финансовъ), Тальберга (профессора †), Назимова (†) и студента старшаго курса Аф. А—вича [1]) (тоже профессора), бывшаго нашего сожителя—это юристы. Изъ филологовъ укажемъ: на Дашкевича (бывшаго профессора), Брянцева; изъ медиковъ: Тритшель и С. Колачевскій (недавно умершій милліонеръ) и др. Студенты старшихъ курсовъ университета, всецѣло преданные научнымъ занятіямъ, обыкновенно, старались уже спеціализировать свои занятія факультетскими предметами, усердно посѣщали лекціи, брали для чтенія книги изъ университетской библіотеки, входили

[1]) Б. тов. мин. финансовъ.

въ ближайшія сношенія съ г.г. профессорами даннаго предмета; усидчиво работали въ лабораторіяхъ, клиникахъ и подъ руководствомъ профессора изучали излюбленный факультетскій предметъ, не упуская изъ виду и основательной подготовки по общимъ курсовымъ предметамъ. Эти же—лучшіе студенты—были и постоянными посѣтителями, докладчиками и главной дѣятельной силой на нашихъ факультетскихъ практическихъ лекціяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣлѣ образованія группы серьезныхъ въ научномъ отношеніи студентовъ „работниковъ“ имѣло огромное значеніе то научное и „главное“ — моральное вліяніе на студенчество извѣстныхъ профессоровъ, которое распространялось и за предѣлы даннаго факультета. Вліянію профессоровъ скорѣе поддавались студенты высшихъ курсовъ, начиная съ 3-го, когда молодежь, освоившись со своимъ студенческимъ положеніемъ въ его „домашнемъ быту“ (сходки, кружки и проч.), расширивъ и свои умственные горизонты (чтеніемъ, научными турнирами), начинали предъявлять болѣе опредѣленные и положительные запросы къ факультетскимъ чтеніямъ лекцій, тѣмъ болѣе, что и самые предметы чтеній на высшихъ курсахъ были болѣе интересны по разнообразію научнаго матеріала, да и профессора, по счастью, оказались и болѣе талантливые, и гораздо симпатичнѣе, чѣмъ на первыхъ курсахъ (говоримъ о юридич. факультетѣ преимущественно). Изъ выдающихся профессоровъ Кіевскаго университета 70-хъ годовъ укажемъ на юристовъ: Н. Хр. Бунге, Кистяковскаго, Митюкова, Зибера и Романовича-Славатинскаго; филологовъ — Бильбасова, Модестова, Вл. Антоновича и Иконникова; медиковъ — Афанасьева (умершій), Коломнина, Иванова, Хрж—скаго, Покровскаго; по физико-математическому—Ковалевскій, Хандриковъ, Алексѣевъ (химикъ) и мн. др. На юридическомъ факультетѣ самое замѣтное вліяніе на своихъ слушателей оказывали профессора: Н. Хр. Бунге и Кистяковскій; на медицинскомъ огромной популярностью пользовались молодыя научныя силы, — доценты: Афанасьевъ и Коломнинъ. Вліяли эти лица на студенчество и своими чтеніями, но болѣе всего свѣтлымъ нравственнымъ обликомъ — это были „кристаллически“ чистыя и честныя личности. Профессоръ Бунге излагалъ намъ, — юристамъ 3 курса, курсъ полицейскаго права и статистики. Курсу полицейскаго права въ тѣсномъ смыслѣ предшествовало, обыкновенно, изложеніе исторіи политико-экономическихъ ученій. Лекціи по этому предмету въ устномъ пересказѣ профессора были замѣчательно интересны и глубоко-содержательны. Не обременяя нашей памяти и не ослабляя вниманія излишними цитатами трактуемыхъ авторовъ ученій, лекторъ въ удивительно сжатой и ясной лекціи

умѣлъ вложить въ память слушателя всю суть даннаго ученія. Почтенный профессоръ не обладалъ сильнымъ голосомъ, но такъ какъ аудиторія была небольшая, чтеніе лекцій происходило экспромптомъ, плавно, живо, съ неизмѣнной улыбкой на лицѣ лектора, при чемъ г. профессоръ имѣлъ обыкновеніе читать свои лекціи стоя у каѳедры, то такой способъ изложенія лекцій чрезвычайно „полюбился“ слушателямъ Н. Хр. Бунге: вся аудиторія выслушивала лектора съ неослабѣвающимъ отъ начала и до конца интересомъ, и оставляли аудиторію студенты вполнѣ удовлетворенные предметомъ чтеній. Прекрасное и глубокое впечатлѣніе производили чтенія Н. Х. Б. не только на насъ, его постоянныхъ слушателей, но и на случайныхъ посѣтителей его лекцій. Я и до сихъ поръ сохранилъ въ памяти восторженный отзывъ знатнаго японца Нисси Токузиро [1]), посѣтившаго въ наше время лекціи Н. Х. Бунге. Съ г-мъ Нисси мнѣ пришлось посѣщать и осматривать многія достопримѣчательности Кіева, и вотъ, дѣлясь своими впечатлѣніями, г. Нисси выразился о Н. Х. Б., какъ о замѣчательномъ профессорѣ. Знатный японецъ, между прочимъ, хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ. Еще болѣе чѣмъ лекторъ Н. Х. Б. вліялъ на студентовъ своей нравственной чистотой и обаяніемъ своей личности. Когда многіе изъ нашихъ профессоровъ-юристовъ всецѣло погружены были то въ банковскія и городскія дѣла, какъ Сидоренко, Рененкампфъ, то въ „совѣтскія“ интриги и дрязги (проф. Томса, Эргардтъ), профессоръ Бунге далеко держалъ себя отъ этихъ „болотъ“. Прекрасное и плодотворное моральное вліяніе Н. Х. Б. на студентовъ проявлялось въ особенности на собесѣдованіяхъ съ нами профессора, на практическихъ лекціяхъ по его предмету.

Глава VIII.

Практическія факультетскія занятія.

Практическія занятія факультетскими предметами у насъ, юристовъ, были заведены лишь двумя профессорами: Н. Х. Бунге и Кистяковскимъ. Предметомъ практическихъ занятій служили разнообразныя темы изъ прочитаннаго курса по предметамъ упомянутыхъ профессоровъ и выражались въ приватныхъ собесѣдованіяхъ профессоровъ со своими слушателями по данному вопросу. Задавались для разработки извѣстныя темы, служившія матеріаломъ

[1]) Бывшій японскій посолъ въ С.-Петербургѣ.

для письменныхъ докладовъ, рефератовъ; рефераты затѣмъ разрабатывались и дебатировались подъ руководствомъ профессоровъ, совершенно свободно, въ видѣ частныхъ разговоровъ, съ большимъ оживленіемъ и интересомъ съ нашей стороны. Руководитель такихъ приватныхъ лекцій—Н. Х. Б.—здѣсь-то и проявлялъ свою необыкновенную мягкость обращенія съ нами, терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, часто и парадоксальнымъ, и едва уловимую иронію въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь изъ насъ черезчуръ уже, что называется, „зарапортуется“ въ своихъ разсужденіяхъ по данному вопросу.

Наши практическія собесѣдованія между собою подъ руководствомъ профессора по данному предмету были однимъ изъ главныхъ стимуловъ для серьезнаго отношенія съ нашей стороны къ научнымъ занятіямъ: они доставляли намъ, кромѣ высокаго умственнаго интереса, и существенное подспорье въ подготовкѣ къ экзаменамъ. Для профессоровъ практическія лекціи служили самымъ удобнымъ средствомъ для выбора изъ нашей среды выдѣляющихся по своимъ знаніямъ и талантамъ лицъ, которыя потомъ намѣчались профессорами въ стипендіаты для приготовленія ихъ къ профессорскому званію: и въ самомъ дѣлѣ, изъ школы Н. Хр. Б. и г. Кистяковскаго вышло не мало профессоровъ въ Кіевскій университетъ, напр. Пи—но, А. Антоновичъ, Тальбергъ, тогда какъ другіе профессора-юристы рѣдко оставляли послѣ себя подготовленныхъ къ ученой „карьерѣ“ лицъ. Подобно изложенному, слѣдуетъ сказать и о практическихъ лекціяхъ профессора Кистяковскаго, съ тою разницею, что почтенный нашъ криминалистъ, кромѣ темъ курсовыхъ, избиравшихся для обсужденія по уголовному праву, вносилъ еще на обсужденіе студентовъ и нѣкоторыя темы по живо трепещущимъ вопросамъ дня—процессуальнымъ, уголовному праву и судоустройству, даже и изъ публицистики. Какъ на примѣръ, укажемъ на обсужденіе извѣстной статьи Ев. Маркова въ газетѣ „Голосъ“. „Софисты XIX в.“. Отношеніе къ намъ профессора Кистяковскаго на практическихъ лекціяхъ было столь же гуманное, терпѣливое и сердечное, какъ и Н. Х. Б. Благожелательное отношеніе г. Кистяковскаго къ своимъ слушателямъ не обосновывалось на стремленіи профессора къ популярности, такъ какъ скромнѣе человѣка, какъ г. Кистяковскій, несмотря на громадность его ученыхъ заслугъ, трудно было и найти въ средѣ кіевскаго ученаго сословія, и профессоръ терпѣливо работалъ съ нами приватно, исключительно въ интересахъ научной пользы практическихъ лекцій для юристовъ. Профессоръ, конечно, не ошибался. Какъ и Н. Х. Б., г. Кистяковскій своей моральной чистотой былъ намъ также въ высокой степени симпатичнымъ, тѣмъ болѣе, что мы еще его знали, какъ „большого работника“ въ дѣлѣ науки и всегда съ особымъ инте-

ресомъ прочитывали его капитальные научные труды. Помимо этого, т. е. ученыхъ изслѣдованій проф., самый курсъ уголовнаго права г. Кистяковскаго по своему удивительно ясному изложенію, богатству содержанія и систематической обработкѣ матеріала—представляется едва-ли не серьезнѣйшей и плодотворнѣйшей работой почтеннаго нашего наставника, въ особенности, если сравнить его съ разными новѣйшими курсами, разными началами политической экономіи „и пособіями для слушателей“ нашихъ скороспѣлыхъ ученыхъ! Упомянутые два профессора были нашими идеальными наставниками, красой и факультета, и университета. Относительно чтенія лекцій профессоромъ Кистяковскимъ нужно сказать, что чтенія эти не были вполнѣ безупречны; профессоръ не обладалъ плавностью рѣчи, ораторскимъ талантомъ; не было той живости въ пересказѣ содержимаго лекцій, что такъ плѣняетъ слушателя; но зато приведенные недостатки выкупались удивительной ясностью изложенія: строго послѣдовательнымъ развитіемъ мыслей, богатствомъ фактическаго содержанія лекціи. Оставляя аудиторію Кистяковскаго, слушатель сознаетъ, что къ его міросозерцанію прибавились новые мысли, взгляды, освѣщены цѣлыя, невидимыя области человѣческаго познанія, и постоянный свѣтъ науки глубоко проникаетъ въ сознаніе студента, а не шевелитъ и задѣваетъ его поверхностно игрой „случайно падающихъ свѣтовыхъ лучей“...—Остальные профессора высшихъ курсовъ юридическаго факультета производили на насъ своими чтеніями то же впечатлѣніе, какъ и г.г. профессора 1-го курса: тутъ были: и свой Р—фъ—пр. Незабитовскій и свой Д—ко—проф. Сидоренко. На экзаменахъ проф. Н. Х. Б. и Кистяковскій были снисходительны и справедливы, да и намъ, ихъ слушателямъ, совѣстно было идти экзаменоваться по угол. праву или полицейскому на „ура“, а потому студенты 4 курса готовились къ экзаменамъ по предметамъ нашихъ любимыхъ профессоровъ серьезнѣе, чѣмъ по другимъ курсовымъ предметамъ. Что касается профессоровъ-дѣльцовъ, то эти господа, занятые болѣе внѣ стѣнъ университета, на свои лекціи смотрѣли гораздо снисходительнѣе, чѣмъ „лѣнивые чиновники“ на свои канцелярскія „манипуляціи“: лишь бы быть на лекціи.—Отъ такого „сорта“ лекторовъ, какъ и отъ ихъ лекцій студенчество ничего полезнаго для себя не ожидало, лекціями „дѣловитыхъ“ профессоровъ не интересовалось; мы довольствовались жиденькими профессорскими записками данныхъ своихъ наставниковъ и съ этимъ легкимъ научнымъ багажемъ шли на экзамены. Кто же изъ насъ интересовался предметомъ, бывшимъ въ рукахъ одного изъ профессоровъ „дѣльцовъ“, тотъ изучалъ излюбленную науку совершенно самостоятельно.

Крайне антипатичными были для студенчества профессора-нѣмцы, не потому собственно, что они нѣмцы, а не русскіе, а въ силу того, что большинство ихъ состояло изъ факультетскихъ и совѣтскихъ интригановъ; развитію же интригъ способствовала выборная система, что дальше можно усмотрѣть и на дѣятельности этихъ лицъ при избраніи профессоровъ. Всѣмъ, или огромному большинству студентовъ доподлинно было извѣстно, что въ совѣтѣ нашего университета постоянно интригуютъ профессора, то изъ-за командировокъ, то изъ-за выбора и баллотировки доцентовъ на профессорскія каѳедры. Боролись, главнымъ образомъ, двѣ партіи—нѣмецкая и русская... Нѣмецкая состояла изъ профессоровъ-нѣмцевъ, преобладавшихъ на медицинскомъ факультетѣ и, частью, на физико-математическомъ; къ русской партіи принадлежали остальные профессора. Лидерами нѣмецкой партіи считались Эргардтъ, Томса и Мацонъ; у русской, кажется, лидера-то и не было, такъ какъ между русскими профессорами было много „дайчландистовъ“, если можно такъ выразиться. Въ описываемое нами время въ нашемъ учено-административномъ „ареопагѣ“ преобладала партія нѣмецкая. Преобладаніе данной партіи въ университетскомъ совѣтѣ особенно рельефно сказалось при баллотировкѣ на профессорскія каѳедры двухъ доцентовъ медицинскаго факультета—Афанасьева и Коломнина, которыхъ нѣмцы такъ и не пропустили въ „экстраординарные“, что вызвало цѣлую бурю негодованія между студенчествомъ вообще и медиками въ особенности, и если дѣло не дошло до явной по этому поводу манифестаціи, то благодаря лишь той популярности и той симпатіи, какими указанные профессора пользовались среди насъ, и устройствомъ манифестацій студентамъ не желательно было любимымъ наставникамъ причинять лишнія непріятности. И въ самомъ дѣлѣ, г. г. Афанасьевъ и Коломнинъ выдѣлялись изъ персонала преподавателей медицинскаго факультета рѣдкой личной нравственной чистотой и беззавѣтной преданностью наукѣ: они не были практиками-„стяжателями“ и не проводили цѣлыхъ дней „въ каретѣ“, какъ другія наши медицинскія свѣтила, скоро накупившія дома и имѣнія (Мерингъ, Хржанщевскій и др.).

Къ нѣмецкой партіи изъ русскихъ профессоровъ примыкали, главнымъ образомъ, наши „ученые дѣльцы“ съ Р—омъ во главѣ, и въ этомъ отношеніи они шли рука объ руку: медикъ съ юристомъ, филологъ съ математикомъ и т. д. Благодаря этой кликѣ университетскихъ ученыхъ мужей, такая свѣтлая и благородная личность, такой рѣдкій труженикъ науки, какъ В. Б. Антоновичъ, долго долженъ былъ пробавляться доцентурой, тогда какъ „ученые ремесленники“, вродѣ Г—ля, Суботина и другихъ —

скоро проскакивали и въ „ординарные“. Всѣ указанные непривлекательныя дѣлишки ученыхъ мужей нашего университета послужили даже матеріаломъ для одного беллетристическаго произведенія „изъ нравовъ кіевскихъ ученыхъ“, и читая этотъ романъ, нельзя сказать, чтобы авторъ много преувеличилъ относительно того, что касается характеристики нашихъ профессоровъ-дѣльцовъ. Наши ученые дѣльцы—они же банковскіе и думскіе дѣятели—могли, конечно, оправдывать свою дѣятельность тѣмъ, что попали въ теченіе дѣловой общественной жизни и были теченіемъ увлечены, растерявъ въ увлеченіи и свой „научный багажъ“... Отмѣченная сторона дѣятельности членовъ нашей ученой университетской корпораціи представляла собою, конечно, „некрасивое пятно“ на свѣтломъ фонѣ картины университетской жизни, но и некрасивое пятно на общемъ ея фонѣ—въ значительной степени теряло свой непривлекательный видъ и „затушевывалось“ дѣятельностью нашихъ лучшихъ профессоровъ.

Глава IX.

Публичныя лекціи и экзамены.

Выше мы уже говорили о практическихъ лекціяхъ Н. Х. Б. и Кистяковскаго по юридическому факультету; но лучшими нашими профессорами читались въ университетѣ, большею частью по вечерамъ, и публичныя лекціи по предметамъ естествознанія: физіологіи, химіи и другимъ. Лекторы публичныхъ лекцій, какъ бы предугадывая живой по времени интересъ общества къ пріобрѣтенію научныхъ познаній по предметамъ прикладныхъ наукъ, безкорыстно и съ полною любовью къ дѣлу шли навстрѣчу запросамъ дня и общественной любознательности. Мы не помнимъ, кому собственно изъ нашихъ профессоровъ принадлежала иниціатива по открытію и правильной организаціи публичныхъ лекцій при университетѣ, кажется, Як. Як. Вальцу, но хорошо помнимъ, что лекціи всегда были переполнены публикой; много посѣщало лекціи студентовъ и еще больше женщинъ и дѣвушекъ. Лекціи излагались хотя и научно, но популярно; выслушивались съ живымъ интересомъ и записывались. На этихъ же лекціяхъ студенчество сближалось съ „прекрасной половиной человѣческаго рода“, и въ этомъ смѣшанномъ обществѣ самымъ серьезнымъ и оживленнымъ образомъ трактовались темы, бывшія предметомъ публичныхъ чтеній. Здѣсь-то, на этихъ лекціяхъ, наши „псевдо-Рудины“ чувствовали себя, какъ нельзя лучше, и „улавливали“ своихъ поклонницъ и поклонниковъ.

Изъ профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи, большой извѣстностью и популярностью пользовались г.г. Хржонщевскій (медикъ), Алексѣевъ (химикъ) и многіе другіе.

Публичныя лекціи имѣли полный и заслуженный успѣхъ, и за чтеніе ихъ нельзя не высказать „великой“ благодарности профессорамъ нашего университета; нельзя не благодарить ихъ за тотъ свѣтъ и интересъ къ наукѣ, которые они вносили въ интеллигентную общественную среду, такъ жадно въ данное время интересовавшуюся научными вопросами по предметамъ естествознанія. Бывшіе слушатели профессорскихъ публичныхъ лекцій всегда и съ глубокой признательностью вспоминали этихъ безкорыстныхъ тружениковъ науки, дѣлившихся съ публикой своими знаніями и разъяснявшихъ ей непонятные вопросы по интересующимъ предметамъ научныхъ знаній. Благодаря публичнымъ лекціямъ, и студенты не ограничивались изученіемъ своихъ профессіональныхъ предметовъ, но, какъ уже сказано было выше, съ охотой и съ живымъ интересомъ углублялись въ изученіе и пріобрѣтеніе полезныхъ свѣдѣній и по предметамъ естествознанія.

Указавъ въ общихъ чертахъ на главныя явленія и факты изъ „былого“ жизни Кіевскаго университета 70-хъ годовъ, мы, въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ окончательныхъ экзаменахъ и курсовыхъ сочиненіяхъ. Такъ какъ выпускными экзаменами подводился общій итогъ профессіональнымъ знаніямъ студента, которыя онъ, предполагалось, долженъ былъ вынести изъ „храма науки“, въ теченіе четырехлѣтняго въ немъ пребыванія, то и экзамены эти были гораздо серьезнѣе полукурсовыхъ, да и профессора къ оканчивающимъ курсъ студентамъ предъявляли болѣе „повышенныя“ и строгія требованія. Другое отношеніе къ выпускнымъ экзаменамъ трудно было, конечно, и допустить, разъ студенту долженъ былъ быть выданъ аттестатъ „университетской зрѣлости“.

Сами студенты, сознавая большую важность окончательныхъ курсовыхъ испытаній, готовились къ нимъ серьезнѣе и заблаговременно, при чемъ, не ограничиваясь штудированіемъ предметовъ по которымъ предстояли экзамены, просматривали изъ пройденныхъ раньше курсовъ такіе ихъ отдѣлы, изъ которыхъ на экзаменахъ можетъ быть предложенъ случайный вопросъ, потребующій отвѣта. Въ свою очередь, профессора въ вопросахъ, предлагавшихся на окончательныхъ испытаніяхъ, не только касались темъ, относящихся къ данному предмету, но интересовались и общей научной подготовкой испытуемаго, обращая вниманіе, главнымъ образомъ, на культурное развитіе даннаго лица. Относились такъ къ студен-

тамъ на экзаменахъ лишь тѣ изъ профессоровъ, которые во время производства испытаній не обременяли своей головы ни „банковскими“, ни „думскими“ думами... Случайныхъ вопросовъ на экзаменахъ болѣе всего боялись наши студенты изъ „потрошителей“ профессорскихъ записокъ, и нерѣдко случалось, что на этихъ общихъ вопросахъ они и проваливались, несмотря на отличное знаніе содержанія „вынутаго билета“. Бывали и такіе чудаки среди насъ, что, ничего не дѣлая въ теченіе курса по факультетскимъ предметамъ, передъ выпускнымъ экзаменомъ просиживаютъ бывало по 13, 14 часовъ въ сутки въ теченіе полугода за приготовленіемъ къ экзамену. Подобная непосильная усидчивость надъ лекціями оканчивалась для многихъ нашихъ товарищей полнымъ нервнымъ разстройствомъ организма, ослабленіемъ и притупленіемъ умственныхъ способностей (Ю. Кр—скій, Ч—овъ). Окончательные экзамены намъ, юристамъ, можно было держать по выбору въ два срока—или до каникулъ, въ маѣ, или послѣ каникулъ,—въ августѣ. Кто къ какому сроку разсчитывалъ закончить подготовку къ экзамену, въ тотъ срокъ и выступалъ со своимъ „научнымъ грузомъ“ для „генеральной“ его повѣрки. На окончательныхъ экзаменахъ участвовалъ тотъ же грозный Р—фъ, и основательно спрашивалъ по своему предмету Кистяковскій. Мы на этихъ экзаменахъ, понятно, сильно волновались, такъ какъ „провалъ на нихъ“ приносилъ намъ „большой конфузъ“, разочарованіе въ своей культурной и профессіональной пригодности для практической жизни, да и жалко было лишній годъ оставаться въ университетѣ и разбивать свои радужныя „передъэкзаменныя“ мечты и иллюзіи...

Обращаясь къ нашимъ курсовымъ сочиненіямъ, замѣтимъ, что обстоятельно разрабатывались факультетскія темы въ сочиненіяхъ студентовъ только тѣми изъ нихъ, кто разсчитывалъ эти сочиненія „повернуть“ со временемъ въ кандидатскія диссертаціи или еще съ первыхъ курсовъ стремился къ ученой карьерѣ; большинство же студентовъ смотрѣло на эту работу, какъ на пустую формальность; едва-ли не такъ же формально смотрѣли на наши письменныя работы и сами профессора. Не будемъ далѣе говорить о стипендіяхъ, наградахъ студентовъ за работы и другихъ подробностяхъ университетской ученой жизни, такъ какъ эти стороны ея имѣютъ оффиціальную исторію, а мы старались набросать здѣсь лишь общія черты изъ жизни ея неоффиціальной, которая-то по преимуществу и оставляетъ по себѣ глубокій слѣдъ во всей послѣдующей жизни бывшаго студента. Моральное вліяніе былой „alma mater“ на каждаго ея питомца такъ сильно и глубоко, что всякій изъ насъ, сдавъ послѣдній выпускной экзаменъ, испытываетъ

сперва естественный приливъ радости, вызываемый благополучнымъ окончаніемъ труднаго дѣла; но въ скоромъ же времени проявляются и симптомы хандры, безпричинной тоски; начинаетъ охватывать тебя грустное сожалѣніе о томъ, что настаетъ конецъ славной студенческой жизни, конецъ лучшей поры молодости: разбредется по „бѣлому свѣту“ милое товарищество; порвутся, подъ вліяніемъ запросовъ практической жизни, умственная и моральная связи съ дорогой и „alma mater“, и самое пребываніе въ ней, въ будущемъ, отойдетъ въ область далекаго прошлаго, но, несмотря на все это, былое студенческой жизни всегда и при разныхъ условіяхъ послѣдующей жизни бывшаго студента будетъ вспыхивать и горѣть яркой звѣздочкой, какъ что-то милое и дорогое, много говорящее усталому уму и надорванному сердцу. Такъ думалъ каждый изъ насъ, переступая въ послѣдній разъ порогъ дорогого университетскаго зданія, чтобы вступить на „скользкій путь“ практической жизни...

В. С. Чеважевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

6-го іюня настоящаго года исполняется столѣтіе со дня рожденія одного изъ величайшихъ мастеровъ русскаго слова, Ивана Александровича Гончарова († 1891 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что вся великая Россія единодушно будетъ чествовать въ этотъ день его память. Въ огромный всероссійскій вѣнокъ на его могилу редакція „Русской Старины“ вплетаетъ и свой листокъ, какъ дань уваженія не только къ поэту-художнику, но въ частности къ *романисту-историку*.

Гончаровъ не принадлежалъ къ числу писателей, которые, подобно Лермонтову и Достоевскому, съ трепетомъ ожиданія смотрятъ впередъ, стараются предугадать общественныя настроенія и, по неясно еще обрисовавшимся контурамъ, создавать образы новыхъ людей. Творчество Гончарова, по его собственному сознанію, „требовало спокойнаго наблюденія уже установившихся и успокоившихся формъ жизни, а новая жизнь слишкомъ нова, она трепещетъ въ процессѣ броженія, слагается сегодня, разлагается завтра и видоизмѣняется не по днямъ, а по часамъ“. Говоря словами главнаго героя своего, Обломова, Гончаровъ „приросъ одною больною половиною къ старому“. Онъ рисовалъ безсмертные типы русскихъ людей, но это были типы уже отжившіе или отживающіе, отходившіе въ область исторіи. Какъ всѣ историческіе документы въ широкомъ смыслѣ этого слова, и произведенія Гончарова уясняли современное ему настоящее, но весь ихъ смыслъ заключался въ воспроизведеніи культурнаго прошлаго, пережитаго самимъ авто-

1883

ромъ вмѣстѣ съ современнымъ ему русскимъ обществомъ. Прошлое это — послѣдніе годы Николаевскаго царствованія и существованія крѣпостного права.

Эпическая трилогія Гончарова — романы: „Обыкновенная исторія“, „Обломовъ“ и „Обрывъ“,—по замыслу автора, представляетъ собою развитіе одной и той же картины состоянія русскаго общества, какимъ его создала эпоха Николая I. „Обыкновенная исторія“, говоритъ Гончаровъ, есть первая галлерея, служащая преддверіемъ къ слѣдующимъ двумъ галлереямъ или періодамъ русской жизни, уже тѣсно связаннымъ между собою, т. е. къ „Обломову“ и „Обрыву“, или къ „Сну“ и „Пробужденію“. Задачей романиста явилось здѣсь не обличеніе самихъ язвъ николаевскаго времени: ужасовъ крѣпостного права, полицейской опеки надъ мыслью и самодѣятельностію общества и широкаго развитія административнаго произвола,—а уясненіе того вліянія, какое язвы эти имѣли на созданіе культурныхъ типовъ и общественныхъ настроеній. Замѣчательно, что Гончаровъ, „приросши одной больной своей половиной къ старому“, проходитъ мимо этихъ язвъ, какъ бы не замѣчая ихъ, въ противоположность обличительной литературѣ, господствовавшей въ его время, но тѣмъ рѣзче, тѣмъ безпощаднѣе оказались изображенныя имъ картины патологіи русскаго общества въ лицѣ Адуевыхъ, Обломова, Райскаго и Волохова... Стихійное „ничегонедѣланіе“, неспособность трудиться, безволіе и полная апатія ко всему окружающему, съ одной стороны, и жалкія попытки къ дѣятельной, разумной жизни, принимающія иногда уродливыя формы, какъ напр. у Волохова, съ другой, — вотъ плоды, выросшіе на почвѣ помѣщичьяго быта и чиновничьяго произвола, сковавшаго жизнь великаго народа во всѣхъ ея отрасляхъ. Эпическое спокойствіе, съ которымъ Гончаровъ рисуетъ картины изъ этой жизни, напоминаетъ собою безстрастіе историка, который добросовѣстно излагаетъ событія прошлаго, независимо отъ ихъ моральной цѣнности, стараясь воспроизвести прошлую жизнь именно такъ, какъ она текла, не искажая фактовъ въ угоду какой-либо тенденціи. И глубокое сочувствіе, нѣжная любовь Гончарова къ родному народу и его задачамъ еще болѣе подчеркиваетъ ужасъ описываемой имъ нравственной прострації. Только читая Гончарова, вы легко понимаете, какъ создается нравственное рабство человѣка, какъ атрофируются его силы и чувства и какъ онъ становится наконецъ бременемъ для себя и для окружающихъ. Что сказать наконецъ объ обществѣ, въ которомъ человѣкъ ставитъ себѣ въ особую заслугу, что онъ „глядитъ *на всякаго* такъ, какъ будто проситъ осѣдлать его и поѣхать?“

Трилогія Гончарова—это тѣ же историческіе мемуары съ тою лишь разницей, что здѣсь факты возведены въ синтезъ геніальнымъ творчествомъ самого современника. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше значенія она будетъ имѣть для исторіи русской жизни и культуры. Развѣ это не характерно, что въ „Обыкновенной исторіи“, цѣликомъ относящейся къ первой половинѣ XIX вѣка, положительнымъ типомъ является для русскаго общества тайный совѣтникъ, открывшій заводъ и дѣйствительно занимающійся его дѣлами? Такого только общественнаго дѣятеля могъ представить себѣ Гончаровъ въ то печальное время и, страннѣе всего, въ этомъ согласился съ нимъ даже идеалистъ—Бѣлинскій, какъ ни прозрачно намекаетъ на свое происхожденіе отъ Фамусова самъ Петръ Ивановичъ Адуевъ. При существовавшемъ тогда запретѣ на всякую общественную мысль, на всякую общественную самодѣятельность, и тайный совѣтникъ, имѣвшій смѣлость открыть заводъ, представлялъ собою, быть можетъ, исключительное явленіе, какъ своего рода иниціаторъ, выбившійся изъ чиновничьей колеи и задумавшій дѣлать дѣло. Но не всѣмъ возможно было открывать заводы въ рангѣ тайнаго совѣтника, и не всѣ Александры Адуевы имѣли такого дядю, какъ Петръ Ивановичъ, умѣвшій сдѣлать изъ племянника свое нравственное подобіе. И эти Адуевы постепенно превращались въ Обломовыхъ. Второй романъ Гончарова—„Обломовъ“ есть, по собственному его опредѣленію, „воплощеніе сна въ русскомъ обществѣ, застоя, неподвижной мертвой жизни, *переползаніе изо дня въ день* въ одномъ видѣ и въ его обстановкѣ“, окрещенное Добролюбовымъ названіемъ „обломовщины“. Обломовъ совмѣстилъ въ себѣ основныя черты, объединяющія всѣхъ литературныхъ героевъ того времени: Онѣгина, Печорина, Тентетникова, Рудина, Бельтова. „Надъ всѣми этими лицами, замѣчаетъ Добролюбовъ, тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ... У всѣхъ у нихъ одна общая черта—безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выйти, но не выйдетъ ничего“. Самъ Илья Ильичъ Обломовъ „болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело заваленъ этотъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища“. Для историка ясны общія причины существованія этихъ „живыхъ труповъ“, но въ то время сознаніе ихъ доступно

было не всякому... Ликвидація ихъ началась тотчасъ послѣ Крымской войны.

Въ противоположность Обломову Гончаровъ не даромъ вывелъ нѣмца Штольца, какъ образецъ энергіи и дѣловитости. Въ то время нѣмцы и нѣмецкій элементъ, преимущественно остзейскій, играли большую роль въ Россіи. На высшихъ степеняхъ службы въ царствованіе императора Николая ихъ было до 60% всего состава. Покровительствуемые свыше, при всеобщемъ застоѣ, они были профессорами, инженерами, техниками, управляющими и расходились по всей Россіи по городскимъ и деревенскимъ Обломовкамъ. Извѣстная резолюція императора Николая на плохой аттестаціи о гвардейскомъ офицерѣ-нѣмцѣ: „онъ эстляндецъ, и этимъ все сказано“, служила руководящимъ началомъ для относительной оцѣнки русскихъ и нѣмецкихъ дѣятелей. Гончаровъ признавалъ пользу служенія нѣмцевъ въ Россіи, хотя указывалъ, что нѣкоторыя партіи остзейскихъ нѣмцевъ, живя въ Россіи, съ русскими, находя въ ней надежную опору своего политическаго существованія и всѣ условія благосостоянія, считаютъ ее чуждою себѣ, своему нѣмецкому духу, пятятся отъ сліянія съ нею и стараются удержать statu quo.

Третій періодъ изображаемой Гончаровымъ русской жизни названъ имъ „Пробужденіемъ“ и выразился въ третьемъ романѣ его трилогіи „Обрывѣ“. Въ дѣйствительности герой „Обрыва“ Райскій недалеко ушелъ отъ Обломова. Оба романа, появленіе которыхъ раздѣлено было десятилѣтнимъ промежуткомъ времени, Гончаровъ писалъ почти одновременно, и оттого въ „Обрывѣ“ видимъ обстановку той же крѣпостной Россіи, хотя дѣйствіе романа относится уже къ шестидесятымъ годамъ. Оттого и Райскій, это, по словамъ Гончарова, проснувшійся Обломовъ: „сильный новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза, но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель. Что-то пронеслось новое и живое въ воздухѣ, какія-то смутныя предчувствія, потомъ прошли слухи о новыхъ началахъ и преобразованіяхъ; обнаружилось движеніе въ наукѣ, въ искусствѣ; съ профессорскихъ каѳедръ послышались иныя рѣчи. Въ небольшихъ кружкахъ тогдашней интеллигенціи смѣло выражалась передовыми людьми жажда перемѣнъ. Райскій умомъ и совѣстью воспринялъ новыя сѣмена, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло“. Онъ хватается за живопись, скульптуру, поэзію, но, сдѣлавъ первые шаги въ одной области, охладѣваетъ къ ней, бросается отъ одного дѣла къ другому, не кончая ни того, ни другого.

„Въ обществѣ, въ образованной средѣ, разсказываетъ самъ Гончаровъ, побѣги новыхъ, свѣжихъ стремленій мѣшались и путались

еще съ терніями и волчцами обломовщины всякаго рода—и вольной, и невольной, съ разными приманками празднаго житья-бытья и съ трудностями упорной борьбы со старымъ. Застой, отсутствіе спеціальныхъ сферъ дѣятельности, служба, захватывавшая и годныхъ, и не годныхъ, и нужныхъ, и не нужныхъ, и распложавшая бюрократію, все еще густыми тучами лежали на горизонтѣ общественной жизни... Мы всѣ работали какъ-то въ одиночку тихомолкомъ, съ оглядкой и опаской, и больше изъ нужды. А кому не было нужды—тѣ дилеттанствовали. Напримѣръ, одинъ зналъ отлично технику музыки, былъ меценатъ и другъ всѣхъ иностранныхъ и своихъ знаменитостей, носилъ въ себѣ планы музыкальныхъ серьезныхъ сочиненій: оперъ, можетъ быть ораторій, симфоній, говорилъ о нихъ съ жаромъ и знаніемъ дѣла. Всѣ ждали отъ него чего-либо серьезнаго, а онъ разрѣшился сочиненіемъ одного хорошенькаго романса (гр. Віельгорскій); другой, обладая необыкновенною силою лирическаго паѳоса, написалъ всего десятка два прекрасныхъ стихотвореній (Тютчевъ). И это лучшіе люди извѣстнаго круга. Третій, съ многостороннимъ образованіемъ, большою начитанностію написалъ нѣсколько легкихъ разсказовъ, гдѣ кроются сѣмена серьезнаго таланта (кн. Одоевскій). Много можно привести примѣровъ въ pendant съ этимъ. Во всѣхъ родахъ искусства таланты такихъ Райскихъ не были содержаніемъ и цѣлью жизни, а только средствами пріятно проводить время".

На этотъ разъ противоположностію Райскому Гончаровъ вывелъ русскаго Тушина, человѣка здраваго смысла, хозяйничающаго у себя въ имѣніи на раціональныхъ началахъ хозяйства и строгой справедливости. „Всѣ новыя идеи и преобразованія застали его готовымъ", говоритъ Гончаровъ. Но подобно Штольцу, и Тушинъ очерченъ слабо и бѣдно. „Новые люди" видимо не удались Гончарову, какъ впослѣдствіи не удался Тургеневу Соломинъ въ „Нови". Да и кому удавались въ русской литературѣ положительные типы? И много ли ихъ народилось въ нашей культурной жизни?

Особнякомъ стоитъ у Гончарова виновникъ обрыва, Маркъ Волоховъ, представитель испорченной части молодого поколѣнія, который, подъ вліяніемъ аралиды къ старому строю, отрицаетъ „небесные и земные авторитеты" и проповѣдуетъ новую свободу, не выходящую, впрочемъ, изъ предѣловъ призыва къ свободной любви. Маркъ, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ Райскій, и могъ появиться только въ шестидесятые годы, тогда какъ по своему содержанію „Обрывъ" относится еще къ крѣпостной эпохѣ. Этотъ анахронизмъ даетъ возможность Райскому такъ отозваться о Волоховѣ: „Это *наша партія дѣйствія*... Да, изъ кармана показываетъ кулакъ

полицеймейстеру, проповѣдуетъ горничнымъ и дьячихамъ о нелѣпости брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью къ изученію природы вкрадывается въ довѣренность женщинъ и увлекаетъ вотъ этакихъ слабонервныхъ умницъ". Волоховъ является циничнымъ буяномъ, который не гнушался выманивать деньги подложнымъ письмомъ. „Я взялъ, говоритъ о немъ Гончаровъ, не авантюриста, бросающагося въ омутъ для выгоды ловить рыбу въ мутной водѣ, а съ его точки зрѣнія—честнаго, т. е. искренняго человѣка, не глупаго, съ нѣкоторой силой характера. И въ этомъ условіе успѣха. Не умышленная ложь, а его собственное искреннее заблужденіе только и могли вводить въ заблужденіе и Вѣру, и другихъ. Плута узнали бы всѣ сразу и отвернулись бы отъ него". Къ несчастію, этихъ искреннихъ отребьевъ молодого поколѣнія, во вкусѣ Волохова, оказалось впослѣдствіи не мало на русской нивѣ, заросшей сорной травой въ предыдущую, обломовскую эпоху. И лучшія русскія дѣвушки шли на призывъ этой грубой „силы", шли на „свѣтъ", часто оказывавшійся болотнымъ огнемъ. Гордая, тонкая, изящная кузина Райскаго и его идолъ, Вѣра, сдѣлалась жертвою циника Волохова. Незнаніе жизни, отсутствіе серьезнаго образованія, дѣлало изъ лучшихъ женскихъ качествъ русскихъ дѣвушекъ орудіе ихъ гибели. „Это явленіе, какъ холера, какъ тифозная горячка, выхватывало изъ нашихъ родныхъ или знакомыхъ семей жертву за жертвой и наводило почти панику на общество... Сюда не подходятъ, конечно, говоритъ Гончаровъ, тѣ серьезныя женщины новаго поколѣнія, которыя въ самомъ дѣлѣ хотятъ работать и которыя путемъ строгаго, систематическаго образованія, ищутъ усвоить себѣ ту или другую отрасль знанія, профессію и создаютъ для себя самостоятельную дѣятельность и жизнь. Но тутъ путь долгъ и труденъ, и не всѣ выдерживаютъ его до конца. Тѣ женщины не бѣгаютъ тайкомъ отъ своихъ семей: онѣ открыто идутъ въ открытыя имъ двери учебныхъ заведеній, обществъ, курсовъ, при общемъ участіи и уваженіи. Въ рукахъ этихъ женщинъ—прямое рѣшеніе такъ называемаго женскаго вопроса"!

Итакъ, мы видимъ, что историческое значеніе произведеній Гончарова ограничивается по преимуществу эпохой крѣпостного права въ Николаевское царствованіе. На его долю выпало отмѣтить и съ необычайною яркостію обрисовать апатію и дряблость нашего культурнаго общества того времени въ цѣломъ рядѣ художественныхъ картинъ, прослѣдивъ преемственность общественныхъ настроеній. Когда въ лекціяхъ по русской исторіи незабвеннаго Ключевскаго мы читали о развращающемъ вліяніи, какое имѣло крѣпостное право на укладъ всей русской жизни и, между прочимъ,

на самихъ помѣщиковъ, Гончаровскія картины вставали въ нашемъ воображеніи, какъ яркая иллюстрація къ научнымъ положеніямъ. Нуженъ былъ весь объективизмъ, вся уравновѣшенность творчества Гончарова, чтобы остаться на высотѣ художественнаго изображенія жизни, на анализѣ постепеннаго нравственнаго паденія личности, а не перейти въ сатиру, во вкусѣ обличительной литературы. Оттого мы видимъ въ его произведеніяхъ жизнь, какою она была въ дѣйствительности, а не по предвзятой тенденціи автора. При свѣтѣ историческихъ изслѣдованій Николаевскаго времени многое въ произведеніяхъ Гончарова станетъ яснѣе, даже то, что не было яснымъ самому ему, такъ какъ и онъ, подобно своему герою, „приросши одной больной половиной къ старому“, не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ взглядовъ и симпатій стараго, добраго времени. Любопытно, что современники Гончарова также не всегда понимали смысла его произведеній, и „Сонъ Обломова“ появился въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ“ въ видѣ приложенія къ „Современнику“, въ 1849 году, въ самый разгаръ реакціи и дѣятельности Бутурлиновскаго комитета!

Въ Симбирскѣ, на родинѣ Ивана Александровича Гончарова, ему воздвигаютъ памятникъ. Неужели Петербургъ, гдѣ жилъ и трудился великій бытописатель земли русской, не отдастъ должной дани его славной памяти?

Е. Ш.

Пруссаки стараго времени и, командовавшій прусскимъ корпусомъ въ 1812 г., маршалъ Макдональдъ.

Современные германцы совершенно не признаютъ того несомнѣннаго историческаго факта, что своимъ существованіемъ и настоящимъ положеніемъ они обязаны тѣмъ потокамъ русской крови, которая была пролита за пруссаковъ въ Европѣ въ 1806, 1807, 1813 и 1814 годахъ, а также благожелательному отношенію къ Пруссіи Императора Александра II въ 1866, 1870 и 1871 г.г.

Все это забыто современными германцами. Не такъ смотрѣли на эти историческія событія пруссаки стараго времени.

Высокоинтересные документы XIII тома матеріаловъ Военно-Ученаго Архива Генеральнаго Штаба, касающіеся отечественной войны 1812 г., возсоздаютъ яркую картину отношеній тогдашнихъ пруссаковъ къ Россіи.

За нѣсколько дней до вторженія Наполеона въ Россію главнокомандующимъ 1-й западной арміей, ген.-отъ-инф. Барклай де Толли, былъ командированъ квартирмейстерской части (нынѣ генеральнаго штаба) подполковникъ Чуйкевичъ во французскую армію для передачи маршалу Даву письма отъ главнокомандующаго. Извлеченіе изъ рапорта подполковника Чуйкевича [1]) объ этой командировкѣ и приводимъ въ этой статьѣ.

Подполковникъ Чуйкевичъ 4 іюня 1812 г. отправился изъ Ковно въ герцогство Варшавское, гдѣ не былъ пропущенъ черезъ границу, поѣхалъ къ прусской границѣ, которую свободно переѣхалъ

[1]) Подполк. Чуйкевичъ военному министру и главноком. 1-й запад. арм. квартир. частн. подп. Чуйкевича, рапортъ 8 іюня 1812 г. изъ Вильны. Секретно. Воен. Учен. Арх. отд. II, № 1875 ст. 125—127 т. XIII ст. 74—80.

въ Шмеленникенѣ. Благодаря любезному отношенію прусскихъ генераловъ Массенбаха, Іорка и Граверта, этотъ офицеръ могъ добраться 5-го іюня къ 9 часамъ вечера до квартиры командовавшаго прусскимъ корпусомъ маршала Макдональда въ Мелацкену. Въ это время маршалъ былъ уже въ постелѣ. Адъютанты не хотѣли его разбудить, и подполковнику Чуйкевичу пришлось здѣсь ночевать.

6-го іюня въ 8 часовъ утра нашъ офицеръ былъ представленъ Макдональду, который принялъ его самымъ любезнымъ образомъ и пригласилъ на смотръ Вестфальскаго пѣхотнаго полка, стоявшаго въ Данцигѣ. Подп. Чуйкевичъ отмѣчаетъ, что во время этого смотра солдаты, пройдя нѣсколько шаговъ отъ маршала, и своего полковника, выбѣгали по нѣсколько человѣкъ отъ взводовъ въ корчму пополнять свои манерки водкой. Маршалъ дѣлалъ видъ, какъ будто ничего не замѣчалъ, и обратясь ко мнѣ, сказалъ:

„N'est ce pas, mon colonel, que les gens sont beaux, lorsque je vois un pareil régiment je regrette de n'être pas son colonel“[1]).

По поводу передвиженій французскихъ войскъ маршалъ Макдональдъ увѣрялъ, что эти передвиженія производятся для смотровъ и сказалъ:

„Nous avons un desir sincère de maintenir la paix. Certainement nous ne savons pas ce qui se passe dans la tête de nos Empereurs, mais qui sait pêut être ils nous font promener parci, par là et finiront ces demonstrations a l'amiable, c'est que nous desirons beaucoup“ [2]).

Говоря о желаніи своего Государя сохранять съ Россіей миръ, маршалъ прибавилъ, что недѣлю тому назадъ войска получили повелѣніе отъ императора не дѣлать непріятныхъ поступковъ противъ россійскихъ границъ.

Макдональдъ не согласился пропустить подп. Чуйкевича далѣе къ маршалу Даву, т. к. онъ не знаетъ мѣсто его пребыванія и не имѣется совершенно свободныхъ лошадей, ибо по тремъ ближнимъ дорогамъ на каждой станціи забрано по 400 лошадей для императора съ строжайшими воспрещеніями оберъ-шталмейстера Коленкура не давать лошадей никому.

---

[1]) „Не правда ли, полковникъ, какіе бравые молодцы! Когда я вижу такой полкъ, мнѣ дѣлается жалко, что не я нхъ полковой командиръ“.

[2]) „Мы искренно хотѣли бы, чтобы миръ не былъ нарушенъ. Намъ, конечно, неизвѣстно, что на умѣ у нашихъ монарховъ; почемъ знать, можетъ быть они заставятъ насъ промáршировать туда-сюда, и закончатъ всѣ эти демонстраціи полюбовнымъ соглашеніемъ, чего мы отъ души желали бы“.

Подполковнику Чуйкевичу ничего не оставалось дѣлать, какъ отдать письмо Макдональду для передачи Даву и, взявъ съ маршала росписку, воротиться въ Вильно.

Въ приложеніи къ своему донесенію подполковникъ Чуйкевичъ излагаетъ свое мнѣніе о видѣнныхъ имъ военачальникахъ и настроеніе духа пруссаковъ.

„Герцогъ Тарентскій, маршалъ Макдональдъ, имѣетъ отъ роду 44 года, видный и прекрасный мужчина. Свѣтское образованіе имѣетъ въ совершенствѣ и весьма похожъ на придворнаго. Разговоры его открываютъ въ немъ великія свѣдѣнія, но, кажется, слишкомъ недѣятеленъ и любитъ много спать, въ чемъ меня и прусскіе офицеры удостовѣрили, говоря, что въ Кенигсбергѣ онъ спалъ до 10 часовъ утра, съ 5-го и по 6 іюня онъ проспалъ 12 часовъ, и Вестфальскій полкъ ждалъ полтора часа, пока маршалъ проснулся“.

„Генералъ Гравертъ важный старикъ 60 лѣтъ; о его достоинствахъ не слишкомъ хорошо отзываются—страсть имѣетъ заниматься мелочами и мучить подчиненныхъ своей копотливостью“.

„Генералъ Іоркъ отмѣнно любимъ въ прусскомъ корпусѣ, имѣетъ много свѣдѣній, пылкій и рѣшительный духъ и питаетъ сильную ненависть къ французамъ“.

„О генералѣ Массенбахѣ можно только сказать, что онъ добрый старикъ, выслужившій лѣтами генералъ-маіорскій чинъ“.

„Воротясь отъ маршала въ Тильзитъ“, продолжаетъ подп. Чуйкевичъ, „я остановился въ квартирѣ барона Каница; ко мнѣ тотчасъ явился Г. Гейнце, хозяинъ дома, въ коемъ изволилъ жить Государь Императоръ нашъ во время своего пребыванія въ Тильзитѣ. При нѣсколькихъ бывшихъ тутъ прусскихъ офицерахъ, онъ объявилъ, что, узнавъ о пріѣздѣ россійскаго офицера, онъ поставилъ отдать свое почтеніе и убѣдительнѣйше проситъ его удостоить его домъ своимъ посѣщеніемъ. Со мной пошли еще три прусскіе офицера къ г. Гейнце, который былъ радъ безъ души и, введя въ комнаты, сказалъ съ величайшей живостью: „Государь мой, располагайте моимъ домомъ, Вы подданный Государя, коего я и мои сограждане чтимъ, какъ другое подобіе Божества и на него одного со всѣмъ страждущимъ человѣчествомъ возлагаемъ мы свою надежду. *Король нашъ, добрый король, пропадаетъ отъ французовъ и мы верхомъ блаженства считать будемъ, если Императоръ Россійскій сдѣлаетъ насъ своими подданными*“ [1]).

„За ужиномъ Гейнце предложилъ пить за здоровье Государя, что

---

[1]) Курсивъ нашъ.

прусскіе офицеры не притворно съ величайшимъ удовольствіемъ сдѣлали.

Въ другомъ мѣстѣ подп. Чуйкевичъ доноситъ;

„Въ Пруссіи говорятъ, что всѣ вообще отставные и находящіеся въ подвижномъ войскѣ прусскіе офицеры желаютъ перейти въ Россію, но встрѣчаютъ многія препятствія въ позволеніи, почему стараются, подъ разнымъ одѣяніемъ переходить границу".

„Жители прусскіе сильно раздражены противъ французовъ, молятъ Бога о ниспосланіи Россійскому оружію счастія и желаютъ, дабы Императоръ Россійскій присоединилъ ихъ землю къ своей, ибо короля своего полагаютъ пропадшимъ и что Наполеонъ лишитъ его престола во всякихъ случаяхъ.

Меня часто спрашивали:

Wenn wird euer Kaiser uns erlösen? Когда Вашъ Императоръ насъ спасетъ?"

Ф.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

35.

С.-Петербургъ, апрѣля 26 1812.

Пишу къ Вамъ послѣ присылки отъ Козодавлева за мною. Мнѣ велитъ министръ грознымъ тономъ явиться къ себѣ. Что за дьявольщина!

Въ то же самое время получаю отъ весьма почтеннаго человѣка слѣдующую при семъ записку [2]).

Догадываюсь, что отъ меня потребуется такое объясненіе, что я невольно приду въ негодованіе, съ моею раздражительностью долженъ вспыхнуть. Nous verrons jusqu'à quel poins le ministre abusera de son pouvoir. Мое дѣло съ достоинствомъ защищаться. Крѣпость невиннаго, безупречнаго человѣка тверда. Чтобы послѣ остыдилъ себя дѣлающій къ ней приступъ

---

[1]) См. „Русская Старина", май 1912 г.

[2]) Записка эта приложена при письмѣ.

Vous allez vous expliquer aujourd'hui... Ce sera une journée très orageuse, si vous vous échauffez au prémier abord: la chose sera gatée, vous n'y gagnerez rien et tout le tort tombera sur vous. La prudence doit nous guider dans toutes nos actions : c'est par elle qu'on parvient surement au but qu'on se propose.

Tout cela vous le savez vous-meme: je ne fais que vous en rappeller à l'occasion présente.

Ce 26 avril.

Государь 16 апрѣля изволилъ быть у Беннигсена въ закретскомъ его уединеніи. Мнѣ пишетъ достовѣрный человѣкъ, что онъ съ того дня считается опять въ дѣйствительной службѣ.

Можетъ быть, Вы уже знаете, а можетъ быть и удивитесь, что Чичаговъ сдѣланъ на мѣсто графа Кутузова главнокомандующимъ Молдавскою арміею, да еще будетъ начальствовать и надъ черноморскимъ флотомъ. Братецъ Вашъ [1]) также состоять имѣетъ подъ его вліяніемъ. О гр. Кутузовѣ говорятъ различно. Одни приписываютъ его смѣну внушеніямъ гр. Ланжерона [2]), а другіе жалобамъ какой-то знатной тамошней барыни.

Теперь много толкуютъ о исторіи Чернышева.

Въ Парижѣ присудили подкупленныхъ предать смерти. Обнаружилось хорошо затѣянное дѣло будто бы отъ неосторожности коммиссіонера нашего. Онъ разорванныхъ записокъ не истребилъ огнемъ. По сложеннымъ клочкамъ обо всемъ узнала полиція и сдѣлала конецъ дальнѣйшимъ операціямъ.

36.

С.-Петербургъ, апрѣля 30 1812.

Ходили мы въ пятницу объясняться. Ждали долго грознаго начальника. Съ большою церемоніею вышелъ, вступилъ со мною въ разговоръ. Хоть убейте, умный Александръ Яковлевичъ, я не знаю, что хотѣлъ онъ отъ меня отобрать. Не было ни начала, ни конца, развѣ токмо по входу и выходу моему. La journée n'était donc pas orageuse, comme on l'avait cru. Мнѣ сказывали послѣ, что бурю весьма искусно разогналъ Калининъ [3]).

Знаете ли, что Стройновскій еще дышетъ? Имѣю изъ Вильны отъ достовѣрнаго человѣка непріятное сіе свидѣтельство.

Забылъ въ прошедшій разъ сказать Вамъ, что Ник. Сем. Мордвиновъ [4]) вышелъ въ чистую съ 12-ти тысячнымъ пенсіономъ.

---

[1]) Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, р. 31 декабря 1782 † 29 октября 1835 г., во время турецкой и Отечественной войны, состоялъ при главныхъ квартирахъ дѣйствующихъ армій, занимаясь дипломатической перепиской.

[2]) Ланжеронъ, гр. Александръ Ѳедоровичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, новороссійскій генералъ-губернаторъ.

[3]) Калининъ, Николай Игнатьевичъ, р. 1763 † 21 марта 1829 г., петербургскій почтъ-директоръ, котораго въ концѣ 1819 года смѣнилъ К. Я. Булгаковъ.

[4]) Мордвиновъ, гр. Николай Семеновичъ, членъ Государственнаго Совѣта, вице-президентъ Адмиралт. коллегіи и морской министръ.

На сихъ дняхъ здѣсь заговорили, что изъ Вильны посланъ курьеръ за графомъ Панинымъ. Вы лучше можете судить, можно ли вѣрить сему слуху, ибо гр. Никита Петровичъ въ одномъ съ Вами городѣ.

Изъ Вильны мнѣ ничего замѣчательнаго не пишутъ.

Главнѣйшее извѣстіе состоитъ въ томъ, что Государь находится въ вожделѣнномъ здравіи.

Ваше Благородное собраніе сдѣлалось съ 21 числа текущаго придѣломъ главнаго храма, сооруженнаго Великой Екатеринѣ въ сердцахъ и душахъ тѣхъ, кои населяютъ и будутъ наполнять предѣлы Россійскаго царства. Напрасно послѣ нетлѣнныхъ монументовъ силятся воздвигать ей подверженные разрушенію!

37.

С.-Петербургъ, мая 3-го 1812.

Лебланъ на семъ свѣтѣ больше не будетъ услаждать слуха нашего своимъ пѣніемъ. Вчерась давали здѣсь въ пользу жены и двухъ его дѣтей спектакль.—Филисъ—Андріе, не онъ, а она, на все лѣто удалится въ Ораніенбаумъ лѣчиться, гдѣ велѣно ей отворить всѣ оранжереи и дать лучшія комнаты въ дворцовыхъ строеніяхъ по ея выбору. Для вдовы и сиротъ она въ послѣдній разъ вчерась пѣла. Разумѣется, до поправленія ея здоровья.

Я слышалъ, что Государь изволилъ ѣздить въ Шавлю осматривать собранныя въ тамошнихъ окрестностяхъ войска.

Какъ-то у Васъ, а здѣсь шибко заговорили о гр. Никитѣ Петровичѣ. Сказываютъ, будто-бы гр. Румянцевъ занемогъ на дорогѣ и не доѣхалъ до Вильны.

Къ сему прилагаютъ разныя другія извѣстія, о которыхъ благоразумнѣе дождаться подтвержденія. Вы лучше можете судить о распространившихся слухахъ по нахожденію гр. Панина въ Москвѣ. Ежели онъ дѣйствительно отправился въ Вильну, то вѣрно и то, что канцелярство перешло на него.—Слышу между прочими любопытными вещами, что гр. Кочубей и Чичаговъ вошли въ большую силу.

Мы продолжаемъ по приказанію высшихъ властей удерживать нѣкоторые номера разныхъ газетъ.

Подумаютъ, Богъ знаетъ, что такое! а это преглупыя статьи, которыя ни мало не касаются настоящихъ обстоятельствъ. По-моему, я бы все выпустилъ, а помѣстилъ бы въ нашихъ вѣдомостяхъ возраженія, черезъ что сдѣлались бы онѣ нѣсколько интереснѣе, а

между тѣмъ, не подали бы повода къ нелѣпымъ слухамъ.—Да! мнѣ сказывали, что кн. Лопухинъ отправляется къ Кавказскимъ водамъ.

38.

С.-Петербургъ, мая 7-го 1812.

Имѣю съ послѣднею почтою Виленскія извѣстія отъ 28-го апрѣля. Въ пятницу на святой недѣлѣ Государь изволилъ уѣхать чрезъ Вилкомиръ и Шавлю до Тельшъ для обозрѣнія войскъ, по тѣмъ мѣстамъ расположенныхъ.

29 или 30-го апрѣля ожидали возвращенія Его Величества въ Вильну. Въ четвергъ наканунѣ сего Высочайшаго отъѣзда дворянство давало нарядный балъ, на которомъ Монархъ былъ довольно веселъ.

Цесаревичъ на нѣсколько дней пріѣзжалъ изъ главной своей квартиры, которая находится въ городѣ Видзы, и послѣ бала отправился туда обратно.

28 апрѣля не доставало еще Чичагова и Армфельда, прочія же знатныя особы, сопровождающія Императора, всѣ благополучно прибыли въ Вильну, кромѣ государственнаго канцлера, который пріѣхалъ туда больнымъ. У него ротъ на сторонѣ, что самъ онъ почитаетъ слѣдствіемъ простуды, а лейбъ-хирургъ Вилліе—посѣщеніемъ паралича.

О пожалованныхъ лентами св. Анны въ первый день Пасхи узнаете Вы изъ Сѣв. Почты, а я присовокуплю токмо къ непомѣщенному еще въ газетахъ назначеніе генерала Римскаго-Корсакова[1]) литовскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ Вильну ожидаютъ шведскаго посланника, для котораго приготовленъ тамъ и домъ.

Какія-то извѣстія имѣете Вы, неоцѣненный мой Александръ Яковлевичъ, а насъ здѣсь хотятъ имовѣрные люди радовать заключеніемъ мира съ чалмоноснымъ народомъ? Свѣдущіе также люди говорятъ, что ежели на западныхъ границахъ и быть войнѣ, то она откроется не такъ скоро. Съѣздъ коронованныхъ главъ, предложенный Наполеономъ въ одномъ изъ германскихъ городовъ, остается отмѣненнымъ, поелику важнѣйшій вѣнценосецъ на то не разсудилъ согласиться. Оный, какъ слышно, замѣнится конгрессомъ чрезвычайныхъ уполномоченныхъ разныхъ державъ, на который будто съ фран. стороны и назначенъ уже принцъ Беневент-

[1]) Римскій-Корсаковъ, Александръ Михайловичъ.

скій [1]). Съ нашей общая молва указываетъ на гр. Никиту Петровича [2]).

Свѣжія получены извѣстія о благодѣтелѣ моемъ Дмитріѣ Прокофьевичѣ [3]). Онъ живетъ, какъ мудрецъ, въ Кіевѣ и наслаждается наивожделѣннѣйшимъ здоровьемъ. По просухѣ дорогъ собирается ѣхать въ полтавскія свои деревни на цѣлое лѣто для сближенія съ Полтавою въ разсужденіи маршальской своей должности.

Я не касаюсь настоящаго вліянія Чичагова, поелику навѣрное полагаю, что Вы уже о немъ имѣете самое ясное понятіе черезъ того почтеннаго мужа, который часто находитъ удовольствіе посѣщать Васъ. Не можетъ быть, чтобы ему не была извѣстна исторія инструкціи, о которой теперь такъ много различно говорятъ.

39.

С.-Петербургъ, мая 10-го 1812.

Изъ пріятнаго посланія Вашего отъ 2-го мая, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, заключаю почти навѣрное, что Вы письма моего отъ 16 апрѣля съ приложеніемъ копіи извѣстнаго возраженія не получили: ибо непосредственно за 12-мъ апрѣля упоминаете токмо о тѣхъ моихъ посланіяхъ, которыя дошли до Васъ отъ 19 и 23 апрѣля. Некому болѣе сдѣлать такой пакости, кромѣ одной изъ тѣхъ мухъ, которыя садились орлу на хвостъ, чтобы летѣть въ гости къ солнцу. Тщетны и даже смѣшны злые его замыслы. Они во вредъ никоимъ образомъ обратиться мнѣ не могутъ, но досадно токмо, что тогда была у меня самая огромная почта съ поздравительными письмами и что возраженіе было перебѣлено моею рукою. Ожидаю отъ Васъ подтвержденія о семъ похищеніи и когда получу, то, нечего дѣлать, примусь опять переписывать. Чтобы ему лихо за то приключилось, что онъ по пустякамъ задалъ лишнюю работу больной моей спинѣ!

Забавно Ваше описаніе о Торшахъ и Визгахъ [4]). Жаль, что они поприщемъ своимъ не избрали Англіи: тамъ бы публично отхлестали ихъ въ газетахъ. Вы замѣнили мнѣ однакожъ, какъ нельзя лучше, непозволительность сего въ нашей землѣ. Досыта насмѣялся

---

[1]) Талейранъ.
[2]) Панина.
[3]) Трощинскомъ.
[4]) Повидимому, пародія англійскихъ *тори и виги*.

я инконсеквенціи на обѣихъ сторонахъ *первому*. Каковъ изъ колыбельки, таковъ пойдетъ и въ могилку. Кажется, что неприличнымъ изображеніямъ на пьедесталѣ устоять нельзя. Но весьма любопытно знать, какъ раздоръ сей кончится? Не заставятъ ли кичливыхъ слизать языкомъ именъ своихъ? Не того ли и испугался В., что перекинулся на противную сторону? Да! этому смѣяться должно; но 1,200 комплектъ другія производитъ ощущенія. Зачѣмъ тѣ, которые дѣлаютъ теперь распоряженія, не судятъ такъ здраво, какъ Вы? Ежели нѣтъ еще бѣды, такъ, кажется, хотятъ, чтобы она была.

Спасибо Вамъ, что успокоили меня отъѣздомъ извѣстнаго Патріота[1]). Онъ можетъ дѣлать благія внушенія и отвращать то, что влечетъ за собою худыя слѣдствія. Меня опечалилъ было слухъ, что достойный сей мужъ раздумалъ ѣхать въ Вильну.—Изъ сего города имѣю извѣстія отъ 1-го мая. Государь въ тотъ же день долженъ былъ крестить въ Закретѣ у Беннигсена трехлѣтняго его сына. По сему случаю приготовлялся тамъ thé dansant, а не балъ съ ужиномъ. Финансы престарѣлаго полководца не дохватываютъ до послѣднихъ издержекъ. Чичаговъ 1-го мая еще не пріѣзжалъ въ мѣстопребываніе Монарха, изъ чего заключать должно, что онъ едва-ли не прямо проѣхалъ въ Молдавію. Не пишу Вамъ о возвращеніи Государевомъ въ Вильну постолько, что оно со всѣми подробностями помѣщено въ оффиціальной газетѣ.—Въ Вильну отправился съ экстраординарными депешами или порученіями проѣхавшій здѣсь изъ Стокгольма шведскій генералъ Тавастъ.—Рѣшительныхъ мѣръ никакихъ еще гласно не принято, кабинетныя же никому изъ насъ извѣстны быть не могутъ.

40

С.-Петербургъ, мая 14. 1812 года.

Ожидая отъ Васъ подтвержденіе объ утратѣ письма моего вмѣстѣ съ возраженіемъ, останавливаюсь еще приняться за новую копію. Можетъ быть, обдумавши, лучшимъ почтутъ взвалить вину на какого-нибудь почтальона, а письма мои, хотя и поздно, но все-таки доставятъ тѣмъ, которымъ они слѣдуютъ.

Виленскія извѣстія отъ 5-го мая гласятъ, что Государь Императоръ намѣревался отбыть въ уѣздный городъ Троки для осмотра

---

[1]) Т. е. графа Ѳ. В. Ростопчина.

дивизіи генералъ-лейтенанта Коновницына, оттуда ѣхать въ корпусъ генерала Эссена 1-го, стоящій около Кобрина, и, наконецъ, уповательно по дорогѣ отправиться и въ Луцкъ, главную квартиру 2-ой западной арміи.

Въ Вильнѣ дороговизна столь непомѣрна, что когда Монарху послѣ святой недѣли поданъ былъ счётъ столовымъ издержкамъ, то Его Величество весьма онымъ удивился. Думаютъ, что Государь, почитая дороговизну сію отчасти слѣдствіемъ своего тамъ пребыванія, скоро разсудилъ городъ сей оставить.

Пріѣзжавшій въ Вильну съ какими-то предложеніями отъ Тюллерійскаго двора полковникъ Нарбоннъ былъ ласково принятъ, удостоился кушать за императорскимъ столомъ, но съ тѣмъ же и отправился въ обратный путь, съ чѣмъ пріѣхалъ. Наконецъ, гр. Лористонъ собирается отсюда ѣхать. Мнѣ сказывали, что онъ дастъ прощальный для дѣтей балъ. Уже онъ нѣкоторыхъ на оный и приглашалъ на прошедшей недѣлѣ чрезъ родителей ихъ, съ коими онъ въ тотъ день обѣдалъ у австрійскаго посла.

Одной знатной нашей дамѣ, которая изъявила удивленіе свое слову bal d'adieu, отвѣчалъ онъ: „Faites, madame, que je puisse rester ici: mon souverain le désirerait fortement". Дама сконфузилась. Не лучше ли бы было не дѣлать французу комплимента?

У французовъ отбили союзныя арміи Бадаіосъ. О семъ уже напечатано въ послѣднемъ № Journal du Nord, который издается здѣсь при Иностранной коллегіи.

Теперь ни одинъ иностранный курьеръ не можетъ безъ предварительнаго дозволенія одной изъ внутреннихъ властей въѣзжать въ предѣлы наши. Таковая мѣра большимъ сдѣлалась препятствіемъ тѣмъ иностраннымъ министрамъ, которые съ нѣкотораго времени чрезъ однихъ токмо курьеровъ отправляли и получали депеши.

Государственный канцлеръ поправляется въ здоровьѣ своемъ. Чичаговъ прямо проѣхалъ въ Валахію. По послѣднему извѣстію почтенный нашъ графъ долженъ уже теперь быть на пути въ Вильну.

Есть однакоже здѣсь люди, которые утверждаютъ, что онъ свой вояжъ отложилъ. Скоро надѣюсь повѣрить слухъ сей ожидаемымъ посланіемъ.

41.

С.-Петербургъ. Мая 21. 1812.

Письмо къ г. Тургеневу доставлено. За стихи приношу благодарность. Ихъ можно уподобить монетѣ, которая имѣетъ внутрен-

нее достоинство, но отчеканена не хорошо.—Приводите теперь въ движеніе щекатурныя кисти, чтобы забѣлить живопись.

Вы пишете токмо о графинѣ, а меня увѣряютъ, что почтенный графъ самъ ѣдетъ сюда и будетъ отправляемаго на службу сына представлять Государынямъ. По Виленскимъ извѣстіямъ отъ 12 мая графъ Нарбоннъ 8-го числа съ двумя своими адъютантами отправился въ обратный путь. Государь 14-го намѣревался ѣхать въ Гродно. Я долженъ еще сегодня получить свѣжія извѣстія изъ Вильны, что-то они скажутъ?

По иностраннымъ Наполеонъ 10-го мая выѣхалъ изъ Парижа къ Вислѣ и уже миновалъ Метцъ. Мнѣ сказывали, что онъ весьма дружески простился съ княземъ Александромъ Борисовичемъ [1]), и что въ словахъ его заключался уже не тотъ тонъ, которымъ онъ привыкъ доселѣ говорить.

Мы ожидаемъ на сихъ дняхъ прибытія графа Кутузова. Барону Беннигсену пожалованъ алмазный эполетъ съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени.

Нѣкоторые говорятъ, что ему сданъ на время портфель министра военнаго.

42.

С.-Петербургъ. Мая 24. 1812.

Заговорили у насъ, что графа Кутузова сдѣлали въ Москву Главнокомандующимъ.—Рижскій военный губернаторъ кн. Лобановъ отставленъ. На его мѣсто назначенъ генералъ Эссенъ.—Отъ 15 мая изъ Вильны пишутъ, что къ 18 числу ожидали возвращенія Государя Императора изъ мѣстечка Щучина, гдѣ онъ изволилъ смотрѣть корпусъ генерала графа Шувалова. Болѣе любопытнаго изъ тѣхъ мѣстъ ничего не слыхалъ.

Нашъ Кронштадскій флотъ, обращаемый въ транспортныя суда, стоитъ уже 3-ю недѣлю на рейдѣ въ готовности къ отплытію.

Сказываютъ, что любимый кучеръ Государевъ Илья умеръ въ Вильнѣ.

Цѣлое утро провозился съ цензурою. Берлинскія вѣдомости наполнены статьями о вояжѣ Наполеоновомъ.

Онъ миновалъ уже Берлинъ. Австрійскій императоръ прибылъ

---

[1]) Куракинымъ, русскимъ посломъ.

въ Дрезденъ съ больною супругою, которую изъ кареты во дворецъ несли на креслахъ.

Не прикажете ли Вамъ высылать Journal du Nord?

P. S. Забываю отъ хворости сообщить, что намѣренъ писать при начинаніи моихъ бюллетеней.

Марья Антоновна [1]), какъ мнѣ сказывали, ѣдетъ и нынѣшнимъ лѣтомъ въ Крымъ.

Жившая у ней дѣвица Шарлотта Васильевна выходитъ на этихъ дняхъ замужъ за Перовскаго.

Даютъ ей приданаго въ разныхъ вещахъ около 100 т. р. Объ этомъ говорятъ теперь въ цѣломъ городѣ.

43.

С.-Петербургъ. Мая 31. 1812 года.

Мнѣ пять человѣкъ одинъ за другимъ подтвердили, что гр. Кутузовъ съ 24 числа уже здѣсь. Теперь однакоже одинъ, да благонадежный, опровергъ этотъ слухъ. Не токмо графа Михаила Иларіоновича, но и никакого другого Кутузова сюда не пріѣзжало.

Виленскія извѣстія отъ 22 мая совершенно ничего въ себѣ не содержатъ любопытнаго. Увѣдомляютъ меня токмо, что тамъ появился изъ Москвы какой-то г. Брокеръ, котораго считаютъ комиссіонеромъ гр. Ѳедора Васильевича. До самаго отправленія почты полагали, что его сіятельство будетъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

44.

Іюня 4-го 1812 г.

Сердечное принимаю участіе, чувствительный Александръ Яковлевичъ, въ справедливой печали Вашей, которую возвѣстили Вы мнѣ отъ 27-го прошедшаго мѣсяца [2]). Въ бѣдѣ, въ огорченіи утѣшитель подобенъ ангелу хранителю. Поздравляю Васъ и супругу Вашу, что Вы обрѣли его въ достопочтенномъ графѣ. Ѳедоръ Васильевичъ не измѣняется. 14 или 15 лѣтъ чему ни былъ свидѣ-

---

[1]) Нарышкина, урожденная княжна Четвертинская, р. 1779 † 1854 г.

[2]) Смерть свояченицы Булгакова.

телемъ, или чтобы ни слышалъ о семъ баринѣ, все подтверждаетъ, что онъ болѣе по моральнымъ своимъ качествамъ, нежели по другимъ титламъ заслуживаетъ всякое уваженіе. Вы можете гордиться, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, что получаете отъ него billets doux, да и ему дѣлаетъ честь выборъ, который палъ на Васъ. Онъ беретъ поверхность надъ Вами, и Вы ничего не проиграете, поддаваясь ему. Не пуститъ Васъ въ деревню, такъ оставайтесь съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ сдѣланъ онъ главнокомандующимъ съ переименованіемъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Москва счастлива, но я считаю, что вся Россія много теряетъ чрезъ таковое назначеніе.

Извѣстія отъ 26 мая изъ Вильны худую подаютъ надежду къ выздоровленію Канцлера [1]). Его возятъ въ хорошую погоду въ колясклѣ за городъ, но онъ отъ того ни мало не подкрѣпляется въ разслабленіи своемъ и болѣе прежняго наклоненъ къ возобновленію ударовъ: такъ по крайней мѣрѣ думаетъ лейбъ-хирургъ Виллié.—Есть теперь въ Вильнѣ не одни разслабленные тѣломъ, но и духомъ. Графъ Кочубей что-то очень пасмуренъ. Можетъ быть, и другіе имѣютъ причины быть не веселыми.—Государь, благодаря Бога, въ вожделѣнномъ здравіи.

27 мая гвардейскіе полки должны были вступить на время въ Вильну для смотра. Цесаревичъ изъ Видзы переводилъ туда главную свою квартиру.—Первыя французскія войска показались на границахъ нашихъ за Нѣманомъ противъ Ковно и Юрбурга.—Генералитетъ нашъ скучаетъ медленностію, войска кипятъ враждою къ Зависловскимъ противникамъ. Никто не угадываетъ причины, по которой дѣло уже не начато. Tout ne respire que la guerre, et cependant on ne permet pas de frapper.

Мы третью уже почту не получаемъ изъ Пруссіи ни одного партикулярнаго письма. Видно, взяты тамъ порядочныя мѣры предосторожности.

45.

Іюня 7-го 1812 г.

Поздравляю Васъ съ заключеніемъ въ Бухарестѣ мира. Условія онаго должны Вамъ быть болѣе извѣстны, нежели намъ, которые слышимъ глухо, что рѣка Прутъ опредѣлена будущею границею, и что будто бы оттоманы даютъ намъ значущее число вспомога-

[1]) графа Н. П. Румянцова.

тельнаго войска. Какъ бы тамъ ни было, а худой миръ лучше доброй брани. Ожидаемъ извѣстія о размѣнѣ ратификацій, дабы принести въ храмахъ торжественное благодареніе покровительствующему намъ Богу. Опоздалъ же Наполеонъ послать архіепископа Мехельнскаго къ султану. Въ послѣднихъ Берлинскихъ газетахъ писали, что сего духовника французской Императрицы отправилъ онъ куда-то съ важными препорученіями, давъ ему секретарей, знающихъ восточные языки. Кажется, кромѣ Константинополя съ такими язычниками ѣхать ему болѣе некуда.—По газетамъ прибытія парижскаго Зевса въ Варшаву еще не видно. Думали, что главная его квартира будетъ или въ Торунѣ, или въ Остеродѣ. Онъ хотѣлъ объѣхать всю линію войскъ, которыя расположены противъ границъ нашихъ. Отдалъ приказъ, чтобы, начиная отъ королей, которые находятся при его арміяхъ, до послѣдняго рядового всякій имѣлъ при себѣ на 14 дней провіанту, равно и для лошадей.

Виленскія извѣстія простираются до 30-го мая. Собирались пѣхотные гвардейскіе полки для смотру въ Вильнѣ, и казалось, что въ движеніи войскъ было болѣе живости.—Канцлеру нѣтъ легче. Не предвѣщаютъ ему эскулапы долгой жизни.

О сближеніи съ альбіонцами [1]) говорятъ подъ рукою, что оно весьма скоро послѣдуетъ. Есть даже съ обѣихъ сторонъ негоціаторы, коихъ не смѣютъ наименовать, ибо все производится въ величайшей тайнѣ и нескромнымъ за болтливость достается.

Изъ Пруссіи нѣтъ уже по третью почту ни одного партикулярнаго письма. Сегодня ожидаемъ новой почты. Что-то привезетъ она намъ новаго изъ за границы и изъ Вильны?

Гр. Лористонъ все уже распродалъ. Теперь онъ боленъ. Ожидаетъ повелѣнія объ отъѣздѣ.

46.

Іюня 11. 1812 г.

Виленскія письма отъ 2-го іюня таковы, что должно ожидать весьма скоро пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣдней почты нашей, отправляемой въ герцогство Варшавское, на границѣ Бѣлостоцкой уже не пропустили, да и варшавской два дня тщетно въ Вильнѣ ожидали.

Наконецъ мы получили задержанныя въ Пруссіи почты, но

---

[1]) т. е. англичанами.

весьма не комплектными. Наполеонъ изъ Познани отправлялся чрезъ Торунь и Маріенвердеръ въ Гданскъ. Здѣсь, сказываютъ, истощено все инженерное искусство, чтобы при неудачахъ можно было цѣлый годъ выдержать осаду 50-ти тысячной арміи. Вообще онъ болѣе всего озабоченъ Балтійскимъ берегомъ, откуда могутъ ему зайти въ тылъ.

Братъ его, бывшій король голландскій, умеръ въ Грецѣ. Онъ столько полюбилъ этотъ городъ, что отказалъ ему все свое имущество съ тѣмъ, чтобы ежегодно изъ собираемыхъ доходовъ отпускаемо было по 10 т. талеровъ и извѣстное количество хлѣба.

Около Дриссы и Динабурга продолжаютъ съ великою поспѣшностію дѣлать земляные окопы, на каковой конецъ взято изъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеній множество людей.

Въ Троицынъ день, когда было въ Екатерингофѣ гулянье, провезли изъ Вильны къ здѣшнему военному губернатору какого-то польскаго матодора. Карета, очень хорошая, была запряжена 6-ю лошадьми. Съ нимъ сидѣлъ, вѣроятно, полицейскій чиновникъ, а сзади большого роста лакей. За каретою ѣхали на телѣгѣ два фельдегеря, а по бокамъ отъ заставы провожали два казака съ пиками. Здѣсь начали говорить, что Сперанскій отравилъ себя ядомъ.

Сію минуту узнаю, что французскій посолъ потревожилъ ночью въ 5 часовъ какими-то бумагами гр. Александра Николаевича Салтыкова. Онъ долженъ былъ пріѣхать съ дачи въ городъ и работать всю ночь. Послѣ отправилъ нарочнаго въ Вильну. Чичаговъ, протуривъ изъ Бухареста Корронелія и Бароцци, прислалъ сюда при письмѣ къ гр. Салтыкову, рекомендуя ихъ употребить при себѣ съ большею пользою, нежели каковую приносили они при переговорахъ.

47.

Іюня 14. 1812.

Московскіе жители всѣхъ состояній вмѣсто поднесенія золотыхъ и серебряныхъ солонокъ лучше бы принесли благодареніе Богу, что Государь далъ имъ въ графѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ толь рѣдкаго начальника. Когда человѣколюбивыя слова его: „Пусть будетъ хлѣбъ дешевъ, какъ рѣпа“ сбудутся, то да воздвигнетъ ему Россія монументъ на Красной площади. Я увѣренъ, что желаніе сіе, произнесенное устами Ростопчина, есть желаніе благомыслящаго человѣка.

Онъ попалъ на настоящій пунктъ благоденствія всякой земли, а тѣмъ паче Россіи, которая дотолѣ и будетъ богата и могущественна, покуда земледѣліе останется главнѣйшею ея промышленностію.

Извѣстія изъ Вильны отъ 5-го іюня. Говоря съ вами откровенно, я не могу утерпѣть, дабы не сказать, что они ничего добраго не предвѣщаютъ. Война на носу, но спрашивается, кто кого атакуетъ и гдѣ? Беннигсенъ только и твердитъ: „la danse va commencer". Успѣлъ въ казну за хорошую цѣну продать Закретское свое имѣніе, такъ можетъ равнодушно спускать подобную иронію съ своего языка. Нашелъ на всѣхъ столбнякъ, многіе плачутъ, упаковываются. Не забудьте, что менѣе 70 верстъ отъ Вильны до границы.— Французскій посолъ третьяго дня ночью отсюда уже уѣхалъ. Теперь пришла иностранная почта. Ничего не привезли изъ Пруссіи, даже и самыхъ газетъ берлинскихъ. Вчерась я кое-гдѣ былъ. Съ иными говорилъ, а другихъ видѣлъ токмо, какъ они среди тихихъ объясненій пожимали плечами. Я не коснусь турецкаго мира, ибо о прочности его вы лучше меня судить можете, да и то, что слышу о немъ, скорѣе меня узнаете. О грузинскихъ происшествіяхъ вы также должны имѣть свѣдѣніе. Съ часу на часъ ожидаютъ здѣсь важныхъ извѣстій.

Опроверженія мои состоятъ въ томъ, что Беннигсену не дано эполета, что кн. Зубовъ въ такой же силѣ, какъ и я, съ тою токмо разницею, что я не верчусь мелкимъ бѣсомъ предъ Уваровымъ [1]) и графомъ Ожаровскимъ [2]), что любимый Государевъ кучеръ смѣется надъ завистниками своими, что кн. Трубецкого и не думали посылать въ Варшаву. Кажется, болѣе фальшивыхъ слуховъ до меня не доходило.

Виленскія же извѣстія можете признавать аутентичными, которыхъ я, кромѣ Дмитрія Прокофьевича и васъ, никому не передаю, въ увѣренности, что ни тотъ, ни другой меня никогда не компрометтируетъ.—Слышалъ я о несчастьи, постигшемъ наши транспортныя суда во время бури. Не знаю однакожъ заподлинно, сколько ихъ погибло.

Лебцельтернъ, австрійскій чиновникъ, вскорѣ послѣ прибытія своего отправился обратно изъ Вильны.

---

[1]) Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ, р. 1773 г. † 1824 г., генералъ-адъютантъ; въ 1812 г. командиръ гвардейскаго корпуса. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Императора Александра I-го.

[2]) Гр. Ожаровскій, Адамъ Петровичъ, р. 1776 г. † 1855 г., съ 1807 г. былъ генералъ-адъютантомъ Государя; онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ съ французами, начиная съ 1805 г., и отличался большой храбростью.

48.

Іюня 18/12 г.

Не тотъ ли это Руничъ [1]) будетъ у графа правителемъ канцеляріи, который доселѣ находился въ Московскомъ почтамтѣ, и который въ Духовъ день былъ еще здѣсь?

Онъ хорошей фамиліи и, сколько я слышалъ, то онъ долженъ быть честныхъ правилъ человѣкъ.

Предвозвѣщанія сбылись. Отъ 13 іюня графъ Николай Ивановичъ получилъ Высочайшій рескриптъ съ извѣщеніемъ, что вѣроломный врагъ безъ всякаго объявленія вторгся въ предѣлы наши.

Уже сила отражается силою, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ оффиціальныхъ извѣстій о военныхъ происшествіяхъ. Мнѣ некогда снять для Васъ копію съ помянутаго рескрипта, да и не кидаюсь за скрибачемъ въ экспедицію, поелику навѣрное полагаю, что такового же содержанія рескриптъ прямо изъ Вильны отправленъ къ графу Ѳедору Васильевичу.—О, Господи! благослови оружіе наше! Возблагоденствуетъ Россія, вся Европа, когда низложено будетъ стоглавое чудовище.—Не знаю, уѣхалъ ли Лористонъ? Въ субботу онъ еще былъ здѣсь.

49.

Іюня 21. 1812 г.

Вы можете себѣ представить, Александръ Яковлевичъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ теперь извѣстій изъ западныхъ нашихъ армій. Вчерась не было еще такихъ, которыя бы вливали отраду въ душу истиннаго россіянина. Не прискакалъ ли развѣ сегодня нарочный съ побѣдою? О ней токмо и на яву и во снѣ помышляемъ. Злодѣй успѣлъ перескочить съ большими силами чрезъ Нѣманъ у Ковны, Юрбурга и Россіенъ. Сколько изъ достовѣрнѣйшихъ слуховъ можно было сдѣлать извлеченіе, то враги, занимая войска наши въ Литвѣ, напираютъ на Курляндію, гдѣ мечтаютъ скорѣе имѣть успѣхъ въ грабежахъ своихъ.

---

[1]) Правитель канцеляріи гр. Ѳ. В. Ростопчина, братъ извѣстнаго Д. П. Рунича.

Послѣ 9-го іюня я уже не получалъ писемъ изъ Вильны, а послѣ 14-го, кажется, и никто. Слышно, что Государь Императоръ находится въ Свенціанахъ, а Канцлеръ съ своею канцеляріею въ Видзахъ. Впереди сихъ мѣстъ стоитъ главная сила 1-ой Западной арміи. Ежели врагу вздумается простерть далѣе набѣгъ свой или стать твердою ногою въ Литовскихъ нашихъ предѣлахъ: то, нѣтъ сомнѣнія, что должно произойти самое кровопролитное сраженіе въ самомъ непродолжительномъ времени, буде еще его не было.

Французскій посолъ еще здѣсь въ ожиданіи отъ Канцлера паспортовъ. Одинъ изъ его секретарей уже уѣхалъ.

Внучка княгини Вяземской—графиня Толстая, вышедшая за совѣтника французскаго посольства Ренваля, ѣдетъ съ мужемъ въ отечество его. Такими четами возмущается душа.

Не знаемъ, придутъ ли съ ожидаемою мемельскою почтою иностранныя газеты.

Во вторникъ мы еще ихъ всѣ получили.—Архіепископъ Мехельнскій, котораго почитали отправленнымъ въ Константинополь, явился 5-го іюня въ Варшаву съ какими-то важными предложеніями къ открывающемуся тамъ сейму. По Берлинскимъ газетамъ Макдональдъ и Даву приняли въ Пруссіи противъ—Курляндскихъ границъ начальство надъ двумя арміями, кои составлены изъ французскихъ и прусскихъ войскъ.—Наполеонъ ѣхалъ куда-то изъ Гданска чрезъ Эльбингъ и Кенигсбергъ.

Говорятъ, что кн. Багратіонъ имѣлъ съ непріятелемъ дѣло и одержалъ надъ нимъ верхъ. Считаютъ взятыхъ имъ въ плѣнъ за тысячу.—Какъ достовѣрное происшествіе разсказываютъ также здѣсь, что саксонскій или прусскій генералъ Кокъ или Кохъ застрѣлилъ французскаго генерала Ренье. Сей послѣдній будто бы при осмотрѣ корпуса Коха, долженствовавшаго соединиться съ войсками французскими, дозволилъ себѣ потрепать съ насмѣшкою союзнаго генерала по плечу, изъявляя ему невыгодное мнѣніе на счетъ вспомогательныхъ войскъ. Кохъ, вмѣсто отвѣта, выхватилъ изъ сѣдла заряженный пистолетъ и застрѣлилъ его. Хотя Кохъ уже аркибузированъ по настоянію Наполеона, однакожъ слѣдствіемъ сего происшествія было то, что множество офицеровъ нѣмецкихъ съ рядовыми перешли къ намъ.—Объ австрійцахъ идетъ слухъ, что и они тысячами бѣгутъ въ наши границы.

Транспорты наши, слава Богу! всѣ уцѣлѣли во время бури въ Балтійскомъ морѣ.

Ратификаціи еще нѣтъ. Не далъ ли ужъ султанъ обольстить себя тѣмъ стотысячнымъ вспоможеніемъ, о которомъ нѣкоторые

здѣсь поговариваютъ? Прилагаю у сего приказъ и стихи на оный [1]).

50.

Іюня 25. 1812 г.

Корресподенты мои, хотя и статской службы, 14 іюня вмѣстѣ съ войсками оставили Вильну. Отъ нѣкоторыхъ имѣю съ дороги къ Двинѣ, къ которой прислониться хотятъ обѣ наши арміи, извѣстія, ни мало не касающіяся до происшествій по дѣламъ военнымъ. И сіи пустыя письма отъ 16-го дошли до меня поздно, ибо почта ходитъ теперь другимъ трактомъ.—Я не коснусь описанія того бала, который 11-го числа данъ былъ въ Вильнѣ.

Важнѣйшіе предметы обращаютъ на себя общее вниманіе. О нихъ знаемъ токмо по реляціямъ, которыя чрезъ день здѣсь получаются. Двѣ послѣднія, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, на всякій случай у сего прилагаю. Ихъ такъ жадно расхватываютъ, что печатной никакъ достать не могъ.

Мнѣ кажется взятіе въ плѣнъ графа Сегюра довольно примѣчательнымъ тѣмъ, что и послѣдняя война съ французами началась плѣненіемъ едва-ли не сего же самаго Сегюра. Онъ долженъ же быть очерченная голова, какова у большой части французовъ сидитъ на плечахъ.

Поелику и въ реляціяхъ сказано, что непріятель раздѣлилъ силы свои на двѣ части, то и здѣсь были слухи съ самаго начала, что кн. Понятовскій и король Вестфальскій достанутся на руки князю Багратіону, а самъ Наполеонъ съ 4-мя своими маршалами наткнется на 1-ую армію. Мы превосходимъ враговъ по крайней мѣрѣ въ два раза силами. Ежели дѣло дойдетъ до битвы, то наши должны одними прикладами разбить въ пухъ французовъ съ невольными ихъ союзниками. Между тѣмъ, не произойдетъ ли волненій въ Пруссіи и Германіи, чего почти навѣрно ожидать надлежитъ, и едва-ли отступленіе наше не имѣетъ отношенія къ симъ предполагаемымъ событіямъ.

Послѣдней почты изъ Мемеля въ прошедшую пятницу мы уже не получили.

Нѣтъ надежды, чтобъ она и сегодня явилась.

---

[1]) При письмѣ не оказалось ни того, ни другого.

И такъ мы и чрезъ иностранныя газеты не можемъ болѣе знать, что происходитъ за границею.

Въ Швеціи за 30-ть тысячъ войска готово намъ помогать. Часть оныхъ вѣрно теперь плыветъ въ назначенное мѣсто на судахъ, которыя изъ Кронштадта туда давно отправлены.

Супруга графа Кутузова за нѣсколько дней выѣхала уже ему навстрѣчу.

Теперь идетъ слухъ, что будто бы мирныя условія султаномъ ратифицированы.

Желательно, чтобъ радостная сія вѣсть подтвердилась оффиціально въ товариществѣ съ побѣдою надъ проклятыми французами.

У насъ несносная жара третій день. Прежде вечера намъ разслабленнымъ нѣтъ почти возможности выходить изъ комнатъ.

Вотъ 25 № Journal de l'Empire.

51.

Іюня 28. 1812 г.

Увѣдомьте меня, не получаете ли Вы ранѣе реляцій чрезъ другой каналъ: такъ я остановлюсь въ безполезной перепискѣ.

И до насъ дошелъ слухъ о патріотическомъ подвигѣ матушки Москвы.

Разбиваются токмо въ числѣ войскъ, которыя она выставляетъ на защиту отечества.—Графиня Орлова Чесменская сдѣлала также знаменитое пожертвованіе хлѣбомъ для христолюбиваго воинства. Говорятъ и даже утверждаютъ, что Ник. Ник. Новосильцовъ назначенъ въ Лондонъ посланникомъ.

Графъ Лористонъ еще здѣсь, но переѣхалъ со всѣми своими чиновниками въ трактиръ изъ посольскаго дома и живетъ до полученія паспортовъ, какъ частный человѣкъ.

Всѣ прочіе министры собираются отсюда ѣхать, кромѣ португальскаго и сардинскаго. Датскій, г. Бломъ, слагаетъ съ себя званіе свое и проситъ, чтобы ему дозволили остаться здѣсь жить приватно.

Объ англичанахъ заговорили было, что они къ Ригѣ подъѣхали съ вспомогательнымъ войскомъ; но теперь извѣстно, что буря принудила нѣсколько военныхъ ихъ судовъ искать пособія у Динаментскаго коменданта, который удовлетворилъ ихъ во всемъ.

Вчерашній день, воспоминаніе побѣды подъ Полтавою, многимъ вселялъ мысль, не выжидали ли войска наши сей славной эпохи,

чтобъ ознаменовать ее новымъ низложеніемъ вражескихъ силъ въ предѣлахъ нашихъ. Пусть Наполеонъ паче Карла накажется за вѣроломство и продерзость свою!

Слышу, что изъ многихъ надписей къ монументу великой Екатерины Юр. Ал. Нелединскаго одна токмо одобрена. Надѣюсь, что вы ее, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, мнѣ сообщите, ибо еще ее не имѣю.

Руничъ, московскаго почтдиректора помощникъ, еще здѣсь, и я уже знаю, что братъ его правителемъ канцеляріи у графа Ѳедора Васильевича.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“.

Изъ всѣхъ, извѣстныхъ въ печати, записокъ объ Отечественной войнѣ самыми характерными, и интересными представляются записки участника войны Алексѣя Петровича Ермолова.

Съ разрѣшенія высокочтимаго Григорія Петровича Ермолова предлагаемъ эти записки вниманію читателей нашего журнала, тщательно воспроизведенныя съ изданія Григорія Петровича въ 1865 г. *Ред.*

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г.

Насталъ 1812 годъ, памятный каждому русскому, тяжкій потерями, знаменитый блистательною славою въ роды родовъ!

Въ началѣ марта мѣсяца гвардія выступила изъ С.-Петербурга. Черезъ нѣсколько дней получилъ я повелѣніе быть командующимъ гвардейскою пѣхотною дивизіею [1]). Назначеніе, которому могли завидовать и люди самаго знатнаго происхожденія, и несравненно старшіе въ чинѣ. Долго не рѣшаюсь я вѣрить чудесному обороту положенія моего. Къ чему, однако же, не пріучаетъ счастье? Я начиналъ даже вѣрить, что я того достоинъ, хотя, впрочемъ, весьма многимъ позволяю я съ тѣмъ не согласоваться. Скорое возвышеніе мало извѣстнаго человѣка непремѣнно порождаетъ зависть, но самолюбіе умѣетъ истолковать ее выгоднымъ для себя образомъ, и то же почти сдѣлалъ я, не безъ оскорбленія, однако же, справедливости.

---

[1]) Дивизію составляли полки:

1-я бригада: Преображенскій, Семеновскій — Бригадный командиръ генералъ-маіоръ баронъ Розенъ.

2-я бригада: Измайловскій, Литовскій — Бригадн. командиръ флигель-адъютантъ Удомъ.

3-я бригада: Егерскій, Фипляндскій — Бригадный командиръ полковникъ Бистромъ.

Къ сей бригадѣ присоединенъ гвардейскій морской экипажъ.

Дивизіоннымъ начальникомъ прихожу я на маневры въ Вильну. Всѣ находятъ гвардію превосходною по ея устройству, и часть похвалы, принадлежащей ей по справедливости, удѣляется мнѣ, безъ малѣйшаго на то права съ моей стороны.

Послѣ краткаго пребыванія въ Вильнѣ, гвардія возвратилась на свои квартиры въ городъ Свенцяны.

Французы въ большихъ силахъ находились близъ нашихъ границъ. Слухи о войнѣ не были положительны; къ нападенію, повидимому, никакихъ не предпринималось мѣръ, равно и съ нашей стороны не было особенныхъ распоряженій къ возбраненію перехода границъ. Ближайшіе изъ окружающихъ Государя допускали мысль о возвращеніи графа Нарбонна, адъютанта Наполеона, присланнаго съ порученіями, который, въ разговорахъ своихъ, ловкимъ весьма образомъ, далъ нѣкоторыя на то надежды. Были особы, совершенно въ томъ увѣренныя.

Въ тотъ самый день, когда Государю Императору данъ былъ праздникъ знатнѣйшими сановниками и составляющими его свиту (la maison de l'empereur), въ загородномъ гуляньи близъ Вильны (въ Закретѣ), среди великолѣпія и роскошныхъ увеселеній, пріѣхалъ изъ Ковна чиновникъ съ извѣстіемъ, о которомъ немедленно доведено до свѣдѣнія Государя. Не могло укрыться смятеніе между окружающими, и дало поводъ къ заключеніямъ о причинѣ внезапнаго прибытія, а вскорѣ затѣмъ разгласила молва, что французы перешли Нѣманъ недалеко отъ Ковна, что городъ занятъ ими, и казаки на передовой стражѣ отступаютъ, размѣнявшись выстрѣлами. Исчезъ обоюдный страхъ, долгое время въ нерѣшимости удерживавшій, и мы огромнымъ непріятеля ополченіямъ, ступившимъ на нашу землю, прежде Вильну и вскорѣ всю Литву, едва сопротивляясь, уступили!

Въ Вильнѣ долженъ былъ генералъ-адъютантъ Балашовъ, съ письмомъ отъ Государя къ Наполеону, дождаться его прибытія.

Государь прибылъ къ гвардіи, и ей приказано расположиться при Свенцянахъ лагеремъ.

1-й западной арміи, сильнѣйшей числомъ войскъ, назначенъ главнокомандующимъ генералъ-отъ-инфантеріи, военный министръ, Барклай-де-Толли; главная его квартира въ Вильнѣ.

Составляющіе ее корпуса находятся подъ командою:

1-й пѣхотный корпусъ генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна. Корпусная его квартира въ мѣстечкѣ Кейданахъ.

2-й корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута, въ Вилькомірѣ.

3-й корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1 (Николая Алексѣевича), въ городѣ Трокахъ.

4-й корпусъ генералъ-адъютанта графа Шувалова въ городѣ Лидѣ.

5-й корпусъ Великаго Князя Константина Павловича, въ городѣ Видзахъ.

6-й корпусъ генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова, въ мѣстечкѣ Слонимѣ.

Кавалерійскіе корпуса:

1-й генералъ-адъютанта Уварова.

2-й генералъ-адъютанта барона Корфа.

3-й генералъ-маіора графа фонъ-деръ-Палена (Петра Петровича).

Донское войско, подъ начальствомъ атамана, генерала-отъ-кавалеріи Платова, въ городѣ Гроднѣ и Бѣлостоцкой области.

2-й Западной арміи главнокомандующій — генералъ-отъ-инфантеріи князь Багратіонъ. Главная его квартира въ мѣстечкѣ Пружанахъ.

3-я Западная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Тормасова. Главная его квартира въ Дубнѣ.

Молдавская армія, предводительствуемая адмираломъ Чичаговымъ, находилась, большею частію, въ Валахіи, гдѣ оставалась до заключенія мира съ Оттоманскою Портою, коего прелиминарные пункты были уже подписаны.

Первыя двѣ арміи расположены были на Европейской нашей границѣ и должны были противостать вторженію армій, лично предводимыхъ Наполеономъ; но столько несоразмѣрны были силы и такъ на большомъ пространствѣ разсѣяны наши войска, что единственное средство къ соединенію было отступленіе безъ потери времени.

Извѣстны были огромныя пріуготовленія Наполеона къ войнѣ, съ поспѣшностію дѣлаемыя. Могущественно было вліяніе его на Рейнскій Союзъ, и, послѣ блистательныхъ успѣховъ его въ послѣднюю войну противъ австрійцевъ, не могъ онъ ожидать, чтобы Императоръ Францискъ I дерзнулъ поднять на него оружіе, и даже самая Пруссія, долго льстившая соединеніемъ съ нами, должна была склониться на его сторону.

Война Россіи, совокупно съ Пруссіею, противъ Наполеона въ 1806—1807 годахъ, конченная Тильзитскимъ миромъ, грозила раз-

рушеніемъ Пруссіи. Могущественное посредничество Государя сохранило ее, но при всемъ томъ взяты въ обезпеченіе нѣкоторыя изъ главныхъ крѣпостей и заняты французскими гарнизонами, ограничено количество войскъ, котораго не должны превосходить прусскія арміи.

Россія тщетно старалась избѣжать войны; должна была наконецъ принять сильныя противъ нея мѣры.

Мнѣнія на счетъ образа войны были различны. Не смѣя взять на себя разбора о степени основательности ихъ, я скажу только то, что мнѣ случалось слышать.

Военный министръ предпочиталъ войну наступательную. Нѣкоторые находили полезнымъ занять Варшавское герцогство и, вступивши въ Пруссію, дать королю благовидную причину присоединиться къ намъ, средство усилить армію и далѣе дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Если бы превосходныя силы непріятеля заставили перейти въ войну оборонительную, Пруссія представляетъ мѣстность, особенно для того удобную, средства продовольствія изобильныя, и война производилась бы внѣ границъ нашихъ, гдѣ пріобрѣтенныя отъ Польши области не допускаютъ большой степени къ нимъ довѣренности.

Несравненно большія могли предстоять выгоды, если бы, годомъ ранѣе занявъ герцогство Варшавское, вступили мы въ союзъ съ королемъ прусскимъ. Польская армія, съ невѣроятною дѣятельностію формированная, не болѣе имѣла тогда пятидесяти тысячъ человѣкъ и не дерзнула бы противостать намъ, или могла быть уничтожена: французскія войска въ Германіи, подъ начальствомъ маршала Даву, не были многочисленны, и въ надеждѣ на содѣйствіе Пруссіи, на большомъ пространствѣ разсыпанныя, не поспѣли бы къ спасенію ея. Гарнизоны по крѣпостямъ, изъ нихъ составленные, были малолюдны, и нѣкоторыя изъ крѣпостей совсѣмъ не заняты. Жестокая война съ Гишпаніею, гибельная для французскихъ ополченій, требовала безпрерывно значительныхъ подкрѣпленій, и только за годъ до начатія войны съ нами (1811) допустила заняться составленіемъ громадныхъ армій Французской и Рейнскаго Союза. Члены сего понуждаемы были къ чрезвычайнымъ усиліямъ, къ отяготительнымъ издержкамъ, которыя не могли поощрять къ добровольному соучастію. Австрія, видя въ рукахъ нашихъ Варшавское герцогство, Пруссію, подъявшую оружіе, вѣроятно, не осталась бы въ виновномъ бездѣйствіи, и тогда, смиривъ всеобщаго врага, можно бы дать миръ утомленной бѣдствіями Европѣ, исхитить царей изъ порабощенія и страхъ, вселенный въ нихъ Наполеономъ, обратить ему въ ужасъ и отмщеніе. Преткнулись бы шаги его на той землѣ,

гдѣ каждый изъ нихъ провождалъ къ побѣдамъ и торжествамъ. Предположивъ, что Австрія, не смѣя рѣшиться соединить оружіе свое съ нашимъ, будетъ упорствовать въ сохраненіи нейтралитета, и тогда Наполеонъ, въ борьбѣ съ арміями, нашею и прусскою, и понуждаемый, сверхъ того, разбросать не малое число войскъ для наблюденія за крѣпостьми и для удержанія въ повиновеніи занятыхъ областей, лежащихъ въ тылу арміи, могъ почитать вступленіе въ наши границы не безопаснымъ, и способы его не довольно для того благонадежными.

Въ настоящее время (1812) казалось все пріуготовленнымъ съ стороны нашей къ войнѣ наступательной: войска приближены къ границамъ, магазины огромные заложены въ Бѣлостоцкой области, Гродненской и Виленской губерніяхъ, почти на крайней чертѣ нашихъ предѣловъ. Въ то самое время, однако же, не отвергая возможности отвратить войну переговорами и демонстраціею, ожидали даже вторичнаго пріѣзда присыланнаго Наполеономъ графа Нарбонна; но полученныя наконецъ достовѣрныя свѣдѣнія о чрезвычайныхъ силахъ, сосредоточиваемыхъ въ близкомъ разстояніи отъ границъ, рѣшили отступленіе нашихъ армій.

Нѣкто, бывшій прусской службы генералъ, Фуль, теперь въ нашей генералъ-лейтенантомъ, снискавшій довѣренность, которой весьма легко предаемся мы въ отношеніи къ иноземцамъ, готовы будучи почитать способности ихъ всегда превосходными, между разными соображеніями и проектами предложилъ, какъ многіе утверждаютъ, мысль о пріуготовленіи укрѣпленнаго лагеря на рѣкѣ Двинѣ, близъ мѣстечка Дриссы. Направленіе, на которомъ устроенъ сей лагерь, при первомъ взглядѣ сообщаетъ понятіе о воинскихъ соображеніяхъ господина Фуля. Ему же приписываютъ возраженіе противъ сближенія 1-й арміи со 2-ю арміею, въ томъ предположеніи, чтобы могла она дѣйствовать во флангѣ непріятеля, когда онъ устремится на нашу 1-ю армію.

Не только не смѣю вѣрить, но готовъ даже возражать противъ неосновательнаго предположенія, будто военный министръ одобрялъ устроеніе укрѣпленнаго при Дриссѣ лагеря, и, что еще менѣе вѣроятно, будто не казалось ему нелѣпымъ дѣйствіе двухъ разобщенныхъ армій на большомъ одна отъ другой разстояніи, и когда при томъ дѣйствующая во флангъ армія не имѣла полныхъ пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Если бы Наполеонъ самъ направлялъ наши движенія, конечно, не могъ бы изобрѣсти для себя выгоднѣйшихъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Беннигсенъ, бывшій Главнокомандующій въ послѣднюю войну съ французами въ Пруссіи,

всемѣрно старался склонить на сближеніе армій, такъ чтобы отъ насъ зависѣло—или стать на прямѣйшей дорогѣ, идущей на Смоленскъ, или избрать такое положеніе, которое бы препятствовало непріятелю отклонить насъ отъ оной; но, при всей настойчивости, успѣлъ только согласить на перемѣщеніе 2-й арміи изъ окрестностей Луцка, что на Волыни, въ мѣстечко Пружаны.

Войска наши, приближенныя къ границѣ, охватывая большое пространство, могли казаться Наполеону готовыми возбранять переправу чрезъ Нѣманъ, и, конечно, трудно было предположить, чтобы такое размѣщеніе ихъ сдѣлано было для удобнѣйшаго отступленія, которое раздробленіе сдѣлаетъ необходимо затруднительнымъ, подвергая опасности быть разрѣзаннымъ по частямъ.

Наполеонъ, съ главными силами перешедши Нѣманъ недалеко отъ Ковна, направленіемъ ихъ обнаружилъ намѣреніе корпуса наши не допустить соединиться, въ чемъ, конечно, успѣлъ бы частію, если бы могъ скорѣе совершить переправу, не будучи принужденнымъ сжидаться съ войсками. Имѣя между поляковъ много людей приверженныхъ, безъ сомнѣнія, извѣщенъ былъ обстоятельно о расположеніи войскъ нашихъ [1]), быть можетъ, и о намѣреніи оставить Литву.

6-й корпусъ, для содержанія сообщенія между обѣими арміями, расположенный довольно далеко, присоединился не по причинѣ принятыхъ со стороны нашей мѣръ, но единственно по медленности переправы непріятеля. Отрядъ гусаръ изъ окрестностей Гродна догналъ 6-й корпусъ на пути его, потому что имъ командовалъ генералъ-маіоръ графъ Паленъ, прошедшій, въ продолженіе трехъ дней, почти двѣсти верстъ [2]).

Войско Донское, подъ начальствомъ самого атамана, генерала Платова, расположенное близъ Гродна, будучи назначено дѣйствовать вмѣстѣ съ 1-ю арміею, при всей, свойственной ему, быстротѣ, не могло къ ней присоединиться и, движеніемъ корпуса маршала Даву отброшенное, должно было обратиться къ арміи князя Багра-

---

[1]) Въ бумагахъ, взятыхъ у непріятеля, найдено квартирное расписаніе войскъ, расположенныхъ въ Литвѣ, списокъ нашихъ генераловъ и вѣрное исчисленіе войскъ нашихъ, которыя довольствовались хлѣбомъ, собираемымъ въ замѣнъ податныхъ недоимокъ. Это могло казаться намѣреніемъ не оставить въ краю средствъ для непріятеля.

[2]) Надобно знать графа Палена, чтобы не казалось это чрезвычайнымъ При отличныхъ способностяхъ, пламенный и ледовитый по обстоятельствамъ, предпріимчивый и осмотрительный, когда требуется.

тіона. Въ командѣ атамана Платова находился отрядъ генералъ-маіора Дорохова изъ одного гусарскаго и двухъ егерскихъ полковъ.

Такимъ образомъ 1-я армія, хотя слабо преслѣдуемая, защищаясь на каждомъ шагу, взяла направленіе на славный по слухамъ при Дриссѣ лагерь [1]). Арріергардъ имѣлъ при селеніи Давгелишки довольно горячую схватку. Далѣе непріятель являлся въ малыхъ силахъ и болѣе наблюдалъ, нежели преслѣдовалъ. За отсутствіемъ атамана, только три Донскихъ казачьи полка находились при арміи, а потому въ арріергардѣ употреблена была легкая гвардейская кавалерійская дивизія.

Наконецъ армія вступила въ лагерь. Авангардъ остановился не въ далекомъ разстояніи. 1-й корпусъ перешелъ на правый берегъ Двины и сталъ у мѣстечка Друи, авангардъ отъ него по направленію къ Опсѣ. Также перешелъ и 6-й корпусъ, сталъ у городка Дриссы, авангардъ отъ него у мѣстечка Дисны. Слѣдованіе арміи такъ было быстро, что далеко назади оставила она непріятеля и должна была посылать партіи отыскивать, гдѣ онъ. Узнали, что въ Бельмонтѣ главная квартира Наполеона при небольшихъ силахъ, но что главныя направляются на Дисну по лѣвую сторону нашего лагеря.

Главнокомандующій, обозрѣвая лагерь, нашелъ, что онъ устроенъ на число войскъ гораздо превосходнѣйшее, нежели съ какимъ прибыла армія. Генералъ баронъ Беннигсенъ осмотрѣлъ въ подробности и замѣтилъ, что многія части укрѣпленій не имѣли достаточной между собою связи, и потому слаба была взаимная ихъ оборона; къ нѣкоторымъ изъ нихъ доступъ непріятелю удобенъ, сообщеніе между нашихъ войскъ затруднительно. Были мѣста близъ лагеря, гдѣ непріятель могъ скрывать свои движенія и сосредоточивать силы. Профили укрѣпленій вообще слабы. Три мостовыя укрѣпленія чрезмѣрно стѣснены, профили такъ худо соображены, что съ ближайшаго возвышенія видно въ нихъ движеніе каждаго человѣка. Всѣ описанные недостатки не изображаютъ еще всѣхъ

---

[1]) Лагерь, требовавшій продолжительнаго времени для работъ, свидѣтельствуетъ дальновидность предложившаго оный. Но выборъ направленія, самаго мѣста для лагеря и образа укрѣпленій, по мнѣнію многихъ, не могъ быть соображеніемъ здраваго ума. Господинъ Фуль можетъ найти утѣшеніе въ одобреніи не малаго числа нашихъ генераловъ и пренебрегать мнѣніемъ французовъ, которые назвали лагерь образцомъ невѣжества въ наукѣ укрѣпленія мѣстъ. Мнѣ не случилось слышать возраженій противъ того.

грубыхъ погрѣшностей, ощутительныхъ для каждаго, разумѣющаго это дѣло. Лагерь требовалъ не мало времени для построенія, стоилъ трудовъ и издержекъ и, сверхъ того, къ нему проложены военныя дороги.

Здѣсь у мѣста упомянуть о прочихъ укрѣпленіяхъ, прежде войны предпринятыхъ. Въ Ригѣ мостовое укрѣпленіе распространено и прибавлены нѣкоторыя вновь; крѣпость приведена въ оборонительное состояніе.

Крѣпость Динабургская, на рѣкѣ Двинѣ, строилась болѣе года, сдѣлано мостовое необширное укрѣпленіе, пороховой погребъ и караульня. Линіи самой крѣпости едва были означены. По обыкновенному порядку, отчеты въ издержанныхъ суммахъ даны исправные; иноземецъ, давшій проектъ и управлявшій работами, признанъ за человѣка съ превосходными дарованіями, и прежде всякихъ заслугъ данъ ему чинъ. Укрѣпленіе сіе, въ продолженіе войны, два или три дня противостало небольшимъ непріятельскимъ партіямъ легкихъ войскъ, послѣ чего орудія и снаряды были нами потоплены и мостъ сожженъ.

На правомъ берегу рѣки Березины, противъ города Борисова, устроено укрѣпленіе, дабы не допустить непріятеля овладѣть мостомъ, впослѣдствіи у непріятеля взятое нашими войсками.

Крѣпость Бобруйская, на рѣкѣ Березинѣ, хотя непродолжительное время строившаяся, въ такое, однако же, приведена состояніе, что требовала бы осады, для произведенія которой не доставало средствъ у непріятеля, и онъ ограничился обложеніемъ.

При Кіевской крѣпости, на горѣ, называемой Звѣринецкою, вновь построена небольшая крѣпостца, при работахъ которой находился я самъ съ отрядомъ войскъ отъ резервной арміи, и потому знаю всѣ безобразные ея недостатки. Отъ старой крѣпости въ 400 саженяхъ разстоянія, мало вспомоществуетъ ей собою и даже сообщенія довольно свободнаго не имѣетъ; не представляетъ даже и той пользы, что далеко удерживаетъ непріятеля отъ крѣпости; ибо, овладѣвши ею, непріятель чувствительнаго вреда крѣпости нанести не можетъ [1]).

Сила описанныхъ крѣпостей, повидимому, не заключается въ

---

[1]) Мысль устроить крѣпостцу принадлежитъ инженеръ-генералъ-лейтенанту Опперманну, и на него непосредственно возложено составленіе проекта и приведеніе его въ исполненіе. Не рѣшаюсь думать, чтобы у инженеровъ новѣйшаго времени нельзя было заимствовать чего-нибудь достойнаго подражанія.

нихъ собственно, но въ отдаленіи способовъ непріятеля для предпринятія осадъ. Сему обязаны мы цѣлостію Риги, сохраненіемъ Бобруйска, и можемъ принимать ихъ за твердыни непреодолимыя. Долго еще инженеры наши могутъ довольствоваться фортификаціею Войтяховскаго и ходить на практику на Дунай!

Во время пребыванія 1-й арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, непріятель собирался на лѣвомъ нашемъ крылѣ, направляясь на Дисну. Маршалъ Даву поспѣшалъ къ Минску съ сильнымъ корпусомъ, но только еще голова онаго приближалась къ городу. Князь Багратіонъ могъ бы предупредить Даву въ Минскѣ, и если бы даже встрѣтился съ его войсками, то, конечно, съ одними передовыми, какъ то извѣстно сдѣлалось послѣ; надобно было, и онъ долженъ былъ рѣшиться атаковать, предполагая даже понести нѣкоторую потерю, чтобы овладѣть дорогою на Смоленскъ. Измѣнила князю Багратіону всегдашняя его предпріимчивость. Къ тому же скорость движенія его умедливали худыя отъ Несвижа дороги и переправа чрезъ Нѣманъ у мѣстечка Николаева. Также, получая о непріятелѣ извѣстія преувеличенныя, онъ возвратился къ Несвижу и чрезъ Слуцкъ пошелъ на Бобруйскъ. За нимъ послѣдовали войска въ командѣ короля Вестфальскаго и князь Понятовскій съ польскою конницею. Съ сего времени на соединеніе обѣихъ армій отняты были всѣ надежды. Государь Императоръ изволилъ сообщить мнѣ полученное имъ извѣстіе и не скрылъ, сколько горестно оно было для его сердца, но утѣшительно мнѣ было видѣть, что можно надѣяться на его твердость.

Опредѣлено отступленіе 1-й арміи изъ укрѣпленнаго лагеря. Іюля 1-го дня возложена на меня должность начальника Главнаго штаба арміи. Отъ назначенія сего употребилъ я всѣ средства уклониться, представляя самому Государю, что я не пріуготовлялъ себя къ многотрудной сей должности, что достаточныхъ для того свѣдѣній не имѣю, и что обстоятельства, въ которыхъ находится армія, требуютъ болѣе опытнаго офицера и болѣе извѣстнаго въ арміи. Конечно, не трудно было во множествѣ генераловъ найти несравненно меня способнѣйшихъ; но, или надобны они были въ своихъ мѣстахъ, или видя умножающіяся трудности, сами принять должности не соглашались.

Я просилъ графа Аракчеева употребить за меня его могущественное ходатайство. Онъ, подтвердивши, сколько трудна предлагаемая мнѣ должность, не только не ободрилъ меня въ принятіи оной, напротивъ, нашелъ благоразсудительнымъ намѣреніе мое избавиться отъ нея, говоря, что при военномъ министрѣ она несравненно затруднительнѣе, нежели при всякомъ другомъ. Извѣстно было,

что онъ поставлялъ на видъ Государю одного изъ старшихъ генералъ-лейтенантовъ, Тучкова 1-го (Николая Алексѣевича), основательно полагаясь на опытность его, пріобрѣтенную долговременнымъ служеніемъ [1]). Государь, сказавши мнѣ, что графъ Аракчеевъ докладывалъ ему по просьбѣ моей, сдѣлалъ мнѣ вопросъ: „Кто изъ генераловъ, по мнѣнію моему, болѣе способенъ?“—„Первый встрѣтившійся, конечно, не менѣе меня годенъ“, отвѣчалъ я. Окончаніемъ разговора была рѣшительная его воля, чтобы я вступилъ въ должность. „Если нѣкоторое время буду я терпимъ въ этомъ званіи, то единственно по великодушію и постояннымъ ко мнѣ милостямъ Вашего Величества“, сказалъ я, и одну принесъ просьбу не лишить меня надежды возвратиться къ командованію гвардейскою дивизіею, отъ которой показывался я въ командировкѣ. Мнѣ это обѣщано.

Итакъ, въ званіи начальника Главнаго штаба арміи состоя при главнокомандующемъ, который былъ вмѣстѣ и военнымъ министромъ, имѣлъ я случай знать о многихъ обстоятельствахъ, не до одного управленія арміи касающихся, а потому все, описываемое мною, почерпнуто или изъ самыхъ источниковъ, или основано на точныхъ свѣдѣніяхъ, не подверженныхъ сомнѣнію. Въ должности прежде меня находился генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулуччи, и послѣ шести дней удаленъ изъ арміи къ другому назначенію, по настоянію недовольнаго имъ главнокомандующаго. Первый помощникъ мой по дѣламъ службы, исправляющій должность дежурнаго генерала, флигель-адъютантъ полковникъ Кикинъ, бывшій при введеніи новаго образа управленія по изданному не задолго положенію о большой дѣйствующей арміи, не желая служить съ моимъ предмѣстникомъ, сказался больнымъ, и въ должность его вступилъ комендантъ главной квартиры, полковникъ Ставраковъ. Если возможно понимать смыслъ слѣдующихъ словъ: „Сіе судебъ преисполненное имя“, то, кажется, болѣе всѣхъ можетъ оно ему приличествовать; ибо судьба преслѣдовала имъ всѣхъ бывшихъ главнокомандующихъ. Суворовъ, превыше своихъ современниковъ, одинъ смѣлъ взять его по собственной волѣ, прочіе не могли отъ него избавиться. Онъ находился при немъ въ Италіи, при графѣ Буксгевденѣ, а потомъ при баронѣ Беннигсенѣ въ Пруссіи, перенесся въ Финлян-

---

[1]) Многими отличными качествами пріобрѣлъ онъ общее уваженіе, но въ теченіе продолжительнаго служенія его не представился случай, въ которомъ могъ бы онъ обнаружить особенныя способности военнаго человѣка.

дію ко всѣмъ перемѣнившимся главнымъ начальникамъ, а теперь не избѣгъ отъ него генералъ Барклай-де-Толли! За что же, по крайней мѣрѣ, терпятъ его въ должности дежурнаго генерала? Я прошу перемѣнить его. Главнокомандующій находитъ его весьма способнымъ. Сколько ни стараюсь уговорить полковника Кикина, не соглашается избавить меня отъ Ставракова!

Въ должности генералъ-квартирмейстера находился полковникъ Толь, офицеръ отличныхъ дарованій, способный со временемъ оказать большія заслуги; но смирять надобно чрезмѣрное его самолюбіе, и начальникъ его не долженъ быть слабымъ, дабы онъ не сдѣлался излишне сильнымъ. Онъ, при полезныхъ способностяхъ, по роду служебныхъ его занятій, соображеніе имѣетъ быстрое, трудолюбивъ и дѣятеленъ, но столько привязанъ къ своему мнѣнію, что иногда, вопреки здравому смыслу, не признаетъ самыхъ здравыхъ возраженій, отвергая возможность имѣть не только превосходныя способности, ниже допускаетъ равныя.

Іюля 2 дня армія перешла за Двину и расположилась у Дриссы. Слишкомъ ощутительно было неудобство имѣть въ тылу рѣку, какова Двина; ибо армія, двигаясь безъ малѣйшихъ препятствій, не въ одно время и не тѣснимая непріятелемъ, не избѣгла, однако же, нѣкоторыхъ замѣшательствъ. Половина мостовъ сохранена для арріергарда генералъ-адъютанта барона Корфа.

1-й корпусъ расположился противъ праваго фланга бывшаго лагеря, отрядъ отъ него у Друи и наблюдательные посты у Динабурга. 6-й корпусъ приблизился къ Диснѣ, дабы подкрѣпить авангардъ графа Палена на лѣвомъ берегу Двины, открывающій непріятеля отряжаемыми вдаль разъѣздами.

Государь поручилъ флигель-адъютанту графу Потоцкому, въ случаѣ надобности, истребить противъ Дисны переправу, и онъ, пылая усердіемъ исполнить порученіе, сообщилъ пламень и провіантскому магазину довольно значительному, тогда какъ французы были не ближе 70 верстъ разстоянія, и съ такою возвратился поспѣшностію, что не замѣтилъ, какъ жители растащили запасы, которые довольствовали послѣ и авангардъ 6-го корпуса и самый корпусъ.

Вѣроятно, подвигу своему онъ успѣлъ дать хорошую наружность, но мнѣ не извѣстно, было ли особое описаніе его (mémoire). Послѣ того не было уже моста, но за рѣкою былъ авангардъ графа Палена, усиленный дивизіею пѣхоты отъ 4-го корпуса, и долженъ былъ оставаться долѣе, дабы подъ закрытіемъ его армія могла отступить къ Полоцку.

Іюля 4 числа армія двинулась и въ три дня пришла къ По-

лоцку. Оставленный въ прежнемъ расположеніи арріергардъ генералъ-маіора барона Корфа, не видавъ непріятеля, перешелъ на правый берегъ Двины.

1-й корпусъ графа Витгенштейна изъ 24 тысячъ человѣкъ, расположенный близъ Друи, имѣлъ повелѣніе въ случаѣ дѣйствія противъ него превосходныхъ силъ, отступать къ Пскову, прикрывая Петербургъ. Если бы непріятель не помышлялъ о немъ, то довольно робости столицы, чтобы предпринять мѣры къ разсѣянію страха. Подобные маневры можно по справедливости назвать придворными. Непріятель показалъ небольшую часть легкихъ войскъ, занялъ отрядомъ мѣстечко Друю и въ небольшихъ силахъ приблизился къ Динабургу. Графъ Витгенштейнъ донесъ главнокомандующему, что онъ намѣренъ усилить расположенный противъ Друи отрядъ и удерживать Динабургъ. Начальникъ штаба 1-го корпуса, генералъ-маіоръ Довре, увѣдомилъ меня, что для усиленія отряда назначается десять баталіоновъ пѣхоты съ приличнымъ числомъ артиллеріи и конницы, которой и безъ того было весьма недостаточно. Главнокомандующій позволилъ мнѣ сказать мое мнѣніе и подтвердилъ возраженіе мое противъ раздробленія силъ. Странно намѣреніе, зная движеніе непріятеля на лѣвый флангъ, защищать Динабургъ, отдаленный и къ оборонѣ не пріуготовленный, когда впереди его невозможно маневрировать.

Въ сіе время корпусъ Прусскихъ войскъ генерала Іорка вступилъ въ Курляндію, занялъ Митаву, и легкія его войска появились у предмѣстія Риги. Къ нему присоединились войска другихъ націй, составляя вообще до сорока тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ маршала Макдональда.

3-я западная армія генерала Тормасова была около Бреста Литовскаго, противъ корпуса саксонскихъ войскъ, въ командѣ французскаго генерала Ренье, вступившаго въ границы наши совокупно съ австрійскими войсками подъ начальствомъ генерала князя Шварценберга, который находился еще въ нѣкоторомъ разстояніи.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Эртеля, около четырнадцати тысячъ человѣкъ, стоялъ въ бездѣйствіи въ Мозырѣ; слабое отъ него отдѣленіе у города Пинска. Проходя служеніе въ должностяхъ полицейскихъ и въ нихъ достигнувши чина генералъ-лейтенанта и другихъ наградъ, онъ упражнялъ полицейскія свои способности въ утѣсненіи жителей въ окрестностяхъ Мозыря.

Армія Молдавская, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, по заключеніи мира съ Оттоманскою Портою, начинала оставлять предѣлы Валахіи; но дальній путь, ей предлежащій, отдалялъ ее на

долгое время отъ содѣйствія прочимъ арміямъ, и передовыя ея войска едва еще приближались къ Днѣстру.

Изъ Полоцка Государь Императоръ отправился въ Москву, сопровождаемый графомъ Аракчеевымъ, министромъ полиціи генераломъ Балашовымъ и государственнымъ секретаремъ Шишковымъ. При немъ были генералъ-адъютантъ князь Трубецкой и флигель-адъютантъ Чернышевъ. Всѣ прочіе, особѣ Государя принадлежащіе, чиновники остались при арміи. Остался и генералъ Фуль съ горькимъ въ сердцѣ чувствомъ, что онъ не столько уже необходимъ Государю, съ отчаяніемъ въ душѣ, что лагерь при Дриссѣ найденъ безполезнымъ и усмотрѣны его недостатки. Ни рабъ-почитатель его, флигель-адъютантъ полковникъ пруссакъ Вольцогенъ, ни генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій, имъ въ ремеслѣ военномъ просвѣщаемый, не проповѣдывали его славы. Умолкли мудрыя его предложенія продолжать отступленіе даже за Волгу; уже не внемлютъ благодѣтельнымъ попеченіямъ его о Россіи. Судьба казнитъ неблагодарность вашу, россіяне; вы не узрите береговъ Волги [1])!

Отъѣздъ Государя произвелъ на войска непріятное впечатлѣніе. Появляясь каждый день веселымъ и сохранявшимъ спокойную наружность, не только не было мысли объ опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми, и каждый оживлялся его присутствіемъ. Но оно не менѣе нужно было и внутри Россіи. Надобно было унылый духъ возбудить къ бодрости, или постепенно пріуготовить къ перенесенію большихъ бѣдствій. Москва, въ сердцѣ коей двѣсти лѣтъ тишины и благоденствія, цѣлый вѣкъ величія и славы закрыли прежнихъ несчастій глубокія раны, ожидала утѣшенія. Москва! Когда срѣтала ты Царя своего безъ восхищенія? Гдѣ болѣе являема была ему сыновъ его приверженность? Отъѣздъ былъ необходимъ! Сѣтующу войску обѣщано скорое его возвращеніе, и все возвратилось къ прежнему порядку, или, по крайней мѣрѣ, не увеличился безпорядокъ.

При выступленіи изъ Полоцка извѣстно уже было, что непріятель въ силахъ показался у Дисны и слѣдовалъ вверхъ по лѣвому берегу Двины. Арріергардъ графа Палена перешелъ уже на правый берегъ и защищалъ переправу до вечера того дня. 6-й корпусъ и

---

[1]) Не была предусматриваема необходимость отступленія, но достовѣрное свѣдѣніе объ изумляющей многочисленности ополченій Наполеона опредѣлило отступленіе необходимымъ средствомъ до нѣкотораго времени.

при немъ одна дивизія отъ 4-го пѣхотнаго корпуса занимали на ночлегѣ средину разстоянія между арріергардомъ и арміею.

Слѣдованіе арміи продолжалось къ Витебску. 6-й корпусъ въ одномъ маршѣ назади. Графъ Паленъ, отправивши къ арміи довольно большое количество провіанта, оставилъ берегъ Двины. Непріятель, переправившись у Дисны, на другой день началъ преслѣдованіе небольшими силами. Въ подкрѣпленіе графу Палену обращенъ кавалерійскій корпусъ барона Корфа и нѣсколько егерей. Много уже непріятельскихъ войскъ усмотрѣно на лѣвомъ берегу противъ Полоцка, но арріергардъ нашъ прошелъ благовременно сей пунктъ.

Въ Полоцкѣ погрозилъ я кандалами комиссіонеру 7-го класса Юзвицкому, который отправлялся съ суммою денегъ уплатить за купленный будто имъ у евреевъ провіантъ на томъ берегу, гдѣ непріятель, и откуда никто не помышлялъ перевезть его на нашу сторону, хотя въ арміи чувствуемъ уже былъ недостатокъ. Благоразумны были распоряженія генералъ-интенданта Канкрина, который, во время пребыванія арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, заготовилъ большое весьма количество печенаго хлѣба, но много изъ него принужденъ былъ оставить, потому что время отступленія арміи не было опредѣлено, и невозможно было собрать средствъ, перевозкѣ соразмѣрныхъ [1]).

Г. Канкринъ человѣкъ отлично умный, далекъ, однако же, той расторопности, которую люди ловкіе въ изворотахъ провіантской промышленности находятъ необходимою для искуснаго прикрытія казеннаго ущерба. Не рѣшусь, однако же, предположить, чтобы могло укрыться отъ него, если кто другой отличается знаніемъ сего ремесла, какъ и предузнать трудно, всегда ли онъ будетъ упрекомъ для другихъ.

Въ Полоцкѣ также на прочномъ основаніи утвердилась вражда между Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ и Главнокомандующимъ. Опоздавшій выступить въ назначенное время командиръ конной гвардіи, полковникъ Арсеньевъ, былъ имъ арестованъ. Довольно сего, чтобы возродить вражду; слишкомъ много, чтобы усилить давно существующую. Великій Князь воспылалъ гнѣвомъ, ледовитый Барклай-де-Толли не охладилъ горячности.

---

[1]) Въ продолженіе четырехъ дней, въ каждый день три тысячи человѣкъ нижнихъ чиновъ, при полковникѣ и офицерахъ, наряжаемы были для хлѣбопеченія; при чемъ соблюдался строгій порядокъ.

Въ Полоцкѣ, по отъѣздѣ Государя, случилось мнѣ обѣдать вмѣстѣ съ оставшеюся его свитою, и я замѣтилъ разность въ тонѣ, какую перемѣну въ обращеніи! Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ каждаго при собственныхъ средствахъ. Люди, осужденные быть придворными, умѣйте снискать уваженіе собственными достоинствами, или, заимствуя блескъ другого, умѣйте отражать его! Не мое дѣло толковать смыслъ сказаннаго однимъ изъ древнихъ писателей:

. . . exeat aula
qui vult esse pius.

Неужели думать надобно, что много было сходства между придворными людьми всѣхъ временъ? Съ нами вмѣстѣ обѣдалъ и генералъ Фуль, готическую свою важность, вывѣску общаго ко всѣмъ неуваженія, перемѣнившій на придворную вѣжливость. Онъ кланялся прежде, не ожидая приносимыхъ ему въ дань поклоновъ. Исчезло рабственное къ нему почтеніе, были уже примѣтившіе въ немъ признаки сумасшествія, а Вилліе увѣрялъ, что испытанныя средства не возстановили ума въ полной мѣрѣ; воля Государя присвоила и небывалый!

Армія прибыла къ переправѣ при Будиловѣ. Проходя, небольшой отрядъ оставила противъ Бѣшенковичей, для обезпеченія слѣдованія 6-го корпуса и далеко отстающаго арріергарда графа Палена, равномѣрно и для прикрытія производившейся перевозки хлѣба съ другого берега. Непріятель не близко еще былъ отъ сего мѣста, по причинѣ трудной и весьма гористой дороги по лѣвому берегу и, сверхъ того, рѣка къ сторонѣ его дѣлаетъ большой изгибъ, что сокращало путь намъ, а мѣстоположеніе совершенно ровное скорости движенія способствовало.

Между тѣмъ корпусъ французскихъ войскъ маршала Даву, прошедши Борисовъ, овладѣлъ Могилевомъ и занялъ Оршу небольшимъ отрядомъ войскъ.

Армія князя Багратіона, въ слѣдованіи изъ Несвижа къ Бобруйску, имѣла схватки въ арріергардѣ.

Атаману генералу Платову представился первому случай, 27 и 28 іюля, при мѣстечкѣ Мирѣ, и послѣ при мѣстечкѣ Романовѣ, доказать польской конницѣ, что въ насъ сохранилась прежняя поверхность надъ поляками, и казакамъ предоставлена честь возобновить въ сердцахъ ихъ сіе чувство.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1912 г.

ТОМЪ СТО ПЯТИДЕСЯТЫЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

		стран.
I.	Воспоминанія стараго педагога. А. Ѳ. Андріяшевой	21— 29
II.	Встрѣчи и столкновенія (М. Е. Салтыковъ, П. А. Гайдебуровъ, А. Ѳ. Марксъ). Р. И. Сементковскаго	47— 58
III.	Попечитель Варшавскаго учебнаго округа А. Л. Апухтинъ (изъ воспоминаній педагога). В. Г. Смородинова	73— 83
IV.	М. И. Драгомировъ, командующій войсками (изъ отрывочныхъ воспоминаній) А. Е. К. .	114—120
V.	Въ Румыніи передъ войной 1877 г. Г. И. Бобрикова	290—295
VI.	Въ дружескомъ кругу (изъ воспоминаній о графѣ Д. А. Милютинѣ). С. Лаврентьевой.	323—331
VII.	Встрѣчи и столкновенія (И. Е. Андреевскій, П. Г. Рѣдкинъ, И. Я. Горловъ). Р. И. Сементковскаго.	333—352
VIII.	Воспоминанія о Е. Д. Полѣновой. Е. Юнге.	536—545
IX.	Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни (1870—1875 г.). В. С. Чиважевскаго	555—585

стран.

X. Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г. (Приложеніе) . . . . 1—15

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

стран.

I. Берлинскій Конгрессъ 1878 г. (дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 3— 12, 223—236

II. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г. Сообщилъ Н. А. Вилламовъ. . . . . 13— 20, 237—244

III. По поводу 4 апрѣля 1866 г. Р. Р. Р. . . . 30, 46, 72, 84

IV. Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Одеталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова . . . . . 31— 45, 409—429, 597—614

V. Памятники 1812 г. въ Печерскомъ монастырѣ. Сообщ. Н. Козыревъ. . . . . 59— 62

VI. Николай Гавриловичъ Чернышевскій (наброски по неизданнымъ матеріаламъ). А. А. Лебедева . . . . . 63— 71, 296—309

VII. Изъ дневника русской въ Турціи предъ войной 1877—1878 г. Е. А. Рагозиной. . 85— 98, 386—395, 528—535

VIII. О Пушкинѣ. Н. Лернера . . . . . 99—113

IX. Николай Михайловичъ Пржевальскій. Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. П. Козлова. . . . . 121—161, 361—385

X. Наполеонъ на островѣ св. Елены. Сообщила В. Тимощукъ. . . . . 162—179

XI. Яковъ Іоганъ Урсинусъ. Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, А. Г. Воронова . . 180—187, 353—360

		стран.
XII.	Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 г.? Психолого-стратегическій очеркъ (съ планомъ и тремя схемами). В. Ф. . . .	188—208 245—289
XIII.	Въ апрѣлѣ 1812 г. Т.	209—221
XIV.	Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 г.г. (Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 г. по 30 іюля 1905 г.) Г. А. Данилова.	310—322
XV.	Рескриптъ Императора Павла I новгородскому губернатору Митусову. Сообщ. С. Н. Митусовъ	332
XVI.	Настроеніе русской арміи на поляхъ Венгріи въ 1848—49 г.г. В. Т.	396—408
XVII.	Въ маѣ 1812 г. Т.	430—444
XVIII.	Приказъ Нашимъ арміямъ и два манифеста Императора Александра I вначалѣ Отечественной войны.	445—447
XIX.	Императоръ Александръ Павловичъ въ дѣйствующей арміи въ началѣ Отечественной войны и возвращеніе его, черезъ Москву, въ Петербургъ	448—466
XX.	1812 годъ (послѣдніе дни командованія Барклаемъ 1-й и 2-й западными арміями) Б. М. Колюбакина	467—476
XXI.	Манифесты, написанные Шишковымъ въ Отечественную войну, и патріотическое ихъ значеніе. Н. А. Палицына	477—491
XXII.	Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. А. А. Мазона.	492—527
XXIII.	Прошлое Сибири (потребность въ изученіи его). Энъ-Пэ	546—554
XXIV.	Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Е. Ш. .	586—592
XXV.	Пруссаки стараго времени и командовавшій прусскимъ корпусомъ въ 1812 г. маршалъ Макдональдъ	593—596

Приложенія:

I. Военноуполномоченные Россіи на Берлинскомъ Конгрессѣ: Г. И. Бобриковъ, А. А. Боголюбовъ и Д. Г. Анучинъ. (при 4-й книгѣ).

II. Къ статьѣ „Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 г.?“—планъ и 1, 2 и 3 №№ схемъ (тамъ же).

III. Памятникъ Пржевальскому на берегу Иссыкъ-Куля (при 5-й книгѣ).

IV. Портретъ прапорщика Николая Михайловича Пржевальскаго (тамъ же).

V. Портретъ Императора Александра I (при 6-й книгѣ).

VI. Портретъ Ивана Александровича Гончарова (тамъ же).

VII. Портретъ Александра Францевича Мишо (тамъ же).

VIII. Портретъ гр. А. А. Аракчеева (тамъ же).

IX. Портретъ А. Д. Балашова (тамъ же).

X. Портретъ А. С. Шишкова (тамъ же).

XI. Рисунокъ. Императоръ Александръ I въ Вильно въ 1812 г. (тамъ же).

XII. Докладъ Императору Александру I, написанный гр. А. Аракчеевымъ, А. Балашовымъ и А. Шишковымъ (тамъ же).

Библіографическій листокъ.

1. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Новгородъ. 1911 г. Составилъ С. С. Минцловъ (на оберткѣ апрѣльской книги).

2. Походъ въ Москву Наполеона и бѣгство его изъ Россіи. Составилъ И. Н. Божеряновъ. Москва 1912 г. (тамъ же).

3. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 іюля по 4 августа 1911 г. (тамъ же).

4. Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ первый (А—Г) Спб. 1912 г. (на оберткѣ майской книги).

5. Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ третій (1833—1837). Спб. 1911 (тамъ же).

6. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1905 годъ. Спб. 1812 (тамъ же).

7. Ив. Федоровъ. Опытъ хронологической канвы къ біографіи В. Г. Бѣлинскаго, съ приложеніемъ библіографическаго указателя. Смоленскъ. 1911 г. (тамъ же).

8. М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціею М. К. Лемке. Т. I. Спб. 1911.—Т. II. Спб. 1912 (тамъ же).

9. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи. № 46 и № 47. Симферополь. 1912 (тамъ же).

10. Матеріалы для исторіи цѣнъ на книги въ древней Руси XVI—XVIII в.в. Собрала и обработала В. Адріанова. Изданіе Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1912 (тамъ же).

11. Справочный указатель художественныхъ изданій С.-Петербургскаго попечительнаго комитета о сестрахъ Краснаго Креста. Изд. 5-е. Спб. 1911 (тамъ же).

12. И. Г. Максимовъ. Систематическое чтеніе по словесности (опытъ библіографическаго указателя для юношества). Тифлисъ. 1911 (тамъ же).

13. В. П. Авенаріусъ. Среди враговъ. Дневникъ юноши, очевидца войны 1812 г. Съ 12 картинами изъ эпохи Отечественной войны и картою. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к. Изд. книжнаго магазина П. В. Луковникова. Его же. Дочь посадничья. Повѣсть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы. Съ 53 рисунками. Изд. книжнаго магазина Луковникова (на оберткѣ іюньской книги).

14. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4 по 11 августа 1911 г. (тамъ же).

Журнальный зал
Московской обл. библиотеки